Проверено
19 г.

ЗАПИСКИ
Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

Томъ X, в. I.

Дв91(19)+
+91(19)
А 853
41-1

В. К. Арсеньевъ.

Китайцы въ Уссурійскомъ Краѣ.

Les Chinois dans la région de l'Oussouri.

Очеркъ историческо-этнографическій.

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСКАГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ

1914.
ХАБАРОВСКЪ.
ТИПОГРАФІЯ КАНЦЕЛЯРІИ ПРИАМУРСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

Прошло
1940 г.

Оглавленіе.

СТРАНИЦА

Очеркъ физико-географическій 1
Историческія данныя 35
Транскрипція географическихъ названій 55
Китайцы земледѣльцы 61
Эксплоатація инородцевъ 83
Охотники и звѣроловы 91
Промыслы 107
Искатели жень-шеня 121
Ханшинъ 131
Опіумъ и врачеваніе 138
Азартныя игры 149
Хунхузы 154
Китайскіе законы 165
Китайскія организаціи въ городахъ 189
Заключеніе 195

Замѣченныя опечатки.

Страницы.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
II	14	Транскрипцировалъ	Транскрибировалъ
8	20	Weto	Veto
45	14	Мидендорфомъ	Миддендорфомъ
47	1	1878	1778
55	28	Не на берегу моря, а на твердой землѣ	Не на берегу моря, а дальше вглубь материка—на твердой землѣ.
57	21	(Транскрипція)	(Переводъ)
91	18	низовыя	низовья
100	32	случайно	случайнаго
124	Выноска	Pisorthina	Pisorhina
135	17	Китйацы	Китайцы
161	24	большой	бо́льшей

Примѣчаніе на стр. 165 относится къ стр. 55-й, къ главѣ Транскрипція географическихъ названій.

Предисловіе.

Настоящая книга, которую я предлагаю благосклонному вниманію читателей, интересующихся Дальнимъ Востокомъ, представляетъ изъ себя очеркъ историческо-этнографическій. Находясь съ 1906 по 1912 годъ въ командировкахъ отъ Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества для географическихъ изслѣдованій центральной части горной области Сихотэ-Алиня, я впереди поставилъ себѣ задачей изученіе Орочей-удэhe.

Жизнь этихъ инородцевъ такъ тѣсно связана съ жизнью китайцевъ (особенно въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ), что мнѣ волей-неволей приходилось знакомиться съ послѣдними—съ ихъ промыслами и съ ихъ организаціей.

Добытыя мною свѣдѣнія показались мнѣ интересными. Я убѣдился, что въ Уссурійскомъ Краѣ, въ силу историческихъ событій, пришлые китайцы живутъ другой особенной жизнью, совершенно непохожей на жизнь ихъ въ Китаѣ и потому я рѣшилъ свѣдѣнія эти опубликовать, но не безъ нѣкотораго страха за транскрипцію китайскихъ названій.

Въ этнографическомъ отношеніи мой очеркъ далеко не полонъ; наприм., я совершенно не касаюсь обрядовой стороны брака, не говорю о рожденіи дѣтей, о похоронахъ и о религіи китайцевъ, потому что Уссурійскіе манзы въ этомъ отношеніи нисколько не отличаются отъ прочихъ сыновъ Поднебесной Имперіи, зато организаціи ихъ, морскіе промыслы, звѣроловство и исканіе жень-шеня заслуживаютъ того, чтобы объ нихъ поговорить подробнѣе. Затѣмъ, вопреки весьма распространенному, но ни на чемъ не основанному мнѣнію, что Китайцы будто-бы владѣли Уссурійскимъ Краемъ съ незапамятныхъ временъ, совершенно ясно можно доказать противное: Китайцы въ Уссурійскомъ Краѣ появились весьма недавно. Это важное обстоятельство всегда надо имѣть въ виду,

когда приходится говорить о прошломъ и будущемъ нашей Далекой Окраины.

Я не буду дѣлать обзора научной литературы по этому предмету; въ моей книгѣ имѣются ссылки на всѣхъ авторовъ, которыми я пользовался, разбирая историческія данныя. Среди этихъ ссылокъ есть и такія, которыми я не пользовался, но указываю ихъ лишь для того, чтобы указать читателю, кто и когда кромѣ меня работалъ въ томъ же направленіи и каковы были результаты этихъ изслѣдованій.

Всѣ китайскіе документы (смотр. соотвѣтствующія ссылки въ текстѣ) на русскій языкъ переведены кончившими Восточный Институтъ капитаномъ Шкуркинымъ (П. В.) и капитаномъ Федоровымъ (Е. А.) Кромѣ того, капитанъ Федоровъ транскрипцировалъ всѣ китайскія названія, которыя встрѣчаются въ текстѣ.*)

Свѣдѣнія о китайскихъ обществахъ взаимопомощи и торговли, исторію захвата китайцами земель у монголовъ и статистику китайскаго населенія въ Южной части Ольгинскаго уѣзда въ Уссурійскомъ Краѣ далъ мнѣ г. Шильниковъ (Е. А).

Приношу по адресу этихъ лицъ искреннюю благодарность.

В. Арсеньевъ.

---

*) *Примѣчаніе переводчика.* Транскрипція китайскихъ названій сдѣлана по запискамъ подполковника Арсеньева, которыя велись на мѣстахъ въ тайгѣ малограмотными китайцами и потому ручаться за правильность ея нельзя. Переводъ географическихъ названій также часто не удавался, вслѣдствіе неправильности употребленія мѣстными китайцами іероглифовъ. Пользоваться услугами образованныхъ китайцевъ, пріѣхавшихъ въ г. Хабаровскъ изъ Пекина, тоже не приходилось; исправить іероглифы было нельзя, потому что жизнь звѣролововъ и искателей жень-шеня имъ совсѣмъ незнакома и очень часто они не могли дать поясненій многимъ спеціально охотничьимъ терминамъ и выраженіямъ.

Капитанъ Федоровъ.

Очеркъ физико-географическій.

Орографія.

Область, заключенная между проливомъ Невельского (Татарскій проливъ) на востокѣ, рѣкою Уссури—на западѣ, рѣками: Хоръ, Самарги, Копи и Тумниномъ—на сѣверѣ и зал. Петра Великаго—на югѣ, извѣстная въ географіи подъ именемъ Уссурійскаго Края, находится въ предѣлахъ 42°39′ и 48°29′ сѣв. широты и 100°5′ и 109°28′ восточной долготы отъ Пулкова. Сюда же надо причислить и Посьетскій раіонъ, занимающій узкую прибрежную полосу земли отъ Амурскаго залива до устья р. Тюмень-Улы. Западная граница этого раіона проходитъ по хребту Лао-сунъ-линъ (т. е. Старый сосновый хребетъ *) отдѣляющему бассейнъ р. Хунчунхэ отъ рѣкъ, несущихъ свои воды въ море.

Вдоль всего Уссурійскаго Края, какъ основная ось его, въ направленіи отъ ЮЮЗ къ ССВ проходитъ дикій горный хребетъ Сихотэ-Алинь, раздѣляющій всю страну на три части: 1) собственно Уссурійскій Край, составляющійся изъ внутренняго бассейна правыхъ притоковъ р. Уссури и оз. Ханка, 2) Южно-Уссурійскій, въ который входятъ всѣ рѣки, текущія въ зал. Петра Великаго, раіоны Посьетскій и Сучанскій и южная прибрежная полоса до рѣки Аввакумовки и 3) Зауссурійскій Край, т. е. все побережье моря къ востоку отъ Сихотэ-Алиня съ границами отъ Де-Кастри до зал. Св. Ольги.

Бассейны всѣхъ рѣкъ, текущихъ къ западу отъ Сихотэ-Алиня не въ Уссури, а въ Амуръ непосредственно, а равно и побережье пролива Невельского отъ устья Амура до зал. Де-Кастри, входятъ въ такъ называемую Нижне Амурскую область.

*) Этотъ горный хребетъ на югѣ начинается горами Ма-ань-шань (Сѣдельныя горы), затѣмъ переходитъ въ Хэй-Шань (черныя горы) и уже противъ Барабаша принимаетъ вышеприведенное названіе Лао-сунъ-линъ.

Весь Уссурійскій Край занимаетъ площадь въ 201440 кв. верстъ и представляетъ изъ себя страну древне-складчатаго происхожденія. Приглядываясь къ расположенію долинъ и къ теченію рѣкъ, приглядываясь, вообще, къ орографіи страны, мы видимъ, что горные хребты располагаются параллельно другъ другу и параллельно берегу моря.

Средняя высота Сихотэ-Алиня около 3000 футъ, но отдѣльныя вершины поднимаются значительно выше. Такъ, наприм., Пикъ Лоонелаза (въ истокахъ р. Судзухэ) 5500 фут., г. Голая въ Сѣверно-Уссурійскомъ Краѣ 5170 фут., гора Шайтанъ (въ истокахъ р. Такэмы) 6510 фут.

Высота переваловъ колеблется отъ 1700 до 4000 фут. Наиболѣе низкій перевалъ будетъ съ р. Ли-фудина на р. Тадушу (1680 футъ), наиболѣе высокій съ р. Такэмы (Сица) на Арму (3500 футъ) и съ р. Тетюхэ на р. Ното (4550 футъ).

Нахожденіе высокихъ горныхъ вершинъ гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ Сихотэ-Алиня не должно смущать изслѣдователя потому, что каждая горная цѣпь представляетъ изъ себя какъ-бы отдѣльную горную складку, часто изогнутую, переходящую изъ меридіальнаго направленія въ широтное и всѣ эти складки связаны между собою цѣлою сѣтью отроговъ, которые нерѣдко являются и водораздѣлами.

Если подняться на гольцы Сихотэ-Алиня, чудная панорама и въ то же время поразительно однообразная картина открывается взору наблюдателя: Уссурійскій Край страна горная. Причудливыя вершины, острыя и тупыя, толпятся до самаго горизонта. Контуры дальнихъ горъ расплывчаты, неясны—онѣ тонутъ въ синеватой дали. Отсюда, съ высоты птичьяго полета, страна кажется какъ-бы окаменѣвшимъ моремъ, кажется, будто все это когда-то кипѣло, волновалось и вдругъ сразу застыло и остановилось въ своемъ движеніи.

Долины поперечнаго размыва—явленіе вполнѣ естественное, такъ какъ надо-же было водѣ найти выходъ къ морю или въ Уссури. Отсутствіе горныхъ хребтовъ около озера Ханка, отсутствіе ихъ около Уссури и по низовьямъ Имана, Бикина и Хора—есть результатъ размыва. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ отдѣльныя коническія сопки со

сглаженными контурами. Это остатки когда-то бывшихъ горныхъ хребтовъ.

Въ образованіи этихъ сопокъ принимали участіе и денудаціонные процессы. Выносимый рѣками изъ горъ разрыхленный матеріалъ отлагался здѣсь въ видѣ чрезвычайно мощныхъ напластованій. Одинокія сопки, видимыя теперь нами среди равнинъ, есть оставшіяся на дневной поверхности вершины горъ, погребенныхъ такими потретичными образованіями.

Въ петрографическомъ отношеніи почти всѣ горы состоятъ изъ породъ массивно кристаллическихъ. Это будутъ граниты, порфиры и глубинныя зеленокаменныя породы—діабазы и діориты.

Наблюдателя поражаетъ также обиліе лавъ и метаморфическихъ сланцевъ: трахиты, андезиты и въ особенности базальты съ ихъ туфами встрѣчаются всюду во множествѣ. Осадочныя породы, которыхъ еще не успѣла смыть вода, остались только кое гдѣ отдѣльными островками, но и тѣ скрыты подъ мощнымъ покровомъ растительности, что донельзя затрудняетъ геологическія изслѣдованія на мѣстѣ.

По мѣрѣ того, какъ подходишь къ хребту Сихотэ-Алиню, замѣчаешь, что характеръ горной страны все болѣе и болѣе исчезаетъ. Долина становится расплывчатой, горы уходятъ въ сторону и передъ глазами наблюдателя развертывается широкая заболоченная низина, замыкаемая, какъ стѣной, хребтомъ Сихотэ-Алинемъ. Тоже самое наблюдается и при спускѣ съ водораздѣла. Сначала—кручи и обрывы, а затѣмъ—рѣзкій переходъ къ широкой слабовсхолмленной низинѣ. Горъ не видно—онѣ чуть-чуть синѣютъ гдѣ-то за лѣсомъ. Множество ручьевъ течетъ по всѣмъ направленіямъ, такъ что сразу и не оріентируешься, —гдѣ-же, собственно, главная рѣчка и куда слѣдуетъ идти. Только послѣ суточнаго перехода замѣчаешь, что горы мало-по-малу начинаютъ опять подходить къ рѣкѣ и страна снова становится гористой. Значитъ, посрединѣ между Сихотэ-Алинемъ и Уссури и въ Прибрежномъ раіонѣ характеръ горной страны выраженъ интенсивнѣе.

Характерною особенностью горъ Уссурійскаго Края являются ихъ осыпи. Онѣ располагаются не только по греб-

нямъ и вершинамъ горъ, но и по склонамъ ихъ, и занимаютъ иногда довольно значительныя пространства. Чаще всего эти осыпи голыя или покрыты только одними лишаями и сухими мхами. Если обломки, составляющіе осыпь, крупные, то по нимъ можно идти какъ по лѣстницѣ, если же они мелкіе, то очень подвижны, не выдерживаютъ давленія ноги человѣка и сползаютъ. Осыпи эти есть результатъ разрушенія горныхъ породъ дѣятельностью атмосферныхъ агентовъ.

Восточной и южной границей Уссурійскаго Края будетъ Японское море. Въ геологическомъ отношеніи южный берегъ страны представляетъ изъ себя продольныя долины, заполненныя водою (Далматскій типъ по Рихтгофену). Прежніе горные хребты образовали полуострова и острова, которые теперь мы видимъ разбросанными по всему заливу Петра Великаго. Но по мѣрѣ того, какъ мы будемъ двигаться къ востоку по направленію къ заливу Св. Ольги и далѣе на сѣверъ, мы встрѣчаемъ совсѣмъ другой типъ береговъ—именно „Ріасовый", превратившійся впослѣдствіи въ „продольный". Здѣсь углубленія въ сушѣ выполнились наносами рѣки, море отступило и, бывшіе когда то глубокіе заливы превратились въ лагуны, которыя впослѣдствіи осохли и дали весьма плодородныя илистыя земли, годныя для заселеній — здѣсь произошло выравниваніе берега.

Сильно развитая береговая линія въ южной части Уссурійскаго Края весьма способствовала развитію морского каботажа, подтвержденіе чего мы и находимъ въ исторической японской литературѣ. Но, чѣмъ дальше къ востоку отъ залива Америки и далѣе на сѣверъ къ проливу Невельского, плаваніе становится все труднѣе и труднѣе. Хотя тутъ и есть такіе большіе заливы, какъ, напр., Св. Владиміра и Джигитъ, но они значительно удалены другъ отъ друга. Всѣ же остальныя небольшія бухты открыты со стороны моря, подвержены волненіямъ и потому не всегда даютъ судамъ защиту отъ непогоды. Еще дальше на сѣверъ всякія гавани уже отсутствуютъ. Высокій скалистый берегъ падаетъ къ морю отвѣсными обрывами. Внизу у подножья ихъ тянется узкая намывная полоса прибоя шириною въ нѣсколько саженъ, заваленная глыбами, свалившимися сверху. Мѣстами эта

полоса отсутствуетъ совершенно, такъ что иногда на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ даже простымъ парусным лодкамъ пристать негдѣ. Кромѣ того, сильные вѣтры, дующіе со стороны моря въ лѣтнее полугодіе, создаютъ бѣшеный прибой у берега. Все это дѣлаетъ плаваніе около восточныхъ береговъ Уссурійскаго Края труднымъ и рискованнымъ и это была главная причина, почему хунчунскіе маньчжуры долго сюда не заходили.

Рѣки.

Всѣ рѣки Уссурійскаго Края принадлежатъ къ тремъ бассейнамъ: большинство ихъ течетъ въ Уссури, рѣки Зауссурійскаго Края несутъ свои воды въ проливъ Невельского и въ Японское море и только немногія текутъ въ заливъ Петра Великаго.

Рѣки и орографія страны тѣсно связаны между собою, поэтому, говоря о поверхности Уссурійскаго Края, будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о рѣкахъ и о долинахъ, по которымъ онѣ протекаютъ. Однѣ изъ рѣкъ текутъ по межскладчатымъ продольнымъ долинамъ (каковы, напр., Судзухэ, Сучанъ, Ула-хэ, Дауби-хэ, Май-хэ и р. Уссури), другія текутъ въ крестъ простиранія горныхъ складокъ и образуютъ долины прорыва, напр., Иманъ, Бикинъ, Хоръ, Самарги и Копи. Тектоническія долины всегда открытыя. Онѣ окаймлены съ обѣихъ сторонъ горными хребтами; теченіе ихъ рѣкъ—прямое, не извилистое, притоки—всѣ мелкіе. Денудаціонныя же долины слагаются изъ ряда широкихъ котловинъ, то и дѣло замыкаемыхъ горами. Вода прорвала здѣсь горные хребты и силою проложила себѣ дорогу. Эти узкія ворота мѣстные жители называютъ „щеками“.

Всѣ Уссурійскія рѣки имѣютъ горно-таежный характеръ: именно: крутое паденіе тальвега, каменистое дно, пороги и водопады. Теченіе ихъ быстрое—отъ 8 до 12 верстъ въ часъ въ малую воду, во время же половодья быстрота теченія увеличивается до 16 и 18 верстъ. Уровень воды въ рѣкахъ непостояненъ и всецѣло зависитъ отъ количества дождей, выпадающихъ въ данной мѣстности. Отъ уровня воды въ рѣкѣ зависитъ большая или меньшая скорость ея теченія.

Наводненія слѣдуютъ непосредственно за дождями. Вода

скоро сбѣгаетъ съ горъ, отчего наводненія никогда не бываютъ продолжительны, зато всегда стремительны и дѣйствуютъ чрезвычайно разрушительно.

Двигательная сила воды не поддается никакому описанію. Самыя быстрыя рѣки: Такема, Хоръ, Арму, Анюй и Гобилли. Въ 1895 году Арму прорвала горный хребетъ и проложила себѣ новую дорогу. Во время наводненія всѣ рѣки имѣютъ грозный видъ. Мутная вода стремительно несется книзу и сокрушаетъ все на своемъ пути. Огромныя деревья въ 10—15 саж. длины и въ $1^1/_2$—2 саж. въ окружности несутся по водѣ со страшною быстротою и на подобіе гигантскихъ таранов бьютъ берегъ. Происходятъ большіе обвалы, которые увлекаютъ за собою другія деревья. Вода подхватываетъ этотъ новый матеріалъ и несетъ его дальше. Гдѣ нибудь въ протокѣ такой гигантъ застреваетъ. Тотчасъ же около него начинаетъ собираться плавникъ—все больше и больше. Такъ образуются завалы. Это природные мосты, по которымъ можно переходить съ одной стороны рѣки на другую. Деревья въ завалахъ сложены такъ плотно, что разобрать ихъ безъ помощи топоровъ и пилы нѣтъ никакой возможности. Этотъ буреломъ можетъ лежать такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока новое болѣе сильное наводненіе не перенесетъ его на другое мѣсто.

Послѣ наводненія—картина печальная: поваленныя деревья, трупы утонувшихъ животныхъ, снесенныя юрты, слои ила, придавившіе молоднякъ и кусты, и всюду новые протоки, а рѣка проложила себѣ уже новое русло и занесла каряжинами и пескомъ мѣсто прежняго своего теченія.

Характерною еще особенностью всѣхъ рѣкъ, протекающихъ по поперечнымъ долинамъ размыва, будетъ извилистое ихъ теченіе. Область каскадовъ отодвинута далеко къ истокамъ, область пороговъ наоборотъ доходитъ иногда до самаго устья.

Другой особенностью рѣкъ будетъ ихъ блужданіе по долинѣ. Мы всюду находимъ старицы, свидѣтельствующія о томъ, что прежде рѣка текла не тамъ, гдѣ она проходитъ теперь и что эти перемѣщенія происходили не однажды.

Глубина рѣкъ крайне неравномѣрная и колеблется въ цифрахъ отъ одного фута до нѣсколькихъ саженъ.

Русло рѣки проходитъ то у одного берега, то у другого и въ то же время, какъ вода подмываетъ одну сторону, съ другой стороны образуются мощныя аллювіальныя отложенія. Уже въ среднемъ теченіи рѣка разбивается на протоки, которыя около устьевъ образуютъ часто настоящіе лабиринты, такъ что безъ опытнаго провожатаго выбраться изъ нихъ бываетъ иногда очень затруднительно.

Множество старицъ и сухихъ протоковъ служатъ водоотводными каналами во время наводненій въ дождливое время года.

Еще отличительнымъ признакомъ мѣстныхъ рѣкъ будетъ низкая температура воды. Обыкновенно въ устьѣ она отъ 9-ти до 14° С., но, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подниматься вверхъ по теченію, температура воды будетъ падать все больше и больше и въ истокахъ достигаетъ только 1° С. Въ 1908 году въ верховьяхъ рѣки Гобилли у подножья хребта Сихотэ-Алиня въ началѣ августа мы нашли мерзлую почву и ледъ, какъ породу, мощностью около фута. Такое-же явленіе я наблюдалъ и въ верхнемъ теченіи рѣки Такэмы въ 1907 году и на Тумнинѣ въ 1909 году лѣтомъ. Теперь понятно, почему въ рѣкахъ вода такая холодная. Этимъ объясняется отсутствіе жизни въ верховьяхъ нашихъ рѣкъ. Исключеніе составляютъ форели (Salvelinus alpinus malma) (Valv). Другихъ рыбъ нѣтъ;—не замѣчается ни водяныхъ цвѣтковыхъ растеній, ни водорослей. Сквозь чистую прозрачную воду видна только одна голая галька.

Вотъ почему изъ моря въ эти рѣки идетъ только та рыба (горбуша и кэта), которая за все время своего пребыванія въ прѣсной водѣ ничего не ѣстъ и питается только тѣмъ запасомъ жизненныхъ силъ, который она пріобрѣла въ морѣ.

Флора.

Уссурійскій Край представляетъ изъ себя страну, сплошь покрытую густыми лѣсами. Открытыя равнины находятся только по долинамъ большихъ рѣкъ, главнымъ образомъ около

озера Ханка, по р. Уссури и по низовьямъ всѣхъ правыхъ ея притоковъ. Но чѣмъ дальше мы будемъ подыматься въ горы, тѣмъ меньше мы будемъ находить мѣстъ, годныхъ для заселенія. Уже по среднему теченію рѣкъ открытыя мѣста встрѣчаются только въ видѣ отдѣльныхъ полянъ, разобщенныхъ другъ отъ друга. А еще дальше идетъ глухая тайга—безконечная, пустынная и дикая.

Время разсвѣта въ лѣсу не совпадаетъ съ разсвѣтомъ на небѣ. Солнце взошло, а въ лѣсу все еще темно. Вечеромъ сумерки тоже наступаютъ рано, да и днемъ то солнце мало проникаетъ сквозь хвои, а потому внизу всегда полумракъ и ясный день кажется сѣрымъ, пасмурнымъ. Это гнетуще дѣйствуетъ на душу. Глазъ утомляется и ждетъ простора.

Даже самый привычный бродяга, погружаясь въ дебри Сихотэ-Алиня, невольно каждый разъ испытываетъ страхъ передъ этою лѣсною громадой. Бездорожье, безконечность тайги, дожди, наводненія, гнусъ и отсутствіе звѣря не разъ были причиною гибели смѣльчаковъ, рискующихъ бороться съ природою тамъ, гдѣ она наложила свое „Weto".

Тайга Южно-Уссурійскаго Края чрезвычайно разнообразна и имѣетъ красивый декоративный видъ. Наблюдателя поражаетъ смѣсь южныхъ формъ съ сѣверными породами. Колючій Dimorphantus mandshuricus-Maxim. и Kalopanax ricinifolium Mig. растутъ рядомъ съ бѣлой березой. Около бархата (Phellodendron amurense Rupr.) пріютилась маленькая елочка. Тутъ же поблизости на камняхъ выросли Aralia Mandrhurica R. M. и Spiraea amurensis. Maxim. По склонамъ горъ —дубнякъ (Quercus mongolica. Fiesh.) и кленъ (Acer mono. Maxim), въ долинахъ ясень, тополь и орѣхъ (Juglans mandshurica Maxim). Въ тѣни лѣса пышно разрослись: колючій Eleutherococcus senticosus—Maxim родственникъ жень-женя, и папоротники Aspidium, Osmunda и Strüthiopteris Germanica. Willd, ваи которыхъ превышаютъ ростъ человѣка; и все это заросло и перепуталось ліанами (Schizandra Chinensis.—Baill) и виноградниками (Vitis amurensis—Rupr.).

Кто не бывалъ въ тайгѣ Южно-Уссурійскаго Края, тотъ не можетъ себѣ представить, какая это чаща, какія это заросли!

Буквально въ нѣсколькихъ шагахъ ничего нельзя видѣть. Въ двухъ или трехъ саженяхъ не разъ случалось подымать съ лежки звѣря, и только шумъ и трескъ сучьевъ указывали то направленіе, въ которомъ уходило животное.

На открытыхъ долинахъ—царство полыни (Artemisia vulgaris). Илистые и песчаные заносы заросли тростникомъ. Производительная сила земли чрезвычайно велика—травы достигаютъ роста выше человѣка. Напримѣръ, Angelica daurica достигаетъ 18 фут. высоты. Едва успѣетъ человѣкъ отвоевать себѣ клочекъ земли и очистить его отъ зарослей, какъ онъ тотчасъ же снова начинаетъ зарастать травою. Приходится все время вести упорную борьбу. Чуть только энергія человѣка начинаетъ ослабѣвать, травяная растительность быстро захватываетъ обработанное поле, такъ, что на другой годъ оно нисколько не отличается отъ сосѣднихъ невоздѣланныхъ участковъ.

Сѣверные склоны горъ большею частью лѣсистые съ смѣшанными породами; южные-же, солнечные—сплошь покрыты таволожникомъ (Lespedeza bicolor. Turch) и рѣдколѣсьемъ изъ дуба и липы (Tilia cordata-Rupr.) По увалamъ заросли орѣшника (Corylus heterophylla-Fisch). Нерѣдко эти кустарники совершенно вытѣсняютъ всякія другія породы.

Въ Зауссурійскомъ Краѣ при высадкѣ на берегъ со стороны моря является впечатлѣніе пустыни: прибрежныя горы совершенно оголены отъ лѣса. Вліяніе тумановъ и морскихъ вѣтровъ гибельно отзывается на растительности. Близъ моря растутъ только одиночныя деревья. Они низкорослы, кривы, имѣютъ чахлый видъ и похожи скорѣе на кустарники.

Илъ, оставляемый въ долинахъ наводненіями, очень плодороденъ, отчего трава пышно разрастается и образуетъ густыя заросли. По этимъ зарослямъ идти чрезвычайно трудно. Кустарниковая растительность по всему Краю довольно разнообразна; главными представителями являются: таволга, (Spiraea amurensis—Maxim), шиповникъ (Rosa daurica), боярышникъ (Crataegus sanquinea Pall), бузина и друг. По берегамъ протоковъ въ изобиліи растутъ ольха, черемуха, смородина и барбарисъ (Berberis amurensis—Rupr).

По мѣрѣ того, какъ мы будемъ все больше и больше

углубляться въ горы, лиственное рѣдколѣсье начинаетъ смѣняться густыми смѣшанными лѣсами. Еще дальше начинаютъ мелькать кое гдѣ тупыя вершины кедра (Pinus Koraiensis. Sieb. et Zuc) и остроконечныя вершины ели и пихты, и, наконецъ, въ горахъ около Сихотэ-Алиня, въ самыхъ истокахъ рѣкъ, мы попадземъ въ исключительно хвойные лѣса. Мхи, обиліе влаги и низкая температура создаютъ здѣсь полнѣйшую формацію тундры.

Если идти вдоль берега моря, съ юга на сѣверъ, замѣчаешь, что лиственицы (Larix daurica—Turch) попадаются сначала одиночными деревьями, а затѣмъ и группами. Впервые группы эти встрѣчаются на берегу моря около р. Найны. Хвойныя лѣсонасажденія начинаютъ углами подходить къ морю около р. Амагу (мысъ Бѣлкина).

Теперь перенесемся въ центральную часть Уссурійскаго Края и станемъ взбираться на одну изъ высокихъ горъ. Мы идемъ по хвойному лѣсу, карабкаемся по камнямъ. Нога скользитъ и проваливается въ рѣшетинахъ между корнями. Наконецъ мы доходимъ до осыпей. До вершины еще далеко. Интересно прослѣдить, какъ зарастаютъ эти осыпи. Здѣсь для любителей альпійской флоры открывается широкое поле дѣятельности: сначала голые камни, еще не успѣвшіе обрасти мхами, затѣмъ травы, потомъ—папоротники и, наконецъ, кустарники и жиденькая рябина (Pyrus aucuparia L). Пойдемъ выше. Вотъ лѣсъ началъ рѣдѣть, и вы попадаете въ кедровый сланецъ (Pinus pumila Reg.). Сланецъ этотъ издали похожъ на зеленую травку. Взбираясь на вершину, неопытный путникъ торопится скорѣе пройти лѣсную зону и выйти къ этой зелени. Велико его бываетъ разочарованіе, когда вмѣсто мягкой травы онъ вступаетъ въ лѣсъ кедроваго сланца. Толстыя вѣтви его спускаются съ вершины, стелятся внизъ по землѣ и отдѣляютъ отъ себя другія вѣтви. Вѣтви эти перепутались между собою и торчатъ какъ разъ навстрѣчу человѣку, идущему въ гору. Пробраться черезъ эти заросли можно только съ топоромъ въ рукахъ и съ затратой большихъ усилій. Выше кедроваго сланца растетъ богульникъ (Ledum palustre); дальше—брусника (Vaccinium vitis idaea), потомъ— лишайники (Lichnes) и, наконецъ, гольцы.

Теперь два слова относительно лѣсовъ къ западу отъ Сихотэ-Алиня. Тотчасъ за водораздѣломъ лѣсъ густой—сѣдой хвойный, но деревья здѣсь не достигаютъ большихъ размѣровъ.

Вслѣдствіе каменистой почвы, корни ихъ не углубляются далеко въ землю, а распространяются по поверхности. Поэтому деревья стоятъ непрочно, и опрокидываются большими вѣтрами. Вотъ почему тайга Уссурійскаго Края такъ завалена буреломомъ. Упавшія деревья на рѣшетинахъ своихъ корней подымаютъ массу земли и оголяютъ каменистую почву.

42456

Настоящихъ болотъ въ Уссурійскомъ Краѣ не такъ много, зато заболоченныя почвы съ кислыми травами встрѣчаются всюду, на каждомъ шагу и не только въ долинахъ, но и на склонахъ горъ и даже на самыхъ перевалахъ. Такую комбинацію горъ, лѣсовъ, рѣкъ и болотъ съ перваго взгляда, казалось бы, и допустить трудно, но, принимая во вниманіе каменистую почву, глины и торфяники, принимая во вниманіе ежегодное обиліе атмосферныхъ осадковъ, въ особенности лѣтомъ, принимая, наконецъ, во вниманіе то обстоятельство, что большое количество дождевой воды задерживается растительностью на поверхности почвы- образованіе болотъ въ лѣсу и въ горахъ, гдѣ по топографическимъ условіямъ имъ не должно бы быть мѣста, становится вполнѣ понятнымъ.

БИБЛІОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГЕОГР. МУЗЕЯ

Уссурійскій Край—страна лѣсовъ! Такъ оно было до тѣхъ поръ, пока сюда не прибыли русскіе переселенцы. Уссурійскій Край горитъ! Въ настоящее время по крайней мѣрѣ четвертая часть всѣхъ лѣсовъ уже уничтожена пожарами. Почти весь прибрежный раіонъ и весь хребетъ Сихотэ-Алинь голый. Лѣсъ сохранился на немъ только кое гдѣ небольшими участками. Начиная отъ р. Аввакумовки вплоть до мыса Сосунова, и дальше къ сѣверу къ истокамъ Тумнина, —нѣтъ ни одной рѣки, гдѣ бы не было пожара. Лѣса сохранились только по долинамъ рѣкъ, горы же совершенно оголены отъ лѣса. Видно, что пожары здѣсь были подъ рядъ нѣсколько разъ. Можно безошибочно сказать, что новымъ пожарамъ здѣсь нѣтъ болѣе пищи, нѣтъ матеріала.

Съ исчезновеніемъ лѣсовъ начинаетъ быстро исчезать

и жизнь: улетаютъ птицы, соболь уходитъ, а потому цѣна на лѣсныя собольи дачи подымается до невѣроятныхъ размѣровъ. Если такъ будетъ продолжаться дальше, если не будутъ приняты мѣры къ тушенію пожаровъ, если сами жители не станутъ заботиться о тайгѣ, не станутъ беречь ее и охранять отъ огня,—Уссурійскій Край очень и очень скоро очутится безъ лѣса и безъ звѣря, но зато съ наводненіями.

Интересно отмѣтить, что въ долинахъ на мѣстахъ горѣлыхъ, тамъ, гдѣ уничтожены хвойные лѣса, начинаетъ происходить заболачиваніе почвы, что въ свою очередь тоже въ значительной степени мѣшаетъ появленію новаго лѣса. Въ горахъ наблюдается иное явленіе—здѣсь на мѣстѣ стараго пожарища появляется сплошной березнякъ, а подъ покровомъ его, въ тѣни, вновь засѣивается и вновь вырастаетъ молодая хвоя.

Фауна.

Особеннымъ разнообразіемъ животнаго царства отличается Южно-Уссурійскій Край, побережье моря, верховья р. Уссури и низовья р. р. Имана, Бикина и Хора.

Всѣ животныя находятся въ тѣсной зависимости отъ распространенія растительности въ краѣ. Напримѣръ: гдѣ кедръ—тамъ и бѣлка, тамъ и кедровка; гдѣ бѣлка—тамъ и соболь; гдѣ кабарга—тамъ и росомаха; гдѣ кедръ и дубъ—тамъ кабанъ и изюбрь, а гдѣ кабанъ—тамъ и тигръ.

Разсмотримъ вкратцѣ только промысловыхъ животныхъ и нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ.

Тигръ (Felis tigris longipilis—Fit.) мало обращаетъ вниманія на климатическія условія. Онъ держится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ гуще заросли, и гдѣ вообще много звѣря—главнымъ образомъ, гдѣ есть олени, кабаны и козы. Въ настоящее время тигровъ больше всего въ хребтѣ Дадянь-шань (водораздѣлъ, отдѣляющій верховья р.р. Лефу, Даубихэ и Улахэ отъ бассейновъ р.р. Майхэ, Цимухэ, Сучана и Судзухэ), въ истокахъ Фудзина и Ното, по нижнему теченію Имана, Бикина и Хора, по р.р. Мухеню, Пихцѣ и Анюю. Одиночные экземпляры пробираются черезъ хребетъ Сихотэ-Алинь къ морю и заходятъ далеко на сѣверъ.

Лѣтомъ тигра почти невозможно увидѣть—онъ скрывается въ чащѣ зарослей. Съ наступленіемъ холодовъ тигръ становится смѣлѣе и подходитъ ближе къ человѣческимъ жилищамъ. Это объясняется тѣмъ, что лѣтомъ онъ всегда сытъ; зимою тигру труднѣе найти пищу, голодъ мучаетъ его и онъ подходитъ къ деревнямъ ближе. Случаи нападенія на людей бываютъ только зимою. Всѣхъ тигровъ перебить никогда не удастся—они приходятъ сюда изъ Маньчжуріи и изъ Кореи и весьма возможно, что, съ исчезновеніемъ краснаго звѣря, тигры станутъ охотиться и за людьми, какъ въ Индіи. На побережьѣ моря тигры встрѣчаются только до мыса Олимпіады, дальше къ сѣверу ихъ изрѣдка, одиночными экземплярами, видятъ въ верховьяхъ Самарги, Копи и на р. Хуту. Инородцы не бьютъ тигра, считая его священнымъ животнымъ. Русскіе охотники убиваютъ въ годъ около 50—60 звѣрей по всему краю. Цѣна на шкуру колеблется отъ 75 до 200 руб. и болѣе.

Барсъ (Felis pardus—Lin), правильнѣе леопардъ, животное довольно рѣдкое. Встрѣчается только въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ около моря. Сѣверной границей его распространенія будетъ оз. Ханка, Никольскъ-Уссурійскій, Анучино, хребетъ Да-дянь-шань и зал. Св. Ольги. Цѣна шкуры 35—50 р.

Рысь (Felis isabellinus—Blit) распространена по всему краю, но чаще встрѣчается къ сѣверу отъ р. Имана; шкура стоитъ отъ 20 до 30 руб.

Медвѣдей много. Ихъ два вида: первый (Ursus torquatus—L) съ бѣлымъ ошейникомъ и пятномъ на груди, наиболѣе свирѣпый, устраиваетъ свои берлоги въ дуплахъ тополя, лакомится желудями, ягодами и кедровыми орѣхами, и потому область его распространенія къ сѣверу ограничивается сѣверною границею Маньчжурской флоры. Второй видъ (Ursus arctos L) устраиваетъ берлоги въ землѣ подъ корнями деревьевъ. Эти медвѣди имѣютъ различные отмастки отъ свѣтло-бураго до совершенно чернаго. Вообще, медвѣдей много, но особенно они часто встрѣчаются къ сѣверу отъ Императорской гавани. Шкуры ихъ цѣнятся отъ 7 до 15 рублей.

Кабанъ (Sus scrofa-Lin) распространенъ по всему Южно-Уссурійскому Краю, особенно въ бассейнѣ Уссури, и по по-

бережью моря до мыса Олимпіады. Это животное чрезвычайно плодливое. Ходитъ табунами до 100 головъ и болѣе и причиняетъ много вреда хлѣбопашцамъ и огородникамъ. Чтобы оградить свои посѣвы отъ дикихъ свиней, китайцы по ночамъ раскладываютъ костры, бьютъ въ колотушки и мѣдныя тарелки и стараются криками отогнать животныхъ. Даже стрѣльба не пугаетъ кабановъ: послѣ выстрѣла, черезъ 15 минутъ, тотъ-же табунъ снова появляется на той же пашнѣ.

1908, 1909 и 1910 г.г. ознаменовались глубокими снѣгами, вслѣдствіе чего множество животныхъ погибло отъ голода. Трупы павшихъ свиней охотники находили всюду. Съ этого времени кабановъ стало значительно меньше.

Соболь (Сем. Mustellidae)-ниже объ немъ я буду говорить подробнѣе. Этотъ представитель хорьковыхъ (Mustella zibellina-L) распространенъ по всему краю, но главнымъ образомъ въ горной области хребта Сихотэ-Алиня и къ сѣверу отъ 43° широты. Поистинѣ достойны удивленія тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ охотники, чтобы выслѣдить и поймать дорогого хищника. Надо поражаться и соболю, съ какою хитростью онъ старается запутать свои слѣды и уйти отъ преслѣдователей. Изъ числа всѣхъ соболей въ Уссурійскомъ Краѣ приблизительно около 60% добываются китайцами, процентовъ 40 инородцами и самый ничтожный процентъ падаетъ на долю русскихъ. Китайцы выискиваютъ соболей весною въ дуплахъ деревьевъ и подъ корнями пней, когда они готовятся дать на свѣтъ молодое поколѣніе и бьютъ ихъ ради выпоротковъ, которые продаются корейцамъ для изготовленія лѣкарствъ. Цѣна одного выпоротка 1 рубль.

Горный козелъ (Nemorhaedus caudatus A. M. Ed.) почти совершенно истребленъ охотниками. Къ сѣверу распространенъ только въ прибрежномъ раіонѣ до бухты Терней. Въ настоящее время животное это еще кое гдѣ встрѣчается къ западу отъ Амурскаго залива, ближе къ Китайской границѣ.

Дикая коза (Capreolus pygargus—L) обитаетъ по низинамъ рѣчныхъ долинъ тамъ же, гдѣ и изюбри и пятнистые олени. Лѣтъ двадцать тому назадъ это животное большими массами перекочевывало ежегодно изъ Уссурійскаго Края въ Маньчжурію. Наши казаки, замѣтивъ мѣсто, гдѣ переправля-

лись козы черезъ рѣку Уссури, били ихъ палками по нѣсколь-ку сотъ головъ въ сутки. Въ настоящее время тамъ, гдѣ обитали раньше олени и козы—свиститъ паровозъ, а по горнымъ долинамъ разселились степняки малороссы, которые не любятъ лѣсовъ, боятся тайги и уничтожаютъ ее не столько топоромъ, сколько огнемъ. Вотъ почему красный звѣрь началъ быстро исчезать, и о такихъ ходахъ дикой козы сохранились одни только разсказы.

Лось (Alces palmatus—L). Вѣроятно разновидность лося, живущаго въ Сибири. Въ Уссурійскомъ Краѣ лось обитаетъ въ сѣверной и центральной части страны, т. е. по верховьямъ р.р. Хора, Бикина и Имана и спускается по хребту Сихотэ-Алиню до залива „Пластуна". Къ берегу моря лось выходитъ только около мыса Бѣлкина и сѣвернѣе его. Рога этого лося не имѣютъ лопастей; они круглые, очень похожи на изюбриные, и самъ онъ не достигаетъ такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ Россіи и въ западной Сибири. Лѣтомъ лоси уходятъ изъ горъ и жмутся къ берегу моря. Найти и убить этихъ звѣрей не трудно. Осенью лось снова уходитъ къ водораздѣлу и въ декабрѣ мѣсяцѣ совсѣмъ удаляется изъ прибрежнаго раіона въ бассейнъ рѣки Уссури.

Красный волкъ (Cuon alpinus.—Pall) ходитъ небольшими стаями, держится въ глухихъ лѣсахъ. Охотится за оленями сообща, причемъ одни волки играютъ роль загонщиковъ, а другіе устраиваютъ засаду. Сѣрый волкъ (луговой) встрѣчается рѣдко. Крестьянскій домашній скотъ отъ волковъ страдаетъ мало.

Кабарга (Moschus moshiferus.—Linn) въ большомъ количествѣ распространена по всему краю. Держится, главнымъ образомъ, въ хвойныхъ лѣсахъ. Въ послѣднее время въ погонѣ за мускусомъ она истреблена китайскими охотниками въ значительной степени. Неумолимымъ врагомъ ея является росомаха (Cullo luscus—Lin.). Этотъ стопоходящій представитель хорьковыхъ есть во всѣхъ лѣсахъ Уссурійскаго Края. Мѣхъ росомахи цѣнится отъ 3—7 рублей.

Енотовидная собака (Nyctereutes procyonoides.—Gray.) ловится по берегамъ рѣкъ, главнымъ образомъ, въ Южно-Ус-

сурійскомъ Краѣ. Благодаря поднявшейся цѣнности на ея шкурку, въ послѣднее время сильно уничтожена. Цѣна шкурки отъ 2—3 рублей.

Семейство оленевыхъ—(Cervidae) Изюбрь. Благородный олень (Cervus xantopygus—Edvar.) обитаетъ въ низовьяхъ Хунгари, по среднему теченію Анюя и на р. Мухэнѣ, затѣмъ по долинѣ р. Уссури, по нижнему и среднему теченію всѣхъ правыхъ ея притоковъ, по всему Южно-Уссурійскому Краю, на побережьѣ моря до мыса Бѣлкина, держится также въ верховьяхъ р. Самарги и изрѣдка на р. Хуту. Панты его достигаютъ цѣнности до 300 рублей. Благодаря безсистемному избіенію во всякое время года и въ особенности вслѣдствіе охоты во время „спариванія", количество изюбрей сильно уменьшилось.

Лѣтомъ въ тайгѣ царитъ полная тишина—можно подумать, что кругомъ все вымерло. Ни единый звукъ и ни единый шорохъ не выдаютъ присутствія звѣря или птицы. Осенью-же, когда наступятъ холодныя лунныя ночи, тайга оживаетъ —начинается ревъ изюбрей. Въ это-же время реветъ всякій звѣрь, реветъ и тигръ. Онъ ловко подражаетъ изюбрю, и только короткое мурлыканіе въ концѣ изобличаетъ страшнаго хищника. Инородцы въ трубу, сдѣланную изъ бересты, хорошо подражаютъ реву оленя и подзываютъ его къ себѣ ближе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Случается и такъ: охотникъ ищетъ изюбря и, вдругъ, вмѣсто желаннаго оленя изъ зарослей выходитъ тигръ, въ мигъ роли могутъ помѣняться: дичь становится охотникомъ, а охотникъ—дичью. Впрочемъ, тигръ раньше человѣка узнаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и заблаговременно постарается уклониться отъ встрѣчи.

Пятнистый олень (Cervus Debovskii—Svinhoe.) встрѣчается въ истокахъ Уссури (Даубихэ и Улахэ) въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ и въ прибрежномъ раіонѣ только до мыса Бѣлкина. Китайцы различаютъ два вида этихъ оленей: «Мый-хуалу» и «Кый-хуалу». Первый—обитаетъ въ южной части Южно-Уссурійскаго Края и на прилегающихъ къ нему островахъ, въ томъ числѣ и на Аскольдѣ; сѣверной границей его распространенія будетъ р. Хулуай, впадающая въ заливъ Св. Владиміра. Второй—раса еще не описанная въ наукѣ. Ро-

41

стомъ онъ нѣсколько больше «Мый-хуалу» и окраска его блѣднѣе, и живетъ онъ въ прибрежномъ раіонѣ отъ залива Св. Владиміра до мыса Бѣлкина.

Пятнистый олень чрезвычайно красивое животное. Представьте себѣ небольшого стройнаго оленя краснаго цвѣта съ черной полосой по спинѣ и съ семью рядами бѣлыхъ пятенъ по всему тѣлу. Особеннаго вниманія заслуживаетъ этотъ видъ потому, что кромѣ Южно-Уссурійскаго Края онъ нигдѣ не водится. Панты (молодые рога) его достигаютъ огромной цѣнности—до 1200 руб. одна пара. Преслѣдуемое русскими и китайскими охотниками, безсистемно избиваемое во всякое время года, тѣснимое переселенцами, это вымирающее животное все дальше и дальше уходитъ въ глубь материка, но не выноситъ жизни въ глухихъ хвойныхъ лѣсахъ и погибаетъ очень скоро.

Объ уменьшеніи площади обитанія пятнистаго оленя можно судить изъ сопоставленія описаній изслѣдователей Уссурійскаго Края съ настоящимъ временемъ.

Маакъ (путешествіе по долинѣ рѣки Уссури въ 1859 г., изд. 1863 года. Томъ I, стр. 136—138), различая двухъ пятнистыхъ оленей—лань (Cervus Dama) и неизвѣстный видъ Cervus Sp., говоритъ о первомъ: «подвигаясь по р. Уссури внизъ по теченію, мы замѣчаемъ, что лань дѣлается все менѣе и менѣе частой; наконецъ, за устьемъ рѣки Има туземцы могли разсказать мнѣ нѣсколько рѣдкихъ случаевъ, изъ которыхъ можно заключить, что лань еще здѣсь водится. Дней за 10 до моего путешествія было убито нѣсколько этихъ животныхъ у подошвы хребта Макангъ, въ горахъ Бихарка и Оіонго. Судя по разсказамъ туземцевъ, самый сѣверный пунктъ распространенія лани по рѣкѣ Уссури составляетъ мѣстность Хатъ, немного выше устья рѣки Нора, гдѣ за два года до моего путешествія было убито два экземпляра. Такъ какъ это животное весьма рѣдко по среднему теченію р. Уссури и притомъ китайцы очень охотно покупаютъ лѣтнія шкуры, то я и не могъ достать здѣсь ни одной. Мнѣ удалось добыть только одну зимнюю шкуру съ животнаго, убитаго на р. Даубихэ».

О распространеніи этого животнаго за раіономъ своего

КРАЕВАЯ

изслѣдованія Маакъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Китайцы говорили мнѣ, что лань встрѣчается весьма часто около города Гирина и г. Нингуты, а также въ области рѣки Суйфуна, откуда переходитъ на р.р. Мурень и Даубихэ».

О неизвѣстномъ видѣ оленя онъ сообщаетъ: «Жители верхняго теченія р. Уссури говорили, что видъ этотъ, занимающій по величинѣ середину между ланью и изюбремъ и отличающійся отъ первой—черной полосой на спинѣ, встрѣчается довольно рѣдко, и панты его цѣнятся дороже противъ этихъ оленей».

Пржевальскій (путешествіе въ Уссурійскій Край» 1868—1869 г., страницы 265—266) также различаетъ двѣ формы пятнистаго оленя (Cervus axis) и «другой». О распространеніи перваго сообщаетъ: «Онъ держится въ большомъ количествѣ по побережью Японскаго моря и въ области истоковъ р. Уссури, но уже вовсе не встрѣчается въ среднемъ теченіи этой рѣки. Такимъ образомъ, полярная граница его должна проходить приблизительно на широтѣ теченія р. Има, или, быть можетъ, немного сѣвернѣе. Впрочемъ, по разсказамъ инородцевъ, пятнистый олень встрѣчается ниже устья р. Има чрезвычайно рѣдко и, по всему вѣроятію, заходитъ сюда случайно съ юга... Нѣкоторые уссурійскіе гольды пріѣзжаютъ для пантовки на Мангугай, Седими и другія побережныя рѣчки».

Второй видъ Пржевальскій описываетъ такъ же, какъ и Маакъ.

Туркинъ и Сатунинъ (Маньчжурскій и пятнистый олень.—Звѣри Россіи, т. 3 вып. 4. Премія «Природа и Охота» за 1902 г. ст. 363—398) сообщаютъ, что въ наукѣ установлено двѣ формы пятнистаго оленя—крупный (Cervus hortulorum Swinhoe), область распространенія какового ограничивается Южно-Уссурійскимъ краемъ, гдѣ островъ Аскольдъ представляетъ изъ себя единственный въ мірѣ естественный питомникъ, и—меньшій (Cervus sita mandshuricus Swinhoe). Намъ извѣстно, что въ настоящее время пятнистый олень обитаетъ лишь по бассейнамъ рѣкъ, вливающихся въ Японское море на востокъ отъ бассейна р. Суйфуна, встрѣчаясь на западѣ отъ этого бассейна лишь, какъ рѣдкость.

По отчету Сучанскаго пристава за 1889 годъ на его участкѣ, т. е., начиная съ бассейна р. Майхэ включительно до р. Вань-чинъ, было убито 400 паръ пантовъ на сумму 40.000 рублей. Между тѣмъ, извѣстные наши охотники братья Худяковы вынуждены были съ 1895 года соединить пантовку съ убоемъ морского звѣря въ области Засучанья, и, наконецъ, заняться исключительно добычей рыбы. Такимъ образомъ, и въ прибрежной полосѣ олень, ради дорогихъ пантовъ, истребленъ уже въ значительной степени.

Было бы ошибочно думать, что чѣмъ глубже уходить въ горы отъ Уссури или отъ моря къ хребту Сихотэ-Алиню, тѣмъ звѣрей будетъ больше. Какъ разъ наоборотъ: тайга въ истокахъ Имана, Бикина, Хора, Анюя, Копи, Тумнина и Хунгари представляетъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова лѣсную пустыню. Невольно бросается въ глаза совершенное отсутствіе звѣриныхъ слѣдовъ. Только изрѣдка кое гдѣ встрѣчаются одинокія «дикушки» *). Ниже по теченію рѣкъ, по мѣрѣ приближенія къ Уссури и къ морю, тайга какъ бы опять понемногу оживаетъ: чаще начинаютъ попадаться птицы, потомъ бѣлка, кабарга и, наконецъ, болѣе крупныя животныя.

Истиннымъ бичемъ Уссурійскаго Края является гнусъ: все, что можетъ дать любителю природы хорошая погода—все отравляется мошкарою. Днемъ мошкара слѣпитъ глаза; отъ ея укусовъ открываются кровоточивыя ранки и по всему лицу начинается экзема. Едва солнце скроется за горизонтомъ и сумерки начинаютъ спускаться на землю—появляются москиты—„мокрецъ“, какъ называютъ ихъ наши крестьяне. Эти мельчайшія, невидимыя для глаза, насѣкомыя забираются за воротъ рубашки, лѣзутъ въ рукава, подъ одѣяло—люди озлобляются и начинаютъ нервничать. Если посмотрѣть сзади на идущаго впереди человѣка, то онъ кажется какъ бы въ облакѣ сѣраго тумана,—это „гнусъ“. Смазанное масломъ ружье, повѣшенное на ночь на дерево, къ утру становится неузнаваемымъ—точно оно висѣло надъ дымомъ и густо покрылось копотью,—это «москиты». На угасшемъ кострѣ, поверхъ золы, остается толщиною въ нѣсколько сантиметровъ слой комаровъ и мошекъ. Всѣ звѣри въ это время

*) Canace родъ рябчика изъ семейства Tetraonidae.

бѣгутъ изъ тайги къ морю или взбираются на высокія горы, гдѣ на гольцахъ ночной вѣтеръ даетъ имъ защиту. Только одинъ лось остается въ долинахъ, но и онъ спускается къ рѣкамъ и залѣзаетъ совсѣмъ въ воду, оставляя на поверхности только ноздри, глаза и уши. Въ тихую ночь издали слышно, какъ онъ встряхиваетъ головою и хлопаетъ по водѣ ушами, стараясь брызгами отогнать докучливыхъ насѣкомыхъ. Выйдя на берегъ, онъ торопливо пасется, пока шерсть его еще мокрая. Но вотъ шерсть снова начинаетъ просыхать, укусы мошекъ становятся чувствительны. Наконецъ, терпѣніе его истощается, онъ бѣжитъ къ рѣкѣ и вновь съ шумомъ бросается въ воду.

Къ насѣкомымъ, сильно изнуряющимъ скотъ, относятся также и клещи (Ixodes ricinus). Этихъ насѣкомыхъ всегда много въ лѣсистыхъ мѣстахъ, преимущественно въ кедровникахъ къ западу отъ Сихотэ-Алиня. Они появляются обыкновенно ранней весной послѣ перваго таянія снѣговъ, и держатся до іюня мѣсяца.

У дикихъ козъ и оленей голова, уши сплошь усѣяны впившимися въ тѣло клещами. Когда насѣкомыя напьются крови, то становятся похожими на грозди винограда или на сплошныя массы болячекъ блестящаго сѣраго цвѣта.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о рыбахъ „Salmoides".

Кэта (Oncorhynchus Keta Walb.*), описанная впервые Палласомъ подъ именемъ Salmo lagociphalus, горбуша (Oncorhynchus gorbuscha Pul.), форель (Salvelinus alpinus malma Walb.), кунжа (Salvelinus leucomaenis Pallas), всѣ принадлежатъ къ такимъ рыбамъ, которыя большую часть своей жизни проводятъ въ морѣ и только для метанія икры собираются большими стаями, идутъ въ рѣки и подымаются далеко вверхъ по ихъ теченію, если только размѣры рѣки тому не препятствуютъ.

Интересною особенностью является то обстоятельство, что ходовая рыба входитъ въ тѣ только рѣки, которыя берутъ начало въ горахъ Сихотэ-Алиня. Вѣроятно, это потому, что рѣки эти многоводныя и больше другихъ.

*) Опредѣленія рыбъ сдѣланы Л. С. Бергомъ.

Вѣстниками хода рыбы являются чайки. Эти пернатыя летятъ цѣлыми стаями вдоль берега моря, съ криками кружатся около устьевъ рѣкъ, садятся, плаваютъ и ныряютъ. Иногда этихъ птицъ бываетъ такъ много, что мѣстами вся вода около берега издали кажется какъ бы покрытою снѣгомъ.

Подымаясь по рѣкамъ, всѣ лососевыя рыбы идутъ вверхъ по теченію лишь до тѣхъ поръ, пока не встрѣтятъ препятствія, которыя имъ трудно преодолѣть. Тогда рыбы ищутъ ближайшаго притока изъ числа наиболѣе крупныхъ, по которому и идутъ дальше, пока снова не наткнутся на преграду и т. д. Напримѣръ, по рѣкѣ Такэмѣ кэта подымается лишь до середины ея теченія, а далѣе идетъ по р. Такунчѣ, которая несравненно меньше и короче, чѣмъ вся остальная часть Такэмы.

Инородцы замѣтили, что если горбуши было много, то кэты будетъ мало. И дѣйствительно, такая зависимость рыбъ другъ отъ друга или вѣрнѣе такое чередованіе ихъ хода какъ будто наблюдается. Вверхъ по рѣкамъ горбуша проникаетъ значительно дальше, чѣмъ кэта. Быть можетъ, это зависитъ отъ того, что горбуша почти вдвое меньше кэты.

Днемъ горбуша стоитъ почти неподвижно въ глубокихъ мѣстахъ. Сквозь чистую прозрачную воду можно наблюдать за движеніями каждой отдѣльной рыбы. Мѣстами она стоитъ такой массой, что совершенно бываетъ не видно дна. Тысячи рыбъ занимаютъ цѣлыя площади.

Кэта смѣлѣе горбуши. Она и днемъ идетъ черезъ пороги и часто выходитъ на мели. Горбуша же только ночью оставляетъ глубины и въ темнотѣ идетъ на перекаты.

Въ періодъ метанія икры кэта держитъ себя нѣсколько иначе, чѣмъ горбуша. Самцы входятъ въ рѣку раньше самокъ; они долгое время держатся около устья, часто выходятъ обратно въ море и снова возвращаются въ рѣку. Такъ они гуляютъ спокойно до тѣхъ поръ, пока не появятся самки. Какъ разъ къ этому времени у самцовъ появляются большіе острые клыки. Тогда начинаются поединки. Эти рыбы до нельзя драчливы. Я видѣлъ разъ, какъ одинъ самецъ схватилъ другого за спину, и такъ обѣ рыбы шли, не раздѣляясь, по крайней мѣрѣ шаговъ двѣсти. Орочъ, бывшій со мной,

убилъ острогой ту и другую, и у обѣихъ рыбъ на спинахъ были маленькія колотыя ранки—слѣды зубовъ другихъ болѣе сильныхъ соперниковъ. Когда рыбы дерутся, онѣ настолько бываютъ ослѣплены яростью, что не замѣчаютъ приближенія человѣка. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ надо бить нижнюю рыбу. Она думаетъ, что боль причиняетъ ей другая, верхняя рыба и съ своей стороны еще съ большею яростью ее кусаетъ. Мнѣ удалось одинъ разъ видѣть, какъ орочъ убилъ одного самца кэты острогою и поднялъ его изъ воды на воздухъ. Велико было наше удивленіе, когда вмѣсто одной рыбы, оказались двѣ, причемъ одна крѣпко держалась зубами за другую. Впрочемъ, она скоро поняла опасность и, раскрывъ свои челюсти, снова упала въ воду.

Всѣ лососевыя рыбы назадъ въ море не возвращаются. Онѣ гибнутъ въ верховьяхъ рѣкъ измученныя, изнуренныя, израненыя. Много рыбы остается выброшенной на берегъ. Въ этихъ мѣстахъ воздухъ зараженъ зловоніемъ. Въ заводяхъ, гдѣ нѣтъ теченія или оно очень слабое, вода сильно отзываетъ запахомъ разлагающейся рыбы. Въ это время на помощь природѣ являются медвѣди, лисицы, дикіе свиньи, еноты, орланы бѣлохвостые и вороны. Эти ассенизаторы въ теченіе всей осени, пока не выпадутъ снѣга, трудятся надъ очищеніемъ верховьевъ рѣкъ отъ рыбныхъ заваловъ. Остальная неубранная дохлая рыба, весной, съ вскрытіемъ рѣки, вмѣстѣ съ снѣговою водою выносится обратно въ море.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая изъ икры въ рѣкахъ развиваются мальки. Это новое поколѣніе тотчасъ же по вскрытіи отъ льда рѣкъ уходитъ въ море, гдѣ и живетъ, въ теченіе 5 лѣтъ, пока не придетъ и ихъ очередь итти въ прѣсноводныя рѣки и воспроизводить себѣ подобныхъ.

Климатъ. Большое количество воды, задерживаемой растительностью на поверхности почвы, не могло не отозваться и на климатѣ всей страны. Такимъ обиліемъ влаги климатъ этой области обязанъ не только своему географическому прибрежному положенію около моря, но и тому обстоятельству, что нижніе слои воздуха постоянно и непосредственно соприкасаются съ огромной испаряющей поверхностью лѣсовъ и

безчисленнаго множества болотъ, находящихся не только по низинамъ въ долинахъ рѣкъ, но и по склонамъ горъ и даже на самыхъ перевалахъ.

Лѣтомъ сырость климата усугубляется еще и дѣятельностью муссоновъ, дующихъ съ моря со стороны Ю и ЮВ и несущихъ съ собою всегда дожди и туманы. Зимою же сухой СЗ вѣтеръ, пробѣгая надъ сырыми лѣсами Уссурійскаго Края, быстро поглощаетъ всю влагу и уноситъ ее въ море. Вотъ почему одну половину года (весна и лѣто) этотъ климатъ чрезвычайно влаженъ, другую (осень и зима) —онъ черезчуръ уже сухъ. Въ первомъ случаѣ климатъ будетъ сырымъ морскимъ, во второмъ—сухимъ континентальнымъ.

О томъ, насколько лѣтомъ воздухъ сырой, можно судить по тому, что кожа, протертая наканунѣ, на другое утро покрывается плѣсенью, а черезъ сутки становится совершенно зеленой; газетная бумага при перелистываніи не шуршитъ— она становится дряблой; табакъ не горитъ; передъ тѣмъ, какъ курить, его подсушиваютъ надъ огнемъ. Зимой получаются явленія обратныя. Газетная бумага дѣлается черезчуръ уже сухою, скручивается, и легко ломается на сгибѣ; кожа ссыхается. Чтобы она не потрескалась, ее надо смазывать; табакъ высыхаетъ настолько, что при набиваніи папиросъ онъ безъ всякаго усилія растирается въ порошокъ, чтобы предотвратить это, его спрыскиваютъ водою. Слизистыя оболочки въ носу и въ горлѣ пересыхаютъ. Для того, чтобы сдѣлать въ комнатахъ воздухъ влажнымъ, приходится пульверизировать, кипятить воду, развѣшивать мокрыя простыни и т. д.

Муссоны, дующіе съ моря со стороны Ю и ЮВ къ берегамъ Уссурійскаго Края въ теченіе весны и лѣта, и противоположные имъ С и СЗ вѣтры, дующіе поздней осенью и зимой со стороны суши—явленіе вполнѣ естественное. Если мы обратимся къ картамъ изобаръ, указывающимъ положеніе барометрическаго „maximum'a“ (760—770) и minimum'a (740—750) по полугодіямъ на материкѣ и въ морѣ, и, если примемъ еще во вниманіе неравномѣрное нагрѣваніе (лѣтомъ) и остываніе (зимой) огромнаго Азіатскаго материка и обширнаго воднаго пространства Великаго океана, то вопросъ объ упомянутыхъ вѣтрахъ разрѣшается вполнѣ опредѣленно. Зи-

мой вся восточная Азія лежитъ по лѣвую сторону «депрессіи» и по правую сторону области высокаго давленія, находящагося около Якутска, а такъ какъ по закону Бейсъ-Балло движеніе вѣтра должно быть циклоническаго характера, т. е. обратное движенію часовой стрѣлки, то направленіе вѣтра должно быть отъ С и СЗ къ Ю и ЮВ, что на самомъ дѣлѣ и наблюдается.

Въ концѣ лѣта передъ началомъ осени южные и юго-восточные муссоны кончаются. Ихъ смѣняютъ тихіе вѣтры, дующіе съ материка на море. Это будетъ какъ разъ перемѣнное время, когда атмосфера на морѣ и сушѣ находится, (но не долго), въ сравнительномъ равновѣсіи. Нѣсколько позже, а именно въ концѣ сентября и въ октябрѣ мѣсяцѣ, наступаетъ періодъ равноденственныхъ бурь и крайне перемѣнная неустойчивая погода. Тоже самое, только въ обратномъ порядкѣ, происходитъ и весной: тѣ-же сильные вѣтры и бури, что и осенью, имѣютъ мѣсто въ мартѣ и апрѣлѣ; также тишина и продолжительный штиль наблюдаются въ концѣ мая и въ началѣ іюня мѣсяцевъ.

Громада горъ Сихотэ-Алиня въ климатическомъ отношеніи дѣлитъ весь Уссурійскій Край на два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга раіона: 1) Прибрежный съ сильно выраженнымъ морскимъ климатомъ и 2) Западный (бассейнъ Уссури) съ климатомъ болѣе континентальнымъ. Въ прибрежномъ раіонѣ—(Посьетъ—Владивостокъ, заливъ Америка, заливъ Св. Ольги, мысъ Туманный и далѣе къ зал. Де-Кастри) отсутствуютъ большіе морозы, но зато дуютъ очень сильные вѣтры, бываютъ частыя снѣжныя бури. Снѣга выпадаютъ неглубокіе. Вслѣдствіе сухости воздуха они испаряются совсѣмъ еще задолго до наступленія оттепели. Лѣто дождливое, туманное.

Чаще всего появляются туманы при вѣтрахъ съ ЮВ, Ю, ЮЮЗ, рѣже со стороны В., еще рѣже—съ СВ и никогда не бываетъ отъ З, СЗ, и С. Оно и понятно: достаточно взглянуть на карту, чтобы увидѣть, что по отношенію къ Уссурійскому Краю со стороны СВ—ЮЗ раскинулся Великій океанъ со своими краевыми морями около восточныхъ береговъ Азіи, противоположная же сторона (С—З) занята обширнымъ

материкомъ съ пустынями и съ великой Сибирской низменностью, обращенной къ Ледовитому океану.

Обыкновенно, если вѣтеръ началъ дуть съ моря, надо ждать тумана. Дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ рѣзко очерченная линія горизонта постепенно становится неясной, расплывчатой, неопредѣленной. Кажется, будто она затянута мглою. Мгла эта движется къ берегу, какъ будто подымается выше, постепенно становится гуще и, наконецъ, превращается въ туманъ. Иногда туманъ образуется на горизонтѣ сразу, и въ такомъ случаѣ онъ двигается стѣною. Медленно ползетъ онъ къ берегу, взбирается по распадкамъ въ горы, заволакиваетъ мысы и заполняетъ собою долины. Горныя вершины кажутся разобщенными одинокими островами, а самый туманъ—наводненіемъ. Впечатлѣніе это настолько велико, что неохотно и съ робостью спускаешься съ озареннаго солнцемъ возвышеннаго мѣста и съ опаскою погружаешься въ море тумана.

Туманы въ Уссурійскомъ Краѣ рѣдко бываютъ сухими; они влажны настолько, что трава становится мокрою, какъ бы отъ росы. Иногда туманъ мороситъ и обильно смачиваетъ землю, какъ дождемъ, подъ рядъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ до тѣхъ поръ, пока не перемѣнится вѣтеръ и не угонитъ его обратно въ море. Когда туманы медленно подымаются кверху, они разряжаются дождями. Дожди идутъ сильно и съ удивительнымъ постоянствомъ.

На побережьѣ моря между мысами Арка и Олимпіады и сѣвернѣе—туманъ сырой, пронизывающій; но онъ не отзывается гибельно на хлѣбныхъ растеніяхъ. Это видно изъ того, что ни у старообрядцевъ, живущихъ здѣсь уже двѣнадцать лѣтъ, ни у китайцевъ, ни разу пьянаго хлѣба не бывало. Причину этого явленія надо искать вѣроятно въ томъ, что туманы эти холодные, тогда какъ въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ около Владивостока они теплые—парятъ.

Разница въ температурахъ яснаго солнечнаго дня и туманнаго дождливаго—большая (14—28° С). Это сказалось и на произрастаніи не только хлѣбныхъ, но и всѣхъ другихъ растеній. Поэтому на берегу моря вспашка производится только въ маѣ мѣсяцѣ; покосъ—въ концѣ августа, а хлѣбъ

жнутъ иногда въ октябрѣ. Но, благодаря длинной осени, это не мѣшаетъ хозяйству, и жители отъ этого нисколько не страдаютъ. Въ 1906 году мнѣ лично удалось наблюдать разницу во время произрастанія хлѣбовъ. Въ то время, какъ на рѣкѣ Вай-Фудина и Тадушу овесъ былъ низкорослый и еще зеленый, въ долинѣ рѣки Ли-Фудзина онъ былъ уже высокаго роста, желтаго цвѣта, а самое зерно наливалось и созрѣвало.

Липа и черемуха цвѣтутъ ровно на мѣсяцъ позже, чѣмъ на западѣ. На Бикинѣ хлѣбъ колосится тогда, когда на побережьѣ онъ еще зеленый, низкорослый.

Западный раіонъ (озеро Ханка, р.р. Даубихэ, Улахэ, Ното, Иманъ, Бикинъ, Хоръ и друг.) отличается болѣе суровою зимою, здѣсь снѣга выпадаютъ глубокіе, холода наступаютъ значительно раньше, но такихъ большихъ вѣтровъ, какъ въ прибрежномъ раіонѣ, здѣсь не бываетъ. Лѣто такое-же дождливое, какъ и на берегу моря, но тумановъ гораздо меньше и потому дней сухихъ, теплыхъ, солнечныхъ больше.

Туманы по ту сторону Сихотэ-Алиня мало проникаютъ, а если и доходятъ, то уже въ видѣ облаковъ и идутъ довольно высоко надъ землею. На перевалахъ я неоднократно наблюдалъ климатическую разницу по обѣ стороны хребта Сихотэ-Алиня. Въ то время, какъ восточные склоны его и все побережье были сплошь покрыты массами густого тумана, на западѣ, насколько хваталъ глазъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Такимъ образомъ, Сихотэ-Алинь, несмотря на незначительную высоту, все-же является серьезнымъ препятствіемъ для движенія вѣтровъ отъ моря въ глубь страны.

Вслѣдствіе того, что главная горная цѣпь протянулась параллельно берегу моря, разница во времени наступленія временъ года въ прибрежномъ раіонѣ и къ западу отъ Сихотэ-Алиня въ бассейнѣ Уссури—огромная. Осенью на западѣ, въ то время, какъ всѣ рѣки уже покрываются льдомъ и по нимъ устанавливается санная дорога,—рѣки прибрежнаго раіона еще не начинаютъ замерзать. Весною происходитъ явленіе обратное. Въ то время, какъ по Уссури и Амуру сообщеніе уже прекратилось, и со дня на день ожидается вскры-

тіе рѣки, въ то время какъ по р.р. Иману, Бикину, Хору, Анюю и Хунгари плыветъ уже ледъ,—рѣки, текущія къ морю, еще не начинали трогаться.

Въ 1909 году въ концѣ февраля на рѣкѣ Анюѣ стали уже появляться проталины, и снѣговая вода шла поверхъ льда такъ, что сообщеніе въ нижней и средней части рѣки было прекращено совершенно. Инородцы убѣждали меня не смущаться этимъ и совѣтывали не торопиться. Я опасался, что ледоходъ застанетъ меня на половинѣ пути, гдѣ нибудь въ верховьяхъ Копи. Они говорили, что по мѣрѣ того, какъ я буду подходить къ хребту Сихотэ-Алиню, ледъ на рѣкѣ будетъ все крѣпче и крѣпче, и что рѣка Копи станетъ вскрываться еще дней черезъ двадцать. И дѣйствительно, когда я дошелъ до верховьевъ рѣки Анюя, то на бивакахъ мы не могли найти воды, и потому чайники наполняли льдомъ и снѣгомъ. Тоже самое было и на Копи. 28-го марта мы достигли моря, и тутъ только увидѣли такую-же картину вскрытія рѣки, какую мы наблюдали въ низовьяхъ Анюя въ концѣ февраля мѣсяца.

Прилагаемыя здѣсь таблицы даютъ представленіе о числѣ ясныхъ, облачныхъ, туманныхъ и дождливыхъ дней въ году.

1907 годъ.

Мѣсяцы.	Ясныхъ.	Облачныхъ безъ солнца.	Туманныхъ.	Дождливыхъ.	Снѣжныхъ.
Январь . . .	29	—	—	—	2
Февраль . .	23	2	—	—	3
Мартъ . . .	22	4	—	—	5
Апрѣль . . .	19	5	—	—	6
Май	6	13	3	9	—
Іюнь	12	7	10	1	—
Іюль	18	5	5	3	—
Августъ . .	16	5	9	1	—
Сентябрь . .	12	14	4	—	—
Октябрь . .	19	6	6	—	—
Ноябрь . . .	22	5	—	—	3
Декабрь . .	30	1	—	—	—
Итого .	228	67	37	14	19

1908 годъ.

Мѣсяцы.	Ясныхъ.	Облачныхъ безъ солнца.	Туманныхъ.	Дождливыхъ.	Снѣжныхъ.
Январь . . .	28	2	—	—	1
Февраль . .	23	3	—	—	3
Мартъ . . .	11	13	—	—	7
Апрѣль. . .	6	5	12	2	5
Май	3	5	20	2	1
Іюнь	6	3	12	9	—
Іюль	3	1	17	10	—
Августъ . .	6	5	12	8	—
Сентябрь. .	7	9	—	14	—
Октябрь . .	19	9	—	2	1
Ноябрь. . .	20	7	—	—	3
Декабрь . .	28	1	—	—	2
Итого .	160	63	73	47	23

Эти таблицы наглядно показываютъ, насколько два года, стоящихъ рядомъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга, насколько климатъ Уссурійскаго Края непостояненъ и насколько онъ зависитъ то отъ вліянія моря, то отъ вліянія материка.

Теперь посмотримъ движеніе температуры въ Зауссурійскомъ Краѣ на берегу моря (Раіонъ: мысъ Олимпіады—рѣка Самарги) за 1908 годъ.

Мѣсяцы 1908 г.	Температура по С.
Январь. . . .	— 15,4
Февраль . . .	—12,4
Мартъ	— 2,8
Апрѣль. . . .	+ 1,9
Май	+ 3,9
Іюнь	+ 7,4
Іюль	+16,4
Августъ . . .	+18,2
Сентябрь . . .	+11,3
Октябрь . . .	— 3
Ноябрь	— 9
Декабрь . . .	—16
Годовая . . .	0

Ходъ температуры по мѣсяцамъ въ Никольскѣ-Уссурійскомъ за девятнадцать лѣтъ *) будетъ иной.

Мѣсяцы.	Температура по С.
Январь . . .	—19,0
Февраль . . .	—14,9
Мартъ	— 4,9
Апрѣль . . .	+ 5,5
Май	+11,6
Іюнь	+15,8
Іюль	+20,2
Августъ . . .	+21,3
Сентябрь . . .	+15,2
Октябрь . . .	+ 6,5
Ноябрь	— 3,8
Декабрь . . .	— 14,5
Общая за 19 лѣтъ годовая.	+ 3,3

Суммируя все вышеизложенное, мы видимъ, что въ Зауссурійскомъ Краѣ сказывается близость моря. Море стремится къ выравниванію температуръ во временахъ года. Это же надо отнести и къ Владивостоку и къ Посьетскому раіону. Къ западу отъ Сихотэ-Алиня колебанія эти значительно рѣзче, но количество атмосферныхъ осадковъ приблизительно одно и то же, что всецѣло зависитъ отъ муссоновъ, дующихъ съ моря въ теченіе лѣтняго полугодія.

Пути сообщенія.

Насколько Южно-Уссурійскій Край богатъ путями сообщеній, настолько въ сѣверномъ раіонѣ они отсутствуютъ совершенно. На югѣ существуютъ и желѣзныя дороги, и почтовые тракты, грунтовыя и обыкновенныя проселочныя дороги, и безчисленное множество тропъ бороздятъ край по всѣмъ направленіямъ.

Время постройки однихъ изъ этихъ путей кроется въ глубокой древности Бохайскаго царства; другіе еще въ 60 годахъ были излюбленными дорогами китайскаго населенія, сообщающагося съ заливомъ С. Ольги и съ бухтой Мэа

*) Свѣдѣнія эти получены отъ генеральнаго штаба капитана Забѣлина.

(Владивостокъ); впослѣдствіи крестьяне, казаки и переселенцы проложили дороги около своихъ деревень; русское правительство устроило сѣть почтовыхъ сообщеній по Уссури, на Новокіевское, къ Анучину, по р. Даубихэ и по побережью моря черезъ Сучанъ, къ заливу Св. Ольги, а въ послѣднее время дороги переселенческой организаціи стали проникать въ такіе уголки Уссурійскаго Края, гдѣ были найдены мѣста хоть мало-мальски годныя для заселенія.

Тропами Южно-Уссурійскій край обязанъ китайскому населенію. Въ погонѣ за соболемъ и въ поискахъ за женьшенемъ энергичные сыны Поднебесной Имперіи проникали въ самыя дебри „Цамо-Динза и Хуалаза, Да-дянь-Шань и Сихотэ-Алиня". Въ каждой долинкѣ всегда можно найти тропку, которая непремѣнно приведетъ путника къ фанзочкѣ соболевщика—китайца.

Не то представляетъ изъ себя центральная и сѣверная часть Уссурійскаго Края. Здѣсь всякіе пути отсутствуютъ совершенно. Единственныя путеводныя нити—это рѣки. Нѣтъ даже ни малѣйшаго намека на тропу. Только вдоль горныхъ хребтовъ, по гольцамъ и осыпямъ, лоси протоптали свои дорожки. Но руководствоваться этими дорожками нельзя, потому что онѣ заведутъ путника въ такія дебри, откуда выбраться будетъ уже невозможно.

У мѣстныхъ инородцевъ есть два способа передвиженій 1) лѣтомъ на лодкахъ и 2) зимой—съ нартами на собакахъ. Второй способъ скорый и наиболѣе удобный, если только снѣгъ не будетъ очень глубокій.

Если мы проведемъ прямую линію отъ Хабаровска къ югу въ меридіанальномъ направленіи до хребта Сихотэ-Алиня къ перевалу съ р. Ли-Фудина на р. Таудушу и отсюда направимъ ее къ сѣверо-востоку къ мысу Олимпіады, то все, что будетъ находиться западнѣе этой линіи въ бассейнѣ Уссури и восточнѣе ея на берегу моря, а равно и вся южная часть Уссурійскаго Края около залива Петра Великаго—есть мѣста, заселенныя гольдами, корейцами, китайцами и русскими переселенцами. Вся же остальная часть страны и въ особенности обширнѣйшіе сѣверные раіоны, представляютъ изъ себя такую область, къ которой болѣе чѣмъ примѣнимо выраженіе

„Лѣсная пустыня". Цѣлыми недѣлями можно итти и нигдѣ не встрѣтить души человѣческой. Только по большимъ рѣкамъ можно еще кое гдѣ найти юрты орочей—удэhe. Но этихъ инородцевъ такъ мало, стойбища ихъ такъ удалены другъ отъ друга и мѣста ихъ обитанія такъ непостоянны, что на эту встрѣчу не всегда можно разсчитывать.

Надо замѣтить, что инородцы лѣтомъ никогда не переходятъ черезъ Сихотэ-Алинь. Лѣтній путь сопряженъ съ чрезвычайными трудностями, съ большими лишеніями,—съ опасностями для жизни и съ такими неожиданностями, что быть заранѣе увѣреннымъ въ выполненіи намѣченнаго маршрута невозможно. Лѣтнее путешествіе совершается на лодкахъ. Когда рѣка станетъ очень мелкой, плаваніе прекращается. Отсюда люди пѣшкомъ съ котомками за плечами идутъ къ водораздѣлу, переваливаютъ горный хребетъ и спускаются по ту его сторону до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до такой рѣки, гдѣ плаваніе становится опять возможнымъ. Въ большинствѣ случаевъ на такой переходъ надо употребить двое—трое, рѣдко четверо сутокъ. Выбравъ подходящее дерево, орочи валятъ его, выдалбливаютъ лодку и въ ней уже спускаются внизъ по теченію рѣки. Значитъ, все заключается въ томъ, чтобы найти подходящее дерево. Это не вездѣ и не всегда возможно. Недостаточно сдѣлать „улимагду" (орочская лодка), надо умѣть плыть въ ней, надо приспособиться къ рѣкамъ, изучить ихъ свойства. Къ сожалѣнію, это дается только многолѣтнимъ опытомъ.

Орочская лодка – это длинный, долбленый челнъ съ тонкимъ дномъ и съ тонкими стѣнками; носовая часть лодки заканчивается широкой, вѣерообразной доской, немного загнутой къ верху. Благодаря этому приспособленію лодка не врѣзается въ воду, а, такъ сказать, взбирается на воду. На такихъ лодкахъ орочи плаваютъ стоя, упираясь въ дно рѣки шестами. Надо поражаться ихъ безстрашію и ловкости, съ которой они управляются съ лодкой на быстринѣ рѣки.

Китайцы звѣровщики и искатели жень-шеня, если имъ случается итти по рѣкамъ, всегда нанимаютъ для этого инородцевъ. Сами же они самостоятельно не пускаются въ это плаваніе, а если и рискуютъ, то плаванія ихъ всегда кончаются

крушеніями и человѣческія жертвы среди нихъ не составляютъ рѣдкости.

При движеніи въ лодкахъ расчетъ пути долженъ быть такой: тамъ, гдѣ зимой при хорошей дорогѣ и при хорошей погодѣ удается сдѣлать въ сутки верстъ тридцать, лѣтомъ на лодкѣ противъ воды - втрое менѣе, т. е. 10 верстъ и то лишь при условіи, если уровень воды въ рѣкѣ будетъ невеликъ. Если же уровень воды будетъ повышенъ, значитъ удастся передвинуться вверхъ еще меньше. Во время половодья плаваніе на лодкахъ совершенно прекращается другой разъ недѣли на двѣ. Тогда не только вдоль по рѣкѣ нельзя ѣхать, но невозможно переплыть даже и на другую ея сторону.

Обыкновенно тамъ, гдѣ инородцы тратятъ на подъемъ лодки вверхъ къ водораздѣлу дней десять, они спускаются назадъ внизъ $1^1/_2$—2 сутокъ.

Было бы ошибочно думать, что спускаться по такимъ быстрымъ рѣкамъ безопаснѣе, чѣмъ подыматься. Именно наоборотъ; подъемъ безопаснѣе спуска. При сплавѣ надо быть очень осторожнымъ и далеко смотрѣть впередъ, надо хорошо знать рѣку, знать, когда и въ какую проточку слѣдуетъ свернуть. Бѣда смѣльчаку, который, не зная рѣки, пуститъ лодку по водѣ, какъ говорится, на волю Божію": въ моментъ лодка исчезнетъ подъ буреломомъ; остановить ее нельзя; никакія человѣческія усилія не могутъ сдѣлать этого. Вотъ почему орочи, когда спускаются по рѣкѣ, никогда не даютъ лодкѣ плыть свободно, и не даютъ ей полнаго хода, а всегда задерживаютъ ее, часто останавливаются, выходятъ на берегъ, осматриваютъ протоки и тогда только двигаются далѣе.

Населеніе. Современное населеніе Уссурійскаго Края довольно смѣшанное. Оно состоитъ изъ русскихъ, корейцевъ, гольдовъ, орочей-удэhе и китайцевъ.

Русскіе въ Уссурійскомъ Краѣ разселились узенькою полосою по рѣкѣ Амуру, затѣмъ по долинѣ р. Уссури, по низовьямъ всѣхъ правыхъ ея притоковъ, около озера Ханка, въ верховьяхъ Уссури (Даубихэ и Улахэ), въ прибрежномъ раіонѣ Южно-Уссурійскаго Края, и отдѣльными вкраплинами

около устьевъ рѣкъ на берегу Японскаго моря, до мыса Олимпіады.

Начиная съ 1907 г., переселеніе въ Уссурійскій Край сильно увеличилось. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше жили китайцы, раскинулись русскія деревни, правда, бѣдныя, необстроенныя. Но все же общій характеръ населенія принялъ другую физіономію.

Въ 1910—1911 году русскихъ въ Уссурійскомъ Краѣ насчитывалось 523.840 челов.

Корейцы поселились, главнымъ образомъ, въ Посьетскомъ и Приханкайскомъ раіонахъ, на Сучанѣ, Таудими, по долинамъ рѣкъ Даубихэ и Улахэ и въ Южной части Ольгинскаго стана.

Съ 1900 г. по 1910 годъ численность корейцевъ увеличилась съ 24.000 до 55.000 челов.*).

За послѣднія пять лѣтъ широкая волна переселенцевъ влилась въ Уссурійскій Край и потѣснила собою и китайцевъ, и корейцевъ, и инородцевъ. Если сравнивать этнографическую карту Уссурійскаго Края академика Шренка и карту 1894 года, приложенную къ трудамъ Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ картою современнаго распредѣленія народностей, то увидимъ, что измѣненія произошли только въ южной части Уссурійскаго Края на побережьѣ моря до мыса Олимпіады, по рѣкѣ Уссури и по низовьямъ ея притоковъ. Сѣверная же часть страны и центральная область Сихотэ-Алиня остались такими же, какими онѣ были во времена Максимовича и Шренка.

Въ Уссурійскомъ Краѣ въ миніатюрѣ произошло то, что и въ Европѣ въ средніе вѣка во время «великаго переселенія народовъ». Русскіе потѣснили китайцевъ и корейцевъ, китайцы частью отодвинулись вверхъ по рѣкамъ, частью ушли въ Маньчжурію, корейцы тоже начали переходить въ сѣверные раіоны, вмѣстѣ тѣ и другіе потѣснили инородцевъ и эти послѣдніе еще дальше ушли въ горы.

Въ настоящее время орочи-удэhe обитаютъ главнымъ образомъ по верхнему и среднему теченію рѣкъ Имана, Би-

*) На самомъ дѣлѣ цифра эта значительно больше, потому что сюда не вошли всѣ незарегистрованные корейцы, живущіе по верховьямъ рѣкъ въ горахъ и въ Зауссурійскомъ Краѣ.

кина, Хора, Анюя и по низовьямъ Хугари, на берегу моря къ югу, начиная отъ р. Ботчи до р. Такэмы (мысъ Видный)*). Что же касается инородцевъ, живущихъ въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ по р.р. Даубихэ, Улахэ, Тадушу, Аввакумовкѣ и далѣе до р. Сучана, то они окитаились и совершенно утратили свой орочскій обликъ. Общая численность всего этого народца 1.615 челов.

По разсказамъ самихъ удэhе, раньше въ прибрежномъ раіонѣ ихъ было такъ много, что «бѣлые лебеди, пока летѣли отъ Императорской Гавани до залива Св. Ольги, отъ дыма, подымавшагося отъ ихъ костровъ, становились черными»,—такъ говорили они о многочисленности своихъ поселеній.

Причинъ вымиранія инородцевъ много.—Одна изъ главныхъ—болѣзни, которыя занесли къ нимъ русскіе, и которымъ они чрезвычайно подвержены. Особенно сильно свирѣпствуетъ среди нихъ оспа. Отъ оспы они вымираютъ страшно быстро. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ отъ цѣлаго стойбища не остается ни одного человѣка. Главные распространители заразы—вода, грязь въ жилищѣ и грязь на тѣлѣ самого ороча, и то обстоятельство, что здоровые люди, находясь подъ одной кровлей съ больными, имѣютъ постоянное съ ними общеніе. До прихода русскихъ у орочей этихъ болѣзней не было. Инородцы гибнутъ еще и отъ другихъ инфекціонныхъ заболѣваній, какъ, напримѣръ, чахотка и корь. Послѣдняя для нихъ страшна своими осложненіями.

Другими причинами вымиранія инородцевъ будутъ психически подавленное состояніе духа и прогрессивное обѣдненіе стародавнихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ**). Потребности къ жизни возросли, а рѣки и тайга стали давать меньше.

Какъ и орочи, уссурійскіе гольды также подвергались массовымъ эпидемическимъ заболѣваніямъ нѣсколько разъ. Эти болѣзни страшно косили ихъ. Въ настоящее время еще немного этихъ инородцевъ осталось въ низовьяхъ рѣки Уссури. Въ верхнемъ же теченіи этой рѣки и по р.р. Иману, Бикину и Хору остались только кое гдѣ одиночныя личности,

*) Гольды расположились главнымъ образомъ по Амуру, Ольчи—около оз. Кизи, Гиляки—при устьѣ Амура и на О-вѣ Сахалинѣ и Орочи Императорской гавани по р.р. Хади, Копи, Тумнину, Хоюлю и въ верхнемъ теченіи р. Хунгари.

**) Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго Края, т. I-й стр. 1 и 2-я.

но и тѣ, будучи сильно притѣсняемы китайцами, стали уходить на Уссури.

Раньше много гольдовъ жило по р.р. Даубихэ и Улахэ, но, потѣсненные русскими переселенцами, они стали отходить на сѣверъ. Впрочемъ, въ послѣднее время Переселенческое Управленіе стало устраивать и ихъ на землю, давая по 15 десятинъ земли на каждую семью.

Если обратиться къ исторіи всѣхъ завоеваній, всюду представляется грустная картина бѣдствій, терпимыхъ туземцами отъ пришлецовъ. Въ такомъ же тяжеломъ положеніи очутились и наши инородцы.

Русскіе переселенцы не хотятъ признавать ихъ за инородцевъ, считаютъ китайцами и жестоко ихъ притѣсняютъ. Китайцевъ выселить можно—у нихъ есть своя земля, есть своя родина, корейцевъ можно тоже выселить. Но куда выселить инородца, для котораго Уссурійскій Край есть родина? Тѣснимые колонистами, орочи-удэhe бросаютъ свои вѣками насиженныя мѣста и все дальше и дальше уходятъ въ горы. При такихъ условіяхъ инородцы жить не могутъ и вымираніе ихъ произойдетъ скорѣе, чѣмъ это можно предположить.

„Какъ бы ни было продолжительно пребываніе дикарей въ той или иной мѣстности, оно все-же мимолетно. Съ уходомъ ихъ исчезаютъ и слѣды ихъ пребыванія.

Гораздо больше вліянія на жизнь въ Краѣ и даже на самихъ инородцевъ имѣли китайцы*)". Имъ то мы и посвятимъ все дальнѣйшее изложеніе.

Историческія данныя.

Исторія Уссурійскаго Края тѣсно связана съ исторіей Восточной Маньчжуріи, поэтому умѣстнымъ здѣсь будетъ привести тѣ данныя, которыя имѣются въ настоящее время въ научной литературѣ.

Первыя свѣдѣнія объ Уссурійскомъ Краѣ мы встрѣчаемъ у японцевъ, у китайскихъ историковъ и въ китайской географіи династіи Цзинь. Свѣдѣнія эти крайне смутны и часто противорѣчащія другъ другу. Китайскіе историки были плохо

*) Шренкъ. Инородцы Амурскаго Края.

освѣдомлены о томъ, что происходило въ Уссурійскомъ Краѣ въ древнѣйшія времена. У китайскихъ географовъ понятія объ этой странѣ—отвлеченныя, смутныя.

«Они не имѣли точныхъ свѣдѣній ни о мѣстахъ, занимаемыхъ разными народами, ни объ ихъ обычаяхъ и сообщаютъ рядомъ съ дѣйствительными фактами много мифологическихъ»*).

Мы совершенно не имѣемъ полной исторіи. До насъ дошли только одни сколки, случайные факты, разобраться въ которыхъ не могли даже такіе синологи, какъ Іакинфъ, Васильевъ и Архимандритъ Палладій.

Въ общихъ чертахъ древнѣйшая исторія Уссурійскаго Края представляется намъ въ такомъ видѣ:

«За 3000 лѣтъ до нашего времени тунгусское племя Сушеней жило въ раіонѣ нынѣшнихъ рѣкъ Уссури, Амура и на юго-востокѣ граничило до береговъ Великаго океана. Этимъ именемъ „Сушень" называлась и та страна, гдѣ оно обитало. Сушень употребляли стрѣлы изъ грушеваго дерева, каменные топоры и каменные наконечники для копій. Рыболовство и охота были главнѣйшими источниками его существованія. На побережьѣ моря, къ востоку отъ Сихотэ-Алиня, жило особое Маньчжурское племя Дамолу, а къ западу отъ водораздѣла до рѣки Сунгари и къ югу до нынѣшней Кореи было владѣніе Сушеней, о которыхъ говорилось выше и которые въ періодъ шести династій Хань и Вей называются „Илоу". Эти народности, какъ настоящія охотничьи и рыболовныя племена, не заботились объ организаціи государства, природа въ изобиліи снабжала ихъ своими дарами и это было главной причиной ихъ несорганизованности.

Другое маньчжурское племя Фу-юй жило по обѣимъ сторонамъ хребта Чань-бо-Шан'я, но было истреблено сосѣдями (270—312 г.).

Объ этой мѣстности и земляхъ Илоу исторія въ теченіе нѣкотораго времени (457—459 г.г.) остается темною»**).

На сѣверѣ около Амура обитали Мохэсскіе тунгусы, которые по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ вдругъ двину-

*) Остатки древностей въ Амурскомъ Краѣ Ф. Ф. Буссе 1908 г. стр. 3-я.

**) Д. Позднѣевъ. Матеріалы по исторіи Сѣверной Японіи и ея отношеній къ материку Азіи и Россіи, т. II стр. 2—6-ая.

лись въ южную Маньчжурію и расположились около Кай-Юань-Саня, на западѣ отъ него и принесли туда съ собой и свое старое названіе. Рѣка Амуръ, на которой они жили, называлась Хэй-хэ (Черная рѣка) или Хэй-шуй (Черная вода). За ними у китайцевъ и сохранилось названіе Хэй-шуй-мохэ. Къ сѣверо-востоку отъ этихъ тунгусовъ жило монголо-маньчжурское племя Кидани. «Они представляли изъ себя счастливое смѣшеніе цивилизаціи и первобытной грубой силы»*).

Разрозненныя Маньчжурскія племена, обитавшія въ это время въ сѣверной и восточной Маньчжуріи, представляли изъ себя совершенно отдѣльные, самостоятельные кланы. «Кланъ Сумо граничилъ съ государствомъ Гао-ли. Это въ нынѣшней Гиринской провинціи въ вершинѣ р. Сунгари. На юго-востокѣ отъ него находился кланъ Бо-шань. На сѣверѣ отъ Сумо находился Бодо—это нынѣшній раіонъ Харбина; на сѣверо-востокѣ отсюда находился кланъ Ань-ченъ-гу; на востокѣ отъ него—Фейнѣ, а еще восточнѣе—Хао-шы—„Морской берегъ", т. е. нынѣшнія мѣста Владивостока и Никольска-Уссурійскаго. Изъ нихъ кланъ Сумо былъ самымъ сильнымъ» **).

«Въ половинѣ VII вѣка въ восточной Маньчжуріи и на берегахъ Великаго Океана, въ томъ числѣ и въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ, возникаетъ культурное царство Бохай, подъ корейскимъ вліяніемъ (668—905 г.г.» ***)

Мохэсскіе тунгусы, живя рядомъ съ Бохаемъ (послѣдній, какъ сказано выше, былъ на востокѣ отъ нихъ въ предѣлахъ горной области Чанъ-бо-шаня, вплоть до самаго моря), не только не враждовали съ нимъ, но даже, какъ будто, составляли одно цѣлое.

Въ началѣ X вѣка Кидани силою оружія уничтожили корейское вліяніе надъ Бохаемъ и съ 912 года владѣнія Бохая простираются отъ р. Тюмень-Улы, къ югу до порта Лазарева и къ сѣверу узкою полосою по берегу моря до озера

---

*) Пельмольтъ. Исторія человѣчества т. II стр. 201.

**) Д. Позднѣевъ. Тамъ же, стр. 5.

***) Іакинфъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи, т. II-й стр. 178 Статист. описаніе Китайской Имперіи, т. II-й стр. 22, 254, 255.

Ханка и до р. Сучана. Кидани царили надъ Маньчжуріей подъ именемъ династіи Ляо.

Въ XII вѣкѣ Мохэсскіе тунгусы отъ толчка, даннаго имъ монголами, двинулись въ предѣлы Бохая и окончательно уничтожили его самобытное существованіе, а затѣмъ овладѣли и Китаемъ.

Одновременно съ тѣмъ, царство Ляо силою оружія маньчжурскихъ племенъ Чжуржей распалось и на его земляхъ возникла Маньчжурская Имперія „Цзинь" (Золотая), съ границами почти до Амура. Къ этой послѣдней эпохѣ и относится большая часть памятниковъ, оставленныхъ въ Уссурійскомъ Краѣ его древнѣйшими обитателями. Здѣсь историческая нить вновь прерывается. Исторія съ XII столѣтія до XIX вѣка снова остается темною. Объ этомъ періодѣ въ Уссурійскомъ Краѣ сохранились только сказанія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что послѣ продолжительной и междоусобной войны между владѣтелемъ Нингутинскаго аймака Цзинъя-тай-цзы и Сучанскимъ властителемъ Куань-Юномъ (?) въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ настаютъ страшныя повальныя болѣзни, которыя уничтожили почти все оставшееся послѣ войны населеніе. Съ этого времени въ Краѣ надолго наступаетъ запустѣніе. Тогда сѣверныя охотничьи племена, жившія ранѣе въ глуши горъ и лѣсовъ, спускаются къ югу и мало по малу распространяются по всему Уссурійскому Краю. Подтвержденіемъ того, что здѣсь дѣйствительно былъ періодъ запустѣнія, мы находимъ и въ „Запискахъ" г-на Буссе. Онъ пишетъ такъ: „Во время послѣднихъ нашествій маньчжуръ Уссурійскій Край былъ окончательно разоренъ и страна оставалась въ теченіе 246 лѣтъ въ томъ запустѣніи, въ которомъ застали ее русскіе въ 1861 году.

Въ XVI столѣтіи владѣтель сѣверо-восточнаго аймака Тайцзу объединяетъ подъ своею властью всѣ разрозненныя маньчжурскія племена, принимаетъ титулъ императора и впервые образуетъ Маньчжурію, какъ отдѣльное самостоятельное государство. «Съ 1607 по 1615 годъ онъ предпринимаетъ цѣлый рядъ походовъ отъ Нингуты къ югу и завоевываетъ земли Воцзи» *). Послѣ этого Тай-цзу направляется за Ляо-

*) Ф. Ф. Буссе. Остатки древностей въ Амурскомъ Краѣ. 1908 г. стр. 7-я.

дунъ въ Китай и наноситъ китайскимъ войскамъ рядъ пораженій. Сынъ императора Тайцзу—Тайцзунъ въ XVII вѣкѣ окончательно завоевываетъ Китай и возстановляетъ на китайскомъ престолѣ свою династію.

Итакъ мы видимъ, что часть XVI вѣка и все XVII столѣтіе захватываютъ маньчжуръ въ движеніи къ югу. *На Уссурійскій Край они не обращаютъ никакого вниманія.* Общее стремленіе всѣхъ ихъ племенъ направлено за Ляо-дунъ. Они оставляютъ свои земли, не возвращаются назадъ и остаются въ Китаѣ. «Тогда культурныя мѣстности Маньчжуріи запустѣли и заросли лѣсомъ, и только въ концѣ XIX столѣтія они были опять заселены, но уже китайцами» *).

Архимандритъ Палладій полагаетъ, что Уссурійскій Край былъ разоренъ во время нашествій Маньчжуръ на земли Воцзи. «Населеніе его было частью перебито и частью уведено въ плѣнъ». (Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Маньчжурію въ 1870 г.**). Это не совсѣмъ такъ. Въ области р. Сунгари дѣйствительно мы находимъ небольшое маньчжурское племя, называемое китайцами Иче-Маньчжу, т. е. новые маньчжуры, потомки родовъ, нѣкогда жившихъ въ восточной части губерніи Гиринъ, а по Палладію—и далѣе на востокъ—въ Уссурійскомъ Краѣ.

Клапротъ и Платъ считаютъ «Иче-маньчжу потомками тѣхъ маньчжуръ, которые въ противоположность древнимъ маньчжурамъ или Фэ-маньчжу не вторглись въ Китай, но были покорены послѣдними или примкнули къ нимъ». Китаецъ У-чень, родившійся въ 1664 году въ гор. Нингутѣ, куда былъ сосланъ его отецъ, и остававшійся тамъ до 1681 года, разсказываетъ въ своемъ описаніи этого города (1772), что лица изъ народа Хурха или Хулха, (т. е. изъ маньчжуръ съ рѣки Хурхи), отличавшіяся храбростью, получили отъ правительства въ подарокъ кольца и рабовъ (изъ числа ссыльныхъ). Имъ-же впослѣдствіи было приказано переселиться въ Нингуту, оттуда въ Мукденъ, а затѣмъ черезъ два года—въ Пекинъ. «Они то, говоритъ Учень, и называются нынѣ Иче-маньчжу (смотр. переводъ статьи У-ченя у Василье-

*) Комаровъ, т. III-й стр. 3 и 6-я.

**) Зап. Импер. Русск. Географ. Общ. По Общей Географ., т. IV 1871 г. стр. 432.

ва. Зап. о Нингутѣ. Зап. Русск. Географ. Общ. ч. XII 1857 г. стр. 93)».*).

Отсюда мы видимъ, что императоръ Дай-цзу, при завоеваніи земель Во-цзи, выселилъ Иче-Маньчжуръ не изъ Уссурійскаго Края, а съ рѣки Хурхи, т. е. съ р. Мудацзяна. Да и вышеприведенная историческая справка точно указываетъ намъ мѣсто, гдѣ были земли Во-цзи: „Къ югу отъ Нингуты", т. е. въ бассейнѣ рѣки Мудацзяна.

Какъ разъ въ то время, когда маньчжуры вели борьбу съ китайцами на югѣ и когда такимъ образомъ *Уссурійскій Край оказался какъ бы изолированнымъ*, съ сѣверной стороны и съ запада со стороны Шилки и Аргуни впервые появляются русскіе.

Первоначальное движеніе казацкой вольности было направлено на Якутскъ, оттуда къ берегамъ Охотскаго моря и далѣе на Камчатку, но «въ концѣ XVII столѣтія русскіе казаки, купцы, промышленники и другіе „вольные люди" начинаютъ совершать походы на Амуръ и основываютъ тамъ во многихъ мѣстахъ временныя зимовки и земляныя укрѣпленія»**). Остроги эти были: 1) Верхо-сейскій при устьѣ р. Амумыши (вѣроятно Мынмыхи), перенесенный потомъ на озеро Бебяки. 2) Гилюйскій. 3) Селимбинскій—выше устья р. Селемджи. 4) Долонскій ниже ея по р. Долонцу. 5) Устьзейскій на мѣстѣ нынѣшняго города Благовѣщенска. 6) Камарскій. 7) Албазинскій и далѣе 8 и 9) при устьѣ р.р. Олдоя и Урки.

Затѣмъ *русскіе имѣли много зимовій и селеній для охоты, рыболовства и сбора ясака по р.р. Томи, Амгуни, Тугуру, а въ нижнемъ теченіи Амура есть слѣды ихъ пребыванія до самаго моря*, по которому они плавали на Алеутскіе и Шантарскіе острова. Смѣльчаки проникали въ Маньчжурію по Кумарѣ, Сунгари и Уссури.

Въ Китаѣ къ этому времени война была закончена: Маньчжурская династія была на престолѣ. Страна отдыхала. Населеніе вернулось къ полямъ и вновь занялось своими работами.

„Въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ" (1505 г. по

*) Акад. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго Края, т. I-й стр. 57.

**) И. Боголюбскій. Краткій очеркъ Амурскаго Края. 1876 г. стр. 2-я.

1669 г.) мы имѣемъ весьма важныя указанія, что Амурскіе остроги и укрѣпленія въ то время были сакціонированы русскимъ правительствомъ и назначеніе туда воеводъ и другихъ служилыхъ людей происходило изъ Москвы. На стр. 104 и 228 «въ Запискахъ къ Сибирской Исторіи служащихъ или описаніи сколько въ Сибири, въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ съ начала взятія оной Атаманомъ Ермакомъ Тимофеевымъ, въ которомъ году, и кто имяны, бояръ, и окольничьихъ, и стольниковъ, и дворянъ, и стряпчихъ, на воеводствахъ бывали; и дьяковъ, и письмянныхъ головъ, и съ приписью подъячихъ, и кто который городъ ставилъ, и въ которомъ году, и отъ котораго Государя Царя кто былъ, и въ кая лѣта устроися въ Сибири Престолъ Архіерейскій, и кто были Архіереи — мы находимъ: 35 воевода въ Енисейскомъ, съ 1677 года бояринъ князь Иванъ Петровичъ Барятинскій, да дьякъ Василій Ивановичъ сынъ Телицынъ; головы Письменные: Дмитрій Стараго, да Косма Лазаревъ. *И съ того времени велѣно имъ быть въ Енисейскомъ Столу и Розряду. А въ Розрядѣ учинены въ томъ Столѣ Даурскіе, Нерчинскіе, Иркуцкіе, Албазинскіе, Селенгинскіе, Амурскіе и Байкальскіе остроги; а списываться велѣно въ Тобольскѣ*, о всякихъ дѣлахъ, съ бояры Тобольскими и сѣдоки».

«Инородцы нижняго Амура въ то время были еще мало извѣстны маньчжурамъ. Подвластны они имъ собственно не были, но, пріѣзжая въ Нингуту, приносили маньчжуро-китайскому начальству опредѣленную дань мѣхами, чтобы черезъ то получить право торговли, какъ это дѣлали Ольчи и Гиляки въ Сан-Синѣ. Гольды, живущіе внизъ отъ Дондона, даже не имѣли Маньчжурской прически, введенной маньчжурами по всему Китаю и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что, начиная оттуда, народы Нижне-Амурскаго Края, подобно тому, какъ Ольчи, Негидальцы, Гиляки и сѣверные Орочи, *не признавали надъ собой непосредственной верховной власти Маньчжуро-Китайцевъ* *).

Подтвержденіе того, что вліяніе китайцевъ не распространялось на народы, обитавшіе въ низовьяхъ Амура, мы

*) Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго Края, т. I-й стр. 146.

находимъ и у Глазунова*). Въ этой книгѣ, составляющей нынѣ большую рѣдкость, въ ч. III „О народахъ самоѣдскихъ, маньчжурскихъ и восточно-сибирскихъ, какъ и о шаманскомъ законѣ" – мы находимъ:

«Во время перваго россійскаго похода къ Амуру около середины XVII столѣтія были Дауры и Дучеры, подданные Китайскаго Богдыхана, который тогда уже былъ маньчжурской породы, почему и вмѣшался какъ въ побѣгъ ихъ, такъ и въ защищеніе. Гиляки и прочіе маньчжуры жили тогда независимо ни отъ какой власти и покорились Россіи безъ всякаго сопротивленія».

Затѣмъ въ Сибирской Исторіи Фишера**) мы имѣемъ слѣдующую весьма интересную запись.

«Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ отъ Амура именно писано, что тогда Китайцы не присвояли еще себѣ власти надъ гиляками, особливо сіе примѣчаніе достойно, что тогда натки и гиляки еще ни подъ какою чужею властью не состояли. Гиляки владѣли еще лежащимъ предъ устьемъ Амура великимъ островомъ Шантаромъ и питались рыбною ловлею. Они то самые тѣ, коихъ Китайцы Ію-бида-дзы называютъ, т. е. люди, которые носятъ платье изъ рыбьей кожи».

Появленіе русскихъ на сѣверѣ заставило китайское правительство обратить вниманіе на Амуръ. «Походы казаковъ и промышленниковъ, сопровождавшіеся часто насиліемъ и грабежомъ туземцевъ Амурскаго Края, ослабили *сосѣдственныхъ* намъ китайцевъ. Маньчжурская династія, овладѣвшая Китаемъ, *одновременно съ открытіемъ Амура казаками*, не желала имѣть подлѣ своей родины такихъ безпокойныхъ сосѣдей, каковыми были *покорители Амура*. Китайцы нападали на казаковъ въ ихъ плаваніяхъ по Амуру и Сунгари и дважды осаждали Албазинъ, который, наконецъ, послѣ упорной въ 1685—1687 г. защиты былъ сданъ горстью оставшихся въ живыхъ казаковъ многочисленному китайскому войску. Послѣ сдачи

*) Глазуновъ. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. Изданіе Императорской Академіи Наукъ 1799 г.

**) Сибирская Исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи Академическомъ читанная членомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и профессоромъ древностей и исторіи, также членомъ Историческаго Геттингенскаго Собранія Іоганномъ Эбергердомъ Фишеромъ въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1774 года, стр. 477 и 623-ья.

Албазина *всѣ наши поселенія, можетъ быть намъ и неизвѣстныя*, были истреблены маньчжурами до основанія вмѣстѣ съ жителями. Трудно опредѣлить число погибшихъ русскихъ людей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ Амурскаго Края. „Пекинское правительство разсчитывало посредствомъ многочисленнаго и однороднаго китайскаго элемента обезпечить себѣ въ будущемъ обладаніе Амурскою землею и начало поощрять китайцевъ къ переселенію въ обширный Сунгарійскій Край и на берега Амура»*).

Возникла дипломатическая переписка съ Россіей, вылившаяся въ концѣ концовъ въ форму Нерчинскаго трактата 1689 г., по которому «вся рѣка Амуръ предоставлена была Китаю**). Это временно остановило нашествіе русскихъ, но ненадолго. Въ погонѣ за дорогой пушниной русскіе предприниматели, за свой счетъ, снаряжали экспедиціи, продолжали плавать по Амуру и даже доходили внизъ до гиляковъ.

Уссурійскій же Край все время оставался въ сторонѣ, невѣдомый и неизвѣстный. Колонизація Маньчжуріи вызвала движеніе китайцевъ и въ Уссурійскій Край. По этому поводу Платъ***), говоритъ слѣдующее: «Какъ ни благосклонно императоры Маньчжурской династіи не смотрѣли вообще на эмиграцію изъ Китая, переселеніе на сѣверъ въ Маньчжурію никогда не было запрещено ими. Скорѣе они даже благопріятствовали ему. Въ томъ же смыслѣ высказывается и архимандритъ Палладій („Дорожныя замѣтки“ стр. 373). По Хюку напротивъ, до императора Дао-Гуана, китайцамъ запрещено было переселяться въ Сунгарійскій Край и особенно воздѣлывать тамъ землю; только въ началѣ царствованія этого императора, вступившаго на престолъ въ 1820 году, это запрещеніе было снято и для поддержанія государственной казны продажа земель была разрѣшена и въ руки китайцевъ, которые съ тѣхъ поръ, какъ хищныя птицы, набросились на Сунгарійскій Край. Но, такъ какъ Маньчжуріи сталъ угрожать переходъ всѣхъ ея земель въ руки китайцевъ, то правительство впослѣдствіи снова запретило дальнѣйшее переселеніе китайцевъ въ Маньчжурію. Однако этотъ законъ нарушался

*) Тамъ-же, стр. 3-я.
**) Шренкъ. Объ Инородцахъ Амурскаго Края, т. I-й стр. 62.
***) Plath-Die Völker der Mandschurey Bd. II 1831 p. 942.

втайнѣ и потому въ 1844 году онъ былъ снова подтвержденъ*).

Насколько недавно китайцы стали знакомиться съ Сунгарійскимъ Краемъ и съ Амурской областью видно изъ записокъ Барабаша, который «въ 1872 году засталъ китайскія колоніи между городами Баянъ-Сусу и Санъ-Синомъ еще при самомъ началѣ ихъ возникновенія. Новые пришлецы, не успѣвши обстроиться, помѣщались еще въ землянкахъ и шалашахъ»**).

То же самое произошло и съ сѣверо-восточной Монголіей, примыкающей къ Маньчжуріи (150 верстъ отъ Харбина). Заселеніе китайцами этихъ земель было своевольное. Китайскіе переселенцы, вопреки запрещенію правительства, за свой страхъ и рискъ арендовали здѣсь земли, непосредственно войдя въ соглашеніе съ коренными собственниками Монголіи. Въ 1878 году китайское правительство, примирившись съ фактомъ присутствія китайскихъ колонистовъ на монгольскихъ земляхъ, дало имъ формальное разрѣшеніе на обработку этихъ земель. Съ этого, приблизительно, времени или немного позже дальнѣйшая колонизація вглубь Монголіи происходитъ уже не путемъ арендованія земель у Монголовъ отдѣльными переселенцами, а путемъ покупки земли, при посредствѣ китайскаго правительства, черезъ Цицикарскаго Цзянь-цзюня. Покупка земли производилась подъ видомъ вѣчной аренды, съ уплатой нѣкоторой суммы денегъ, въ видѣ единовременнаго вознагражденія.

Первый случай захвата монгольскихъ земель имѣлъ мѣсто въ 1900 году. Послѣ занятія Сахаляна, Айгуна и прилегающихъ къ нимъ окрестностей русскими войсками, китайскіе переселенцы двинулись къ юго-западу и расположились между Цицикаромъ и Бодунэ.

Въ 1902 году въ Монголіи созданы были два „тина“ (переселенческіе округа). Затѣмъ покупка земли была произведена еще два раза, именно въ 1903 и 1904 г.г. по 150000 дес. Наконецъ 3-й и послѣдній разъ, именно въ 1907 году, китайскимъ правительствомъ пріобрѣтается еще столько же

*) Шренкъ. Тамъ-же, стр. 54.

**) Тамъ-же, стр. 61.

земли, но уже въ южномъ горлосѣ. Всѣ эти земли вошли въ составъ Чин-ганъ-сена (уѣзда), размѣры котораго сдѣлались почти равными площади 2-хъ сяней, а недавно они переименованы въ округъ, во главѣ котораго поставленъ Тинь-гуань, вслѣдствіе чего эти монгольскія земли вошли въ составъ земель сѣверной Маньчжуріи*).

Изъ всего изложеннаго выше мы видимъ, что движеніе переселенцевъ изъ Китая къ сѣверо-западу въ Монголію, къ сѣверу на Амуръ и къ сѣверо-востоку въ Приамурскій Край, начавшееся въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія, продолжается еще и теперь, причемъ китайское *правительство узнаетъ объ этомъ и начинаетъ покровительствовать самовольнымъ засельщикамъ только съ 1870—1878 года.*

«Лѣтъ за 25 до посѣщенія Амурской области Миндендорфомъ, китайцы впервые выставляютъ свои пограничные знаки на лѣвомъ берегу Амура верстахъ въ 60 отъ рѣки, но затѣмъ выносятъ ихъ дальше на сѣверъ къ устью Гилюя (притокъ Зеи) и Меваня (притока Селимиджи), къ устью Нимана (притокъ Буреи) и на водораздѣлъ между рѣками Тугуромъ и Немиленомъ, впадающей въ Амгунь. „Въ 1638 году Китайцы на устьѣ р. Шилки имѣютъ капище (Гоанго и Амуръ здѣсь смѣшанно берутся**). Нерчинскій трактатъ упоминаетъ только о сѣверной границѣ, именно о Становомъ хребтѣ, хотя пограничные знаки были поставлены китайцами значительно южнѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что *китайцы совершенно не знали, гдѣ именно находится этотъ водораздѣлъ и ставили знаки, гдѣ попало.*

О восточныхъ границахъ Имперіи, о мѣстахъ пограничныхъ знаковъ далѣе Амгуни и въ трактатѣ, и въ китайской литературѣ да и, вообще, нигдѣ не упоминается. Такимъ образомъ *и Амурскій то край китайцы почти совсѣмъ не знали и только появленіе въ этой странѣ русскихъ заставило ихъ обратить на нее свое вниманіе. Уссурійскій же край находился въ сторонѣ и о немъ китайцы знали еще меньше, чѣмъ объ Амурской области,* пока не появились Невельской и Завойко со своими кораблями.

---

*) Свѣдѣнія эти мнѣ сообщены г. Шильниковымъ А. А.

**) Сибирская Исторія Фишера. Изд. Импер. Акад. Наукъ 1774, стр. 384.

Позже, именно въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія академикъ Шренкъ видѣлъ два маньчжурскихъ поста на р. Уссури. Онъ пишетъ: «Одинъ посѣщенный мною находился въ гольдской деревнѣ „Джоада“, на нижнемъ теченіи рѣки; другой „Шань-енъ“ на лѣвомъ берегу, какъ разъ противъ впаденія рѣки Имы (Имана). Въ послѣднемъ изъ нихъ постоянно живетъ нѣсколько маньчжурскихъ чиновниковъ для сбора податей съ туземцевъ верхней Уссури (въ направленіи къ оз. Ханка)*). Впрочемъ поѣздки свои къ нимъ, съ означенной цѣлью, они совершаютъ лишь изрѣдка, да и то лишь до извѣстнаго мѣста, потому что *выше устья Сунгачи, и особенно между устьями рѣкъ Кубурхе и Нинну (или Науту) тянется довольно пустынная мѣстность, составляющая, кажется, фактическую границу маньчжурскаго господства на Уссури. По крайней мѣрѣ, живущихъ далѣе вверхъ по р. Уссури китайцевъ они болѣе не тревожатъ*»**). Наконецъ, послѣдній постоянный постъ маньчжурскихъ чиновниковъ на нижнемъ Амурѣ находился въ гольдской деревнѣ Мыльки, на разстояніи нѣсколькихъ дней пути вверхъ отъ устья Горина. *Дальше книзу среди Ольчей и Гиляковъ нижняго Амура, равно какъ и у орочей по морскому берегу въ мое время не было ни маньчжурскихъ постовъ, ни постоянно живущихъ тутъ чиновниковъ. Мало того, туда не пріѣзжали маньчжурскіе чиновники даже на время для сбора податей или обревизованія пограничныхъ знаковъ, такъ что этотъ край, какъ мы впрочемъ увидимъ еще и ниже, пользовался, можно сказать, почти полною независимостью отъ Маньчжуровъ*»***).

Была надежда на іезуитовъ миссіонеровъ»****), посѣтившихъ въ началѣ XVII столѣтія Приамурскій Край по приказанію Императора Кхань-Си, что у нихъ найдутся свѣдѣнія объ Уссурійскомъ Краѣ болѣе подробныя. Оказалось, что на востокъ отъ Уссури и на побережьѣ моря къ югу отъ устья Амура сами они не были и сообщаютъ только краткія свѣдѣнія, полученныя ими изъ разспросовъ Амурскихъ инородцевъ.

*) Маакъ. Путешествіе по долинѣ р. Уссури. С.-Петербургъ 1861 г. стр. 11 и 36.

**) Венюковъ. Обозрѣніе р. Уссури. Вѣст. Импер. Русск. Геогр. Общ. ч. XXV 1859 г. Отд. II стр. 208.

***) Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго Края т. I-й стр. 59—60.

****) Regis, Jartoux, Fridelli, Gerbillion.

Въ 1878 году секретарь русскаго посольства въ Пекинѣ г. Леонтьевъ издалъ «Описаніе городамъ, доходамъ и прочему Китайскаго Государства, а при томъ и всѣмъ государствамъ, королевствамъ и княжествамъ, кои китайцамъ свѣдомы. Выбранное изъ китайской государственной географіи, коя напечатана въ Пекинѣ на китайскомъ языкѣ при нынѣшнемъ ханѣ Кянь-Лунѣ».

Въ этомъ „Описаніи" (на стр. 46) мы читаемъ:

«Противъ озера Болхори—омо поворотился Амуръ на востокъ, на 48 Ду сошелся съ большою рѣкою Хунъ-тунь-гянъ, а на половинѣ 48 Ду пала въ Амуръ *большая рѣка Усули-гянъ:* отсюда пошелъ Амуръ на сѣверовостокъ и на 53 Ду палъ въ море. По Амуру, начавъ отъ того мѣста, гдѣ сошелся онъ съ Хунъ-тунь-гяномъ, до самаго моря часто стоятъ деревни и слободы».

Изъ этого описанія мы видимъ, что изъ всего того, что было свѣдомо китайцамъ объ Уссурійскомъ Краѣ и что значилось объ этой странѣ въ ихъ государственной географіи, это рѣка Усули-гянъ—и только. *О земляхъ, лежащихъ отъ нея къ востоку и о народахъ, тамъ обитающихъ, у китайцевъ свѣдѣній тогда никакихъ не было.*

Первые китайцы, прибывшіе въ Уссурійскій Край, были искатели жень-шеня. *Они появляются здѣсь незадолго, не болѣе какъ за 30 лѣтъ, до прибытія русскихъ**). Первое появленіе китайцевъ на памяти у сторожиловъ орочей и гольдовъ, живущихъ въ верхнемъ теченіи Уссури. Старики эти живы еще и теперь. Прибытіе китайцевъ вызвало среди орочей много толковъ. Это было сенсаціонное событіе. До нихъ дошли слухи, что съ запада со стороны озера Ханка появились какіе то новые люди: не то мужчины, не то женщины, что одѣты они были въ длинныя одежды, не имѣли ни усовъ, ни бороды, говорили на языкѣ непонятномъ для нихъ и пріѣхали на какихъ то странныхъ животныхъ. Это были лошади, которыхъ никогда не видѣли орочи. Люди эти были первые жень-шеньщики.

---

*) Г. Браиловскій, полагая, что столкновеніе орочей-удэ́ге (у него удиһе) съ китайцами относится къ XVII столѣтію—впадаетъ въ ошибку. Онъ не различаетъ владычества отдѣльныхъ маньчжурскихъ племенъ отъ тѣхъ китайцевъ, которые появились въ Приамурскомъ Краѣ впослѣдствіи въ XIX столѣтіи. Смотр. его „Тазы или удиһе" стр. 53.

Первые искатели жень-шеня въ Краю не жили и осенью, съ наступленіемъ холодовъ, *возвращались обратно.* Совсѣмъ недавно *(не болѣе какъ за десять, за пятнадцать лѣтъ до русскихъ)* появились первые китайцы-земледѣльцы. Они построили маленькую фанзочку около рѣки Уссури, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь желѣзнодорожный мостъ и отсюда на лодкахъ съ помощью инородцевъ подымались по рѣкамъ въ горы, опять таки въ поискахъ за жень-шенемъ. Никакого оружія у нихъ тогда не было. Двѣ другія такія же станціи были: одна у устья р. Ното (фанза Цуа-Енъ) и другая около урочища Анучина на р. Даубихэ. По слухамъ, значительно позже, двѣ фанзы появились и на берегу моря въ бухтѣ Мэа (Владивостокъ)*). Фанзы эти были станціями, куда весной стекались манзы-искатели. Съ тѣхъ поръ китайцы прибываютъ въ Край все больше и больше. За жень-шеньщиками пришли соболевщики и звѣроловы, а вслѣдъ за ними появились и земледѣльцы. Они потѣснили инородцевъ и эти послѣдніе отошли въ глубь страны и на сѣверъ.

Какъ казаки въ Запорожскую сѣчь, такъ и въ Уссурійскій Край шли китайцы. Это были или преступники, которые спасались отъ наказаній и бѣжали изъ своего государства или такіе, которые не хотѣли подчиняться законамъ Имперіи и желали жить въ полнѣйшей свободѣ, на волѣ. Отсюда и названіе „Манцзы", что значитъ *полный или свободный сынъ***).

Уссурійскій Край никогда не былъ мѣстомъ ссылки преступниковъ, какъ это часто приходится слышать. Заключеніе это выведено только изъ того, что русскіе застали въ немъ преступный элементъ. Наоборотъ, въ литературѣ мы находимъ указаніе на другое дѣйствительно мѣсто ссылки: «Города Нингута и Гиринъ, лежащіе въ самомъ центрѣ Сунгарійскаго Края, а еще болѣе, находящійся уже за предѣлами собственно Маньчжуріи, на Амурѣ, городъ Айгунъ издавна упоминаются, какъ мѣста ссылки. Айгунъ и окрестности его кверху и книзу по Амуру имѣются и въ тѣхъ случаяхъ въ виду, когда рѣчь идетъ лишь просто о ссылкѣ на Амуръ.

*) Китайцы Владивостокъ называютъ Хай-шэнь-вэй, т. е. Трепанговый заливъ—сокращенное Вэй-цзы.

**) Е. А. Федоровъ полагаетъ, что слово манцзы означаетъ „выходецъ изъ Маньчжуріи"

Палладій называетъ въ числѣ ссылочныхъ мѣстъ Хулань, на рѣкѣ того же имени, Хулунь-Буиръ и особенно Цицикаръ, куда высылается наибольшее число преступниковъ и притомъ самыхъ тяжкихъ»*).

Уссурійскій и Амурскій Край получалъ свое китайское населеніе уже изъ вторыхъ рукъ—съ прибрежій Сунгари и его притоковъ, изъ областей, непосредственно къ нимъ примыкающихъ. Это были самовольные засельщики—«люди, не знавшіе семейнаго очага и на родинѣ ведшіе бездомную жизнь бродягъ, бѣдные работники и поденщики, особенно же всякаго рода негодяи, подозрительныя личности, преступники, бѣглые и тому подобный сбродъ. Они понятнымъ образомъ въ полной свободѣ и беззаконности, въ отсутствіи тамъ всякаго надзора и контроля, находили особенную для себя выгоду»**). Эти бѣглые не могли возвратиться назадъ на родину, не могли вернуться и на Сунгари, потому что тамъ ихъ ждала кровавая расплата за побѣгъ. Китайцы уходили въ глубину горъ и лѣсовъ, стараясь всячески укрыться отъ русскихъ. Этимъ объясняются случаи смертной казни тѣхъ безбилетныхъ китайцевъ, которыхъ русскія власти при задержаніи отправляли въ Маньчжурію въ распоряженіе Китайскаго Правительства.

Китайцы, вообще, плохо знали страну и, если и смотрѣли на нее, какъ на принадлежащую къ Китайской Имперіи, то такъ же, какъ они смотрѣли и на всѣ окружающіе ихъ страны и народы (въ томъ числѣ и на русскихъ), которыхъ они считали своими вассалами и требовали отъ нихъ дани.

Вотъ почему и Невельской такъ легко—безъ одного выстрѣла—захватилъ весь Уссурійскій Край отъ Амура до Владивостока. «Поднявшись по Амуру отъ его устья верстъ на сто, Невельской встрѣтилъ маньчжуръ и отъ нихъ самихъ узналъ, что въ нижнее теченіе Амура китайскіе купцы спускаются самовольно, далѣе они сообщали ему, что *на всемъ пространствѣ по нижнему Амуру и къ югу отъ него нѣтъ ни одного китайскаго поста и что всѣ инородцы нижняго Амура и по рѣкѣ Уссури не подвластны Китаю и дани никому не платятъ*. Послѣднее обстоятельство дало окончательный толчекъ

*) Шренкъ. Объ инородцахъ Приамурскаго Края, т. I-й стр. 64.
**) Усольцевъ. Заханкайскій Край. Морск. Сборн. 1864 г. № 6 стр. 190.

рѣшенію Невельского и 1-го августа 1860 года великій актъ присоединенія Приамурскаго Края совершился. Новый постъ въ устьѣ Амура названъ Николаевскимъ» *).

Начавшіеся дипломатическіе переговоры о присоединеніи новаго Края къ Россіи *дали китайцамъ мысль*, что они имѣютъ право на эту землю и потому могутъ воспрепятствовать русскимъ. *Но отсутствіе твердой увѣренности*, что Край принадлежитъ имъ, исключило какія бы то ни было осложненія со стороны Китая и потому 2-го ноября 1860 года по Пекинскому договору Уссурійская окраина была окончательно присоединена къ Россіи. Но еще раньше, мѣсяца за три, именно «20 іюня 1860 г. на военномъ транспортѣ „Маньчжуръ“ прибыла въ бухту Мэа (Владивостокъ) команда въ 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ прапорщика Комарова. Съ этого времени во Владивостокѣ постоянно уже находился военный постъ»**).

Мало по малу китайское населеніе Уссурійскаго Края увеличивалось все болѣе и болѣе. Тѣ, которые не были бѣглыми преступниками изъ Сунгарійскаго раіона и могли вернуться въ Китай, возвращались назадъ и разсказывали у себя на родинѣ о неистощимыхъ богатствахъ страны и о жизни на свободѣ. Эти разсказы разжигали любопытство и новыя толпы искателей приключеній шли въ невѣдомую страну за новымъ счастьемъ. Самое блестящее подтвержденіе того, что китайцы въ Уссурійскомъ Краѣ появились недавно, мы находимъ въ законахъ китайскихъ организацій „Гуань и Хуэй“, о которыхъ впослѣдствіи я буду говорить подробнѣе. Законы эти помѣчены годами 1893, 1896 и 1898-й. Эти цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что *только въ концѣ XIX вѣка манзовское мѣстное населеніе увеличилось настолько, что явилась потребность въ организаціи самоуправленія, совершенно независимаго отъ Китая.*

О томъ, что Пекинское правительство не знало о самовольныхъ китайскихъ засельщикахъ въ Уссурійскомъ Краѣ, видно изъ ст. 1-й Пекинскаго договора, гдѣ сказано: «Если-бы въ Уссурійской странѣ оказались бы поселенія китайскихъ подданныхъ, то русское правительство обязуется оставить

*) М. Жданко Памяти адмирала Геннадія Ивановича Невельского, 1908 г., стр. 13 и 14.
**) Надаровъ. Матеріалы по изученію Уссурійскаго Края. 1887 г., стр. 91.

ихъ на тѣхъ мѣстахъ и дозволить имъ попрежнему заниматься рыбными и звѣриными промыслами». Это—„если-бы, оказались-бы" и т. д.—свидѣтельствуетъ о томъ, что *правительство Поднебесной Имперіи не было увѣрено, живутъ здѣсь китайцы или нѣтъ.* И это его невѣдѣніе является въ то время, когда въ Уссурійскомъ Краѣ начинаютъ уже создаваться правильныя политическія организаціи „Гуань и Хуэй".

Самыми первыми переселенцами въ Уссурійскій Край были крестьяне изъ Пермской губерніи. Въ 1859 году ихъ привезли моремъ въ заливъ Св. Ольги и высадили на берегъ. Часть ихъ поселилась тутъ-же около моря, образовавъ деревню Новинку, а часть перешла на р. Вай-фудинъ, которую они назвали Аввакумовкой. Эта вторая деревня названа была по имени рѣки Фудиномъ, а впослѣдствіи переименована въ Вѣткино.

Частыя и сильныя наводненія заставили многихъ переселенцевъ въ 1862 году бросить Новинку и перейти на р. Аввакумовку. Тоже самое произошло и съ дер. Фудинъ. Жители ея недолго сидѣли на одномъ мѣстѣ и въ 1864 году переселились отчасти въ село Шкотово на рѣку Майхэ, отчасти ближе къ морю и образовали новую деревню Пермскую. Эти старожилы говорятъ, что когда они пріѣхали сюда, то къ югу отъ зал. св. Ольги на р. Ванчинѣ и Пхусунѣ были уже небольшія китайскія поселенія, а на р. Аввакумовкѣ они застали однихъ только орочей-тазовъ. Эти тазы, хотя и жили въ фанзахъ, но носили двѣ косы и серьги въ ушахъ и одѣвались въ свою національную пеструю одежду, сшитую изъ китайской синей дабы, или изъ звѣровыхъ шкуръ и рыбьей кожи. У всѣхъ женщинъ въ носу были кольца. Китайцевъ на р. Аввакумовкѣ тогда не было вовсе, только у тазовъ въ фанзахъ жило два старика маньчжура: „Хо-ро-ши и Ливен-тинъ". Китайскіе колонисты двигались съ юга, со стороны Сучана и Судзухэ. *Лѣтъ черезъ десять послѣ прибытія русскихъ китайцы дошли до р. Аввакумовки* и вскорѣ фанзы ихъ появились и на р. Тадушу. Далѣе на сѣверъ по побережью моря китайцы проникли еще позже. Такъ, на рѣкѣ Тютихэ они появились лѣтъ двадцать тому назадъ, на Такэ-

мѣ—лѣтъ десять и, наконецъ, около мыса Олимпіады совсѣмъ недавно—не болѣе четырехъ, пяти лѣтъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ по годамъ, шагъ за шагомъ, прослѣдить китайскую колонизацію въ Уссурійскомъ Краѣ.

Одни изъ первыхъ переселенцевъ въ Уссурійскій Край были старовѣры. Они сначала жили на Амурѣ около озера Петропавловскаго, а потомъ перебирались на р. Даубихэ и на р. Улахэ, гдѣ и основали деревни Петропавловку и Каменку. Первый разъ по прибытіи въ эти мѣста *они застали здѣсь одни только звѣровыя фанзы* съ небольшими около нихъ огородами. Эти фанзы, смотря по времени года, навѣщались то соболевщиками, то искателями жень-шеня. *Только въ началѣ семидесятыхъ годовъ китайцы, какъ будто остаются здѣсь уже на постоянное жительство, начинаютъ воздѣлывать землю* и сѣять пшеницу, кукурузу и чумизу. Настоящіе же колонисты-земледѣльцы появляются въ Уссурійскомъ Краѣ не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ.

Колонизація Приамурья шла не только сухопутнымъ путемъ со стороны Сунгари, но и морскимъ путемъ со стороны Хунчуна. Въ началѣ прошлаго столѣтія Хунчунскіе маньчжуры уже занимались морскими промыслами въ водахъ залива Петра Великаго. Однако, *ихъ парусныя лодки на востокъ дальше залива Америки не заходили*. Въ 1831 году весной въ заливъ Св. Ольги, не имѣющій еще тогда русскаго названія, впервые прибыло шесть лодокъ подъ начальствомъ маньчжура Сале-Кіа. Здѣсь на берегу моря пришельцы построили двѣ фанзы. Въ 50 годахъ мы находимъ тутъ уже цѣлый поселокъ „Ши-Мынь", что по китайски значитъ „Каменныя ворота". Дѣйствительно, въ 100 саженяхъ отъ селенія на сѣверо-востокъ есть такія ворота, какъ результатъ размыва берега морскимъ прибоемъ. *Преобладающій элементъ населенія Ши-мынь были маньчжуры. Китайцы, главнымъ образомъ, выходцы изъ Шандуня, являлись только единичными личностями.* Прибывшіе впослѣдствіи русскіе узкій проходъ въ заливъ Св. Ольги, мель и находящуюся тутъ же поблизости песчанную косу назвали „Кошкой", а такъ какъ маньчжурскій поселокъ находился тутъ же рядомъ, то впослѣдствіи и за нимъ укрѣпилось это названіе.

Въ то время, когда Владивостока еще не существовало, а военный портъ предполагалось перенести изъ города Николаевска въ заливъ Св. Ольги, Ши-мынь былъ уже главнымъ китайскимъ торговымъ пунктомъ въ Уссурійскомъ Краѣ. Здѣсь въ массѣ добывалась морская капуста, ловились трепанги, крабы, морскіе гребешки и друг. молюски, о чемъ ниже я буду говорить подробнѣе. «Во главѣ дѣла тогда стояли крупныя торговыя фирмы изъ ближайшихъ портовъ Китая, Чифу и Циндао. Маньчжуры имъ были нужны, какъ рабочая сила и какъ люди, съ дѣтства привыкшіе къ морю. Уходившіе на морскіе промыслы изъ Хунчуна выбирали отъ Чжифу (начальникъ уѣзда, онъ же Цзо-линъ—начальникъ знамени) разрѣшительныя отпускныя свидѣтельства, уплачивая за каждое изъ нихъ по 2 дяо.

Населеніе хунчунскаго округа все состоитъ изъ знаменныхъ маньчжуръ, обязанныхъ быть всегда въ рядахъ войскъ безъ всякихъ льготъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется строгій учетъ выбывающихъ на промыслы»*).

Ежегодно съ наступленіемъ весны цѣлыя флотиліи парусныхъ лодокъ направлялись къ зал. Св. Ольги. По свидѣтельству старожиловъ, такихъ лодокъ приходило отъ 500 до 800. Всѣ онѣ были одного типа,—это были парусные долбленые челноки, выкрашенные въ черную краску. Въ пути и на мѣстахъ промысловъ всѣмъ руководили самые опытные мореходы, морскіе старшины (Хэй-ба-тоу), которые и являлись отвѣтчиками передъ хунчунскимъ Чжифу за взятыхъ людей по количеству.

Кромѣ маньчжурскихъ лодокъ въ Ши-мынь приходило много шапандъ и большихъ кораблей. Все это нагружалось дарами моря въ количествѣ многихъ сотенъ тысячъ пудовъ и увозилось въ Чифу и Циндао. Съ уходомъ судовъ жизнь на Кошкѣ замирала. Но вотъ наступала новая весна—приближалось время возвращенія лодокъ. Особо назначенные сторожевые съ высокой горы наблюдали за моремъ, не покажется ли флотилія? Наконецъ, желанный день наставалъ. Лодки приходили всегда въ одно и то же время, подъ командой однихъ и тѣхъ же старшинъ, привозили новости и но-

*) Эти свѣдѣнія мною получены отъ г. Шильникова въ 1911 г.

выхъ колонистовъ, привозили въ плетеныхъ тулузахъ масло, ханшинъ, холстъ, вату, табакъ, сахаръ, чай, соль и другіе предметы.

Въ это время китайцы охотники и звѣроловы, живущіе въ бассейнѣ р. Уссури, вьючнымъ порядкомъ цѣлыми караванами перебирались черезъ Сихотэ-Алинь и привозили съ собою собольи мѣха, панты и корни жень-шеня. Здѣсь они продавали ихъ купцамъ и здѣсь же въ обмѣнъ получали отъ нихъ товары и снова тою же дорогой возвращались на Уссури обратно.

Когда же портъ изъ Николаевска былъ перенесенъ во Владивостокъ, Постъ Св. Ольги началъ падать, а съ проведеніемъ Уссурійской желѣзной дороги онъ окончательно утратилъ свое значеніе. Манцзы перестали совершать сюда свои путешествія, тропа стала зарастать и въ настоящее время только старики китайцы могутъ указать, гдѣ она проходила.

И такъ мы видимъ, что, *какъ только русскіе появились въ устьѣ Амура, въ заливѣ Св. Ольги и въ бухтѣ Мэа, китайцы тоже обращаютъ свои взоры къ берегамъ Великаго океана, и тогда только узнаютъ объ истинномъ протяженіи Уссурійскаго Края.* Не можетъ быть, конечно, чтобы китайцы не знали вообще о существованіи земель къ востоку отъ Уссури, но свѣдѣнія эти были у нихъ еще слабѣе, еще неопредѣленнѣе, чѣмъ о мѣстностяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Амура. *Только съ 1872 года въ Уссурійскій Край начинаютъ пріѣзжать китайскіе чиновники.* Цѣль ихъ посѣщеній—ознакомленіе съ страной и главнымъ образомъ съ его населеніемъ. Такъ продолжалось 12 лѣтъ. Еще въ 1895 году китайскій чиновникъ изъ гор. Нингуты поднимался вверхъ по р. Уссури и р. Улахэ до Ното. Здѣсь на столбѣ онъ въ послѣдній разъ вывѣсилъ объявленіе о томъ, что все китайское и инородческое населеніе Уссурійскаго Края подвластно Императору Великой Поднебесной Имперіи.

Всѣ эти историческіе факты съ непостижимой ясностью свидѣтельствуютъ намъ, что, когда китайцы пришли на Амуръ, тамъ были уже русскіе. Тогда казаки съ инородцевъ для русской казны собирали ясакъ и имѣли здѣсь многіе опорные

пункты въ видѣ разныхъ постовъ, земляныхъ укрѣпленій и города Албазина. А потому начало Россійскаго владычества въ Приамурскомъ Краѣ надо считать не съ 1859 года—года административнаго присоединенія Края, а съ начала XVII столѣтія, т. е. со времени фактическаго владычества русскихъ на Амурѣ.

Транскрипція географическихъ названій.

Разсматривая карту Уссурійскаго Края, мы замѣчаемъ, что китайскими названіями пестритъ только южная ея часть, долина р. Уссури и низовья ея правыхъ притоковъ. Вся же центральная часть страны и въ особенности къ сѣверу отъ р. Хора и Самарги до Амура имѣетъ названія исключительно туземныя—орочскія и гольдскія. Здѣсь нѣтъ даже и маньчжурскихъ названій. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что *въ сѣверной части Уссурійскаго Края никогда не было ни маньчжуръ, ни китайцевъ.*

Затѣмъ, на побережьѣ моря китайскія названія имѣются только въ Посьетскомъ раіонѣ, въ заливѣ Петра Великаго и распространяются на востокъ рѣки до Судзухэ, затѣмъ они становятся рѣже и у мыса Поворотнаго совсѣмъ исчезаютъ. Отсюда къ сѣверу всѣ мысы, всѣ заливы и бухты—все окрещено русскими. Оно и понятно,—*первые мореплаватели, появившіеся въ проливѣ Невельского, были не китайцы, а русскіе.*

Да и самый то заливъ Петра Великаго своими китайскими названіями обязанъ не китайскому правительству, а хунчунскимъ маньчжурамъ, занимавшимся въ этихъ мѣстахъ морскими промыслами. Но такъ какъ въ Зауссурійскомъ Краѣ (не на берегу моря, а на твердой землѣ) китайскихъ названій все-же очень много, то позволительно будетъ допустить, что китайскіе колонисты двигались сюда не морскимъ путемъ, а сухопутнымъ.

Нужно отдать китайцамъ справедливость, что названія свои они давали очень мѣтко. Уже по самому названію можно приблизительно было сказать, чѣмъ замѣчательна та или иная мѣстность или куда течетъ рѣка, какой звѣрь держится въ тайгѣ и т. д. Русскіе, переселившіеся сюда впослѣдствіи, большею частью удержали китайскія названія, повторяли ихъ,

сильно искажая и совершенно не понимая ихъ значенія. Получилась невозможная путаница, разобраться въ которой теперь очень затруднительно, а во многихъ случаяхъ даже и совсѣмъ невозможно. Это затрудненіе увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что китайцы, по прибытіи въ Край, сами застали много туземныхъ названій, которыя они тоже передѣлали по своему (Напримѣръ: Амба, Бира, Адими, Сэбучаръ, Шамара, Каимбэ и т. д.). Къ нѣкоторымъ изъ этихъ названій китайцы прибавили свою частицу Хэ, напр. Ула-хэ, Ула— по маньчжурски означаетъ нарицательное „*рѣка*", Хэ — тоже означаетъ рѣку по китайски и получилось въ переводѣ что то странное «рѣка—рѣка».

Уссурійскій Край китайцы называютъ Дунъ-дзянь-шань (буква *я* произносится съ сильнымъ оттѣнкомъ буквы *е*, а буква *ш* съ слабымъ оттѣнкомъ буквы *с*). Буквальный переводъ китайскихъ іероглифовъ будетъ «Восточныя острыя горы». Иногда вмѣсто Дзянь, китайцы говорятъ Да (Дунь-Да-Шань), что означаетъ «Восточныя большія горы».

Эти оба названія связаны прежде всего съ представленіемъ о странѣ, въ которой горный характеръ выраженъ весьма интенсивно. Рѣзкій переходъ отъ равнинной Маньчжуріи и отъ равнинъ, что у озера Ханка, къ странѣ, которая, какъ бы наполнена горами, впервые поразилъ китайцевъ. Слабый умъ простонародья сейчасъ же объяснилъ это по своему, сверхъестественно. На страницахъ китайской мифологіи мы находимъ сказаніе о великанѣ Янъ-эръ-ланъ, который кнутомъ изгонялъ горы изъ Маньчжуріи. Горы отодвигались къ востоку, дошли до моря и здѣсь столпились на берегу Великаго океана.

Мѣстные китайцы страну также называютъ Усули-цзянъ, т. е. Большая рѣка Усули (звукъ *р* замѣненъ звукомъ *л*). Земли, лежащія къ востоку отъ главнаго водораздѣла, т. е. прибрежный раіонъ Зауссурійскаго Края, китайцы называютъ Хай-янь (читай Хай-ѐн безъ твердаго и безъ мягкаго знака), что значитъ «Морское побережье».

Водораздѣлъ, отдѣляющій Зауссурійскій Край отъ бассейна Уссури, на картахъ названъ Сихотэ-Алинемъ. Названіе это маньчжурское и, вѣроятно, будетъ истиннымъ. Мѣстные

китайскіе охотники называютъ его Си-хо-та-Линь и по своему производятъ его отъ словъ Си—западъ, Хо (хэ)—рѣка, Та (Да)--большой, Линь—хребетъ. При такихъ іероглифахъ переводъ будетъ: Западныхъ большихъ рѣкъ хребетъ. И дѣйствительно, къ западу текутъ такія рѣки, какъ Хоръ, Бикинъ, Иманъ, Ното и Улахэ. Рѣки прибрежнаго бассейна несравненно меньше. Иногда китайцы называютъ Сихотэ-Алинь другимъ именемъ, напримѣръ, Лао-Линь, что означаетъ „Старый перевалъ", въ смыслѣ „сѣдой, древній", Да-линъ, т. е. „Большой перевалъ". По гольдски онъ будетъ Цзубъ-Гынъ, а орочи его называютъ Сагды-Цзу. То и другое названіе значитъ то же самое, что и Да-линъ. Первые русскіе, прибывшіе въ зал. Св. Ольги въ 1859 году, познакомившись впервые съ Сихотэ-Алинемъ, назвали его «*Проходной Рубецъ*». Это названіе, впрочемъ, не удержалось и исчезло вмѣстѣ со смертью первыхъ нашихъ засельщиковъ. Въ настоящее время все русское населеніе Приамурскаго Края знаетъ Сихотэ-Алинь подъ его истиннымъ названіемъ.

Русское названіе.	Географическое мѣстоположеніе.	Сохранившееся инородческое названіе.	Китайское названіе.	Объясненія названій. (Транскрипція).
Ташанмоу . .	Около с. Шкотова на р. Цимухэ	—	Да-шань-мао . .	Большая гора на подобіе жернового камня.
Цамодынза . .	Въ Южн. Уссур. Краѣ	—	Цао-Мао-динъ-цзы	Верхушка горы на подобіе соломенной шляпы.
Кулунзуйза .	На берегу моря близъ мыса Бѣлкина, къ югу отъ него.	Сангасу .	Ку-лунъ-чжуй-цзы	Отверстіе въ камнѣ—Береговыя ворота.
Тадяньшань .	Хребетъ, отдѣляющій р.р. Даубихэ и Улахэ отъ прибрежнаго бассейна .	—	Да-цзянь-шань . .	Большія остроконечныя горы.
Чинчинлаза .	Гора въ долинѣ р. Такунчи (притокѣ р. Такэмы)	—	Цзинь-и-ла-цзы .	Золотая одинокая скала.
Тудинза . . .	Этихъ названій много по всему краю	—	Ту-динъ-цзы . . .	Земляная макушка горы *).
Вамбабоза . .	Мѣстность между сел. Шкотовымъ и бухтой Тавайза	—	Ванъ-ба-бо-цзы .	Черепашье горло—перешеекъ (длинная сѣдловина), соединяющій двѣ горы, изъ которыхъ одна большая, другая маленькая, напоминающія туловище и голову черепахи.

*) Большая часть горъ состоитъ изъ каменистыхъ розсыпей. Земляныя вершины среди нихъ встрѣчаются, какъ исключенія.

Русское названіе.	Географическое мѣстоположеніе.	Сохранившееся инородческое названіе.	Китайское названіе.	Объясненія названій (Транскрипція).
Императорская гавань . . .	Проливъ Невельского—49° Сѣв. широты . . .	Хáди . . .	Инъ-бень-ла-цзы .	Неудачная транскрипція русскаго слова „Императорская".
Сунгари . . .	Правый большой притокъ р. Амура	—	Сунъ-хуа-цзянъ .	Рѣка сосновыхъ шишекъ. Мѣсто, гдѣ постоянно бываетъ урожай кедровыхъ орѣховъ.
Ханка оз. . .	45° Сѣв. широты и 102° В. долготы . . .	—	Синъ-кай-ху . . .	Транскрипція словъ озеро, процвѣтаніе, благоденствіе.
Амуръ	Амурская область . .	Ямуръ . .	Хэй-лунъ-цзянъ .	Рѣка чернаго дракона.
Нанча	Такихъ названій много по всему краю	—	Нанъ-ча . . .	Южная развилина — мѣсто слія-нія двухъ
Бейча	Тоже	—	Бэй-ча	Сѣверная развилина — рѣкъ одинаковой велич.
Ентулаза . .	Тоже	—	Янь-тунъ-ла-цзы .	Трубчатая скала.
Чимухе . . .	Тоже	—	Ци-ма-хэ	Рѣка, позволяющая переѣзжать черезъ броды верхомъ.
Тудагоу . . .	Тоже	—	Тоу-дао-гоу . . .	Первая Большая падь*).
Эрдагоу . . .	Тоже	—	Эръ-дао-гоу . . .	Вторая „ „
Сандагоу . .	Тоже	—	Санъ-дао-гоу . .	Третья „ „
Сыдагоу . . .	Тоже	—	Сы-дао-гоу . . .	Четвертая „ „
Тунца	Тоже	—	Дунъ-ча	Восточная развилина.
Сица	Тоже	—	Си-ча	Западная „
Синанца . . .	Тоже	—	Си-нань-ча . . .	Юго-Западная „
Дунанца . . .	Тоже	—	Дунъ-нань-ча . .	Юго-Восточная „
Татунгоу . .	Тоже	—	Да-дунъ гоу . . .	Большая восточная падь.
Сибегоу . . .	Тоже	—	Си-бэй-гоу . . .	Сѣверо-западная падь.
Хычазагоу . .	Тоже	—	Хэй-ся-цзы-гоу .	Медвѣжья долина.
Иманъ	Притокъ р. Уссури . .	Има-(ha) .	Има-хэ	Транскрипція орочскаго слова Има-ha, означающаго „снѣгъ".
Сяньшихеза .	Притокъ р. Имана . .	—	Сянъ-шуй-хе-цзы	Гремящій (журчащій) ключъ.
Инцухе . . .	Тоже	—	Инъ-цзы-хэ . . .	Серебряная рѣчка—мѣсторожденіе серебряной руды
Бикинъ . . .	Притокъ р. Уссури . .	Бики . . .	Дизинь-хэ . . .	Рѣка острой горы.
Хоръ	Тоже	Ху**) . . .	Мань-ю-хэ . . .	Бычья рѣка.
Суйфунъ . .	Въ Южно-Уссур. Краѣ р., впадающая въ Амурскій заливъ	—	Суй-фынъ	Транскрипція словъ—вода и вѣтеръ.
Лифу	Рѣка, текущая въ озеро Ханка	—	Ле-фу-хэ . . .	Охотничья рѣка, т. е. рѣка, гдѣ есть хорошая охота на звѣря.
Майхэ	Рѣка, впадающая въ Уссурійскій заливъ . . .	—	Ма-и-хэ	Пшеничная рѣка—мѣсто хорошихъ урожаевъ пшеницы.
Шамара . . .	Рѣка на полуостровѣ Муравь.-Амурскомъ . . .	Самара . .	Са-ма-ла	Неудачная транскрипція маньчжурскаго слова Самала—(Большая деревянная чаша).

*) Мѣстное названіе долины — падь, распадокъ.
**) По гольдски—Поръ.

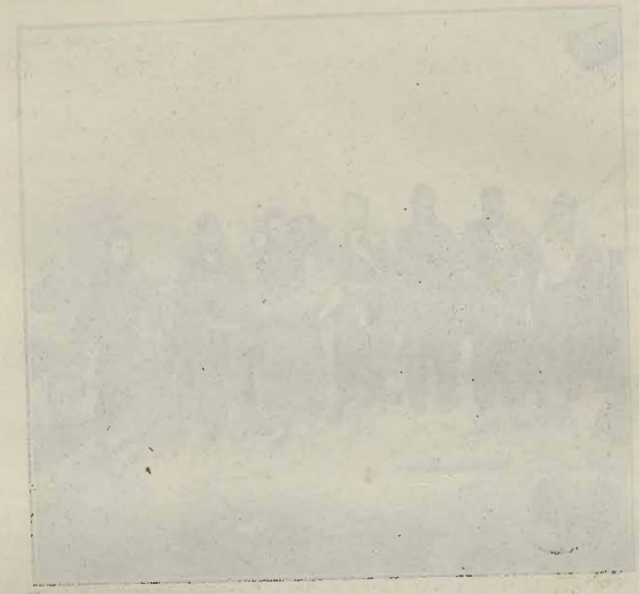
Русское названіе.	Географическое мѣстоположеніе.	Сохранившееся инородческое названіе.	Китайское названіе.	Объясненія названій (Транскрипція).
Сучанъ . . .	Рѣка, впадающая въ зал. Америку	—	Су-чэнъ	Транскрипція: Су-пахучее растеніе, чэнъ—крѣпость, городище.
Судзухе . . .	Восточнѣе р. Сучана .	—	Шу цзу-хэ . . .	Рѣка кедроваго лѣса. Дѣйствительно, вся долина ранѣе была покрыта густыми смѣшанными лѣсами.
Таухе	См. мысъ Поворотный	Сагды-угу .	Да-у-хэ	Большая пятая рѣка.
Сяухе	Тоже рядомъ	Угу . . .	Сяо-у-хэ	Малая „
Ямбатагоу . .	Около р. Судзухэ .	—	Юань-бао-да-гоу .	Большая падь серебрянаго слитка. Сказаніе говоритъ, что здѣсь зарытъ въ землю кладъ въ видѣ большого куска серебра.
Лифанхе . . .	Смотр. р. Тадушу . .	—	Лэй-фынъ-хэ . .	Грозовая рѣка. Здѣсь молніей разбило большой дубъ.
Лисягоу . . .	Притокъ р. Тадушу . .	—	Ли-ся-гоу	Грушевая падь, названная такъ по причинѣ растущей въ изобиліи дикой груши.
Пхусунъ . . .	Южнѣе зал. Св. Ольги	—	Пу-сунъ . . .	Транскрипція Пу—тростникъ, Сунъ сосна.
Пауго	Притокъ Фудзина, смотр. р. Улахэ	—	Пау-гоу	Козья долина—въ этихъ мѣстахъ ранѣе держалось много дикихъ козъ.
Квандагоу . .	Притокъ р. Тадушу . .	Угу . . .	Гуань-да-гоу . .	Чиновничья большая падь. Здѣсь была резиденція маньчжурскаго чиновника - слѣды городища видны и по сіе время.
Тадушу (онаже Лифуле) .	Рѣка около зал. Св. Владиміра, къ сѣверу отъ него	Уги . . .	Да-цзо-шу . . .	Большой дубъ. Дубъ этотъ впослѣдствіи былъ разбитъ молніей—смотр. назв. рѣки Лефуле.
Ванъ-гоу . .	Притокъ р. Тютихе . .	—	Ванъ-гоу	Княжеская падь. Здѣсь сохранились слѣды древняго городища.
Динзахэ . . .	Притокъ р. Тадушу . .	—	Цзинь-цзы-хэ . .	Золотая рѣчка—ранѣе здѣсь китайцы мыли золото.
Тапоуза . . .	Рѣка около зал. Св. Владиміра.	Каія . . .	Да-пао-цзы . . .	Большой прудъ—лагуна. Въ прежнее время въ лагуну эту охотники при помощи собакъ загоняли много оленей и били ихъ съ лодки.
Хулуай . .	Рѣка, впадающая въ зал. Св. Владиміра	—	Ху-лу-вай	Зал. похожій на „Хулу“ (круглый съѣдобный плодъ).
Сёхобе . . .	Рѣка около зал. Джигитъ.	—	Сюэ-хуа-бѣ . . .	Снѣжная падь—обыкновенно въ этомъ мѣстѣ снѣгъ выпадаетъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Русское названіе.	Географическое мѣстоположеніе.	Сохранившееся инородческое названіе.	Китайское названіе.	Объясненія названій (Транскрипція).
Билембее . .	Южнѣе бухты Терней .	Били . . .	Бинъ-лянъ-бѣ . .	Транскрипція словъ „волна и ледъ“.
Ли-Фудинъ . .	Притокъ р. Фудина (бассеинъ Улахэ)	Фуди . .	Ли-фу-цзинъ . .	Рѣка Фудзинъ внутренняго бассеина — Фудзинъ неправильна и транскрипція ороч. слова „Фуди“.
Ваифудинъ . .	Рѣка, впадающая въ заливъ Св. Ольги	—	Вай-фу-цзинъ . .	Рѣка Фудзинъ внѣшняго бассейн.
Лутангоу . .	Заливъ Джигитъ — притокъ р. Іодзыхэ . .	—	Лу-танъ-гоу . . .	Долина пруда, заросш. камышемъ. —Такой прудъ дѣйствительно имѣется и по сіе время.
Мулумбе . . .	Свв. зал. Джигитъ . .	Мули . . .	Му-лу-бѣ	Транскрипція словъ Му—самка, Лу—изюбрь, бѣ—яма. Дѣйствительно, въ этихъ мѣстахъ всегда держатся матки изюбрей съ телятами. Мѣстность болотистая, топкая, въ торфянникахъ много ямъ съ водою.
Мутуха . . .	Зал. Опричникъ . . .	Цауги . .	Му-чжу-хэ . . .	Свиная рѣка. Въ этихъ мѣстахъ постоянно держатся кабаны.
Самарги . .	Около мыса Золотого .	Дати . . .	У-ми-да-гоу . .	Скрытая туманомъ долина. Со стороны моря во время дождей и тумановъ часто ни долины, ни рѣки не видно.
Тумнинъ . . .	Близъ мыса Лессепсъ-Дата	Дати . . .	Ту-ми-да-гоу .	Скрытая пылью падь. Транскрипція слова „Тумнинъ“.
Прямая падь .	Притокъ р. Тютихэ . .	—	Инь-цзы-ла-цзы-гоу	Долина серебряной скалы. Мѣсто рожденія серебро-свинцовой руды.
Іовзыхэ . . .	Зал. Джигитъ	Эньги . .	Яо-цзы-хэ	Водоворотная рѣка. Здѣсь много потонуло китайцевъ.
Куцунъ . . .	Рѣка около мыса Максимова	Куи (Куги)	Кусунъ-гоу . . .	Падь сухой сосны. Мѣсто пожарища.
Такунчи . . .	Притокъ р. Такэмы . .	—	Да-кунъ-чи . . .	Большая трубчатая гора.
Сяо-кунчи . .	Тоже	—	Сяо-куиъ-чи . . .	Малая трубчатая гора.
Санхобе . . .	Рѣка, впадающая въ бухту Терней	Сэнкэ . .	Сань-хэ-бѣ . . .	Долина трехъ рѣчекъ. Низовья Санхобэ дѣйствительно слагаются изъ трехъ рѣкъ Тунцы, Сицы и Вандагоу.
Уленгоу . . .	Притокъ р. Кусуна . .	—	У-лунъ-гоу . . .	Падь пяти драконовъ. Основано на сказаніяхъ инородцевъ, что въ этихъ мѣстахъ живетъ пять большихъ змѣй.
Кулунбе . . .	Рѣка около мыса Большева	Куля . . .	Ку-лунъ-бѣ . . .	Долины съ ямами. Низина долины изрыта водою.
Секошу . . .	Рѣка прибрежнаго бассейна	—	Сяо-кэ-шу. . . .	Малое деревцо. Долинка покрыта низкою порослью.

КИТАЙЦЫ ВЪ УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ (МАНЦЗЫ).

Chinois habitant la région de l'Oussouri (mantzi).

(Стр. 61).



Русское названіе.	Географическое мѣстоположеніе.	Сохранившееся инородческое названіе.	Китайское названіе.	Объясненія названій (Транскрипція).
Тавайза . . .	Къ сѣверу отъ бухты Терней	Омукси . .	Да-вай-цзы . . .	Большой заливъ.
Юшангоу . .	Притокъ р. Тадушу . .	—	Юй-чань-цзы-гоу .	Долина, гдѣ въ рѣкѣ собирается много рыбы. Неудачная транскрипція маньчжурскаго слова Кань-да-ганъ (Лось). Рѣка, гдѣ много держится сахатыхъ.
Хандахеза . .	Притокъ р. Іодзыхе . .	—	Хань-да-хэ-цзы .	
Даубихэ . . .	Притокъ р. Уссури	—	Дао-бинъ-хэ . . .	Транскрипція словъ „мечъ, сраженіе, солдатъ".
Тетюха . . .	Рѣка между бухтою Терней и зал. Св. Владиміра	Но-гу-лé .	Чжу-чи-хэ . . .	Рѣка злыхъ свиней. Названіе это дано потому, что случайно въ разное время три охотника смертельно были изранены кабанами.

Китайцы-земледѣльцы.

Въ Уссурійскомъ Краѣ китайцы разселились главнымъ образомъ въ Посьетскомъ раіонѣ, около озера Ханка, въ Сучанскомъ раіонѣ (по р.р. Майхэ, Цимухэ, Сучану и Судзухэ), въ верховьяхъ р. Уссури (по долинамъ р.р. Даубихэ, Улахэ, Ното и Фудзину, по всему почти Иману до мѣстности Сидатунъ и по долинѣ р. Ваку, затѣмъ по р. Бикину въ нижнемъ его теченіи до мѣстности Сигоу и Цамодынза, по р. Хору въ его низовьяхъ до Табандо, по обоимъ берегамъ р. Уссури, особенно около устья Имана и въ Зауссурійскомъ Краѣ, узкою полосою по берегу моря до мыса Гилякъ.

На схемѣ, приложенной въ концѣ этой книги, розовою краской указаны раіоны, гдѣ вообще живутъ китайцы, занимающіеся земледѣліемъ.

Установить точную цифру китайскаго населенія въ Уссурійскомъ Краѣ положительно невозможно, такъ какъ она постоянно колеблется въ зависимости отъ времени года и отъ другихъ причинъ, заставляющихъ китайцевъ кочевать съ одного мѣста на другое. Съ наступленіемъ осени вся тайга сплошь наводняется манзами соболевщиками. Они пріѣзжаютъ

сюда не только изъ Владивостока, Никольска и Хабаровска, но даже и изъ Китая. Надо полагать, что осенью пріѣздъ китайцевъ въ Уссурійскій Край къ ихъ отъѣзду на родину въ это время относится какъ 10 къ 2.

Особенно бродячій элементъ представляютъ изъ себя рабочіе манзы. Нанимаясь то здѣсь, то тамъ, они все время переходятъ отъ одного хозяина къ другому и потому постояннаго жительства не имѣютъ.

По статистикѣ Г. Надарова *въ 1861—1865 г. китайцевъ въ Уссурійскомъ Краѣ насчитывалось только 870 ч.*).* По районамъ они распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

№№.	РАІОНЫ.	Количество фанзъ.	Численность китайск. нас.
1	Уссурійскій	18	28
2	Ханкайскій	97	350
3	Суйфунскій	40	71
4	Сучанскій	112	274
5	Аввакумовскій	74	157
	Итого . .	341	870

*Черезъ пять лѣтъ, именно въ 1870 году, мѣстное манзовское населеніе увеличилось вдвое**).*

№№.	РАІОНЫ.	Численность.
1	Уссурійскій	208
2	Ханкайскій	886
3	Суйфунскій	142
4	Сучанскій	267
5	Аввакумовскій	294
	Итого	1797 ч.

*) Надаровъ. Матеріалы по изученію Уссурійскаго Края, 1887 г. стр. 119. Т. 5 сборн. лавн. оффиц. документ. по Управл. Восточ. С.

**) Алябьевъ. Далекая Россія, Уссурійскій Край. страница 112.

Въ 1880 году эта послѣдня цифра *увеличилась еще въ четыре раза.* Въ Уссурійскомъ Краѣ насчитывалось уже около 7000 китайцевъ*).

№№.	РАІОНЫ.	Количество фанзъ.	Численность.
1	Уссурійскій	82	128
2	Ханкайскій	322	2162
3	Суйфунскій	280	1909
4	Сучанскій	334	1819
5	Аввакумовскій	150	610
	Итого . .	1168	6628 ч.

Къ этому приблизительно времени (1888 г.) Назаровъ въ Амурской области (на лѣвомъ берегу Амура) насчитывалъ китайскихъ фанзъ 1266 съ населеніемъ въ 13923 человѣка**).

Максимальный наплывъ китайцевъ въ Уссурійскій Край былъ въ періодъ съ 1895 по 1905 годъ. Послѣ русско-японской войны значительная часть Уссурійскихъ манзъ уѣхала на родину. До нихъ дошли слухи, что въ Маньчжуріи многіе города и деревни разрушены и что много китайцевъ погибло во время сраженій и безпорядковъ. Они рѣшили съѣздить домой, навѣстить своихъ родственниковъ, узнать, что съ ними случилось и устроить свои дѣла. Въ силу этого обстоятельства 1904—1905 годы были для земледѣльцевъ китайцевъ очень тяжелыми. Невозможно было найти рабочихъ ни за какую плату даже для сбора опія. На плантаціяхъ многія маковыя растенія такъ и остались на корню совершенно неиспользованными. Однако *съ 1906 г. эмиграція китайцевъ въ предѣлы Уссурійскаго Края снова начинаетъ возрастать.*

Въ 1910 и 1911 г.г. въ одной только южной части Ольгинскаго уѣзда было свыше 5000 челов. китайцевъ***).

*) Надаровъ. Матеріалы по изученію Уссурійскаго Края. 1887 г. стр. 119. Т. 5 сборн. главн. оффиц. документ. по Управл. Восточ. С.

**) Назаровъ. Сборникъ Глав. Оффиц. документовъ по управл. Восточ. Сибирью. Т. 4. 1883 г. стр. 39.

***) Статистика произведена г-номъ Шильниковымъ въ 1911 г.

По волостямъ манзовское населеніе распредѣлилось тамъ слѣдующимъ образомъ:

№№.	ВОЛОСТИ.	Число фанзъ.	Численность населенія.
1	Новолитовская	19	89
2	Цимухинская	174	1019
3	Петровская	149	778
4	Сучанская	89	702
5	Фроловская	30	98
6	Новонѣжинская	96	197
7	Маргаритовская до зал. Св. Ольги	94	609
8	Кіевская	73	288
	Итого . .	724	3780

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ эту вѣдомость не вошло китайское населеніе по р. Аввакумовкѣ и къ сѣверу отъ зал. Св. Ольги, районы, также составляющіе Маргаритовскую волость Ольгинскаго уѣзда.

Приблизительно въ тѣ-же годы (1906—1909 г.г.) въ Заусурійскомъ Краѣ къ сѣверу отъ зал. Св. Ольги китайское населеніе исчислялось въ 4570 человѣкъ и по долинамъ рѣкъ оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

НАЗВАНІЕ РѢКИ.	Названіе поселка или деревни.	Число фанзъ.	Число жителей.				Когда собраны свѣдѣнія.
			Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.	
Зал. Св. Ольги	Кошка	32	246	1	2	249	1906 г.
Р. Аввакумовка	Пермская	1	12	—	—	12	„
„	Вай-фудинъ	25	229	—	—	229	„
Р. Арзамазовка	—	4	31	—	—	31	„
Р. Касафунова	—	1	13	—	—	13	„
Р. Хулуай	Хулуай	2	18	—	—	18	„
Р. Лисягоу	Лисягоу	1	14	—	—	14	„

НАЗВАНІЕ РѢКИ.	Названіе поселка или деревни.	Число фанзъ.	Число жителей.				Когда собраны свѣдѣнія.
			Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.	
Р. Тадушу	Тадушу	79	624	1	1	626	1906 г.
Р. Вангоу	—	1	14	—	—	14	„
Р. Вандагоу	—	1	11	—	—	11	„
Р. Тютихэ	Инзъ-Лаза-Гоу	3	22	—	—	22	„
„	Тютихэ	32	301	—	—	301	„
Р. Аохобэ	Аохобэ	18	99	—	—	99	„
Р. Мутухэ	Мутухэ	2	10	—	—	10	„
Р. Сехобэ	Сехобэ	1	8	—	—	8	„
Р. Іодзыхэ	Іодзыхэ	65	720	1	3	724	„
Р. Синанца	Лудева	1	9	—	—	9	„
Р. Лутангоу	Лутангоу	1	4	—	—	4	„
Р. Каимбэ	Каимбэ	1	3	—	—	3	„
Р. Санхобэ.	Санхобэ	38	232	1	—	233	„
Р. Тавайза-Адимилъ . .	Дунъ-Тавайза	1	11	—	—	11	1907 г.
Р. Белимбеэ	Белимбеэ	1	2	—	—	2	„
Р. Сяо-Кэма	Сяо-Кэма	2	23	—	—	23	„
Р. Такэма	Тахэма	44	264	—	—	264	„
Р. Амагу	Амагу	1	13	—	—	13	„
Р. Кусунъ	Кусунъ	12	84	—	—	84	„
Р. Нахтоху	Нахтоху	1	4	—	—	4	„
Императорская гавань .	Лѣсная Концессія . .	—	18	—	—	18	1908 г.
Р. Тумнинъ	Пріискъ золот. Павлова	—	1511	—	—	1511	1909 г.
	Итого. .	371	4550	4	6	4560	

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ эту статистику не вошло все побережье, къ югу отъ зал. Св. Ольги: Засучанье, р. Судзухэ, вся южная часть Южно-Уссурійскаго Края, долина р. Суйфуна и Посьетскій раіонъ.

Въ 1906, 1907 и 1908 г.г. китайское населеніе въ верхнихъ притокахъ рѣки Уссури выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Названіе рѣки.	Названіе поселка.	Число фанзъ.	ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ.				Время сбора свѣдѣній.
			Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.	
Ли-фудзинъ	Ли-фудзинъ . . .	6	18	—	—	18	1906 г.
„	Сяень-Лаза . . .	8	101	—	—	101	„
„	Іолайза	6	72	—	—	72	„

Названіе рѣки.	Названіе поселка.	Число фанзъ.	ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.	Время сбора свѣдѣній.
Р. Фудзинъ	Фудзинъ	11	91	—	—	91	1906 г.
Р. Ното .	Дянь-Диши	4	40	—	—	40	„
Р. Кулумбэ	Кулумбэ	4	16	—	—	16	„
Р. Иманъ .	Сидатунъ	13	182	—	—	182	„
„	Сяохэцзыгоуцзы .	3	11	—	—	11	„
„	Сань-Ши-хэза . .	22	196	1	—	197	„
„	Хозенгоу	19	179	—	—	179	„
„	Вагунбэ	2	18	—	—	18	„
„	Динзахэ	2	17	—	—	17	„
„	Картунъ	42	575	3	9	587	„
„	Мяолинъ	2	19	—	—	19	„
„	Паровози	—	16	—	—	16	„
Р. Бикинъ.	Си-гоу	9	72	2	4	78	„
	Цамо-дынза . . .	2	11	—	—	11	„
	Олонъ	8	91	—	—	91	„
	Хундоусу	8	114	—	—	114	„
Р. Хоръ. .	Табандо	4	42	—	—	42	1908 г
	Итого . .	175	1881	6	13	1900	

ПРИМѢЧАНІЕ. Въ эту статистику не вошли долины рѣкъ Улахэ и Даубихэ.

Приливъ китайцевъ въ Уссурійскій Край за первыя 20 лѣтъ 1860—1879 г.г. выразился слѣдующими цифрами *).

№№.	РАЙОНЫ	1-й періодъ 1861—1870	2-й періодъ 1871—1879.
1	Уссурійскій	15	85
2	Ханкайскій	448	1364
3	Суйфунскій	177	1661
4	Сучанскій	305	1240
5	Аввакумовскій	151	302
	Итого	1096	4652

Изъ этой таблицы мы видимъ, что *эмиграція китайцевъ во второмъ періодѣ (1871—1879) по сравненію съ первымъ періодомъ (1861—1870) увеличилась болѣе, чѣмъ въ четыре раза (4,25).* О движеніи китайскаго населенія въ городахъ Уссурійскаго Края

*) Смотр. тамъ-же у Надарова 1887 г.

можно судить изъ сопоставленія нижеприведенныхъ таблицъ, сообщенныхъ мнѣ адресными столами и полицейскими управленіями.

1910 г.

Названіе городовъ.	Зарегистрованныхъ.			Незарегистрованныхъ, по показанію самихъ китайцевъ.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.	
Хабаровскъ	Свѣдѣ	ній не	имѣется	15000
Никольскъ-Уссурійскій .	7211	145	7356	10000 члв.
Владивостокъ	21970	1191	23161	30000 члв.
Итого . . .	29181	2336	30517	55000

1911 г.

Названіе городовъ.	Зарегистрованныхъ.			Незарегистрованныхъ, по показанію самихъ китайцевъ.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.	
Хабаровскъ	Свѣдѣ	ній не	имѣется	7000
Никольскъ-Уссурійскій .	8016	162	8178	5000 члв.
Владивостокъ	21618	2017	23635	15000 члв.
Итого . . .	29634	2179	31813	27000

1912 г.

Названіе городовъ.	Зарегистрованныхъ.			Незарегистрованныхъ, по показанію самихъ китайцевъ.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.	
Хабаровскъ	3695	свѣдѣній не имѣется.	3695	1000 члв.
Никольскъ-Уссурійскій .	3761	217	3978	2000 члв.
Владивостокъ	25707	1080	26787	5000 члв.
Итого . . .	33163	1297	34460	8000 члв.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что съ каждымъ годомъ число китайцевъ незарегистрованныхъ быстро сокращается, зато число зарегистрованныхъ—увеличивается.

«По свѣдѣніямъ*) нашего консула въ Чифу (письмо 5-го октября 1910), количество визированныхъ паспортовъ

*) Труды командированной по Высочайшему повелѣнію Амурской Экспедиціи. Выпускъ XI. Китайцы, Корейцы и Японцы въ Приамурьѣ. В. В. Граве страниц. 11, 12, 13, 14.

китайцевъ, отправившихся въ предѣлы Приморской области, было слѣдующее:

1906	54883
1907	37857
1908	22642
1909	15865
1910 до 1 сентября	23831
Итого .	155078

По словамъ того же консула (письмо 26 іюля 1910 г. за № 198) въ Приморскую область (изъ Харбина) китайцы ѣдутъ (по желѣзной дорогѣ) до станціи Пограничной, куда было продано билетовъ:

Годы.	Отъ Харбина.		Отъ Куанченцзы.	
	III кл.	IV кл.	III кл.	IV кл.
1906	10008	3359	21	5
1907	1404	587	94	128
1908	663	439	159	79
1909	586	1816	71	149
1910	437	1707	40	272
	13098	7908	385	633
Итого	13483		8541	
	16631 человѣкъ».			

Такимъ образомъ, въ одно только пятилѣтіе (1906—1910 г.) въ Приморскую область однихъ только зарегистрованныхъ китайцевъ прибыло 171709 члв.

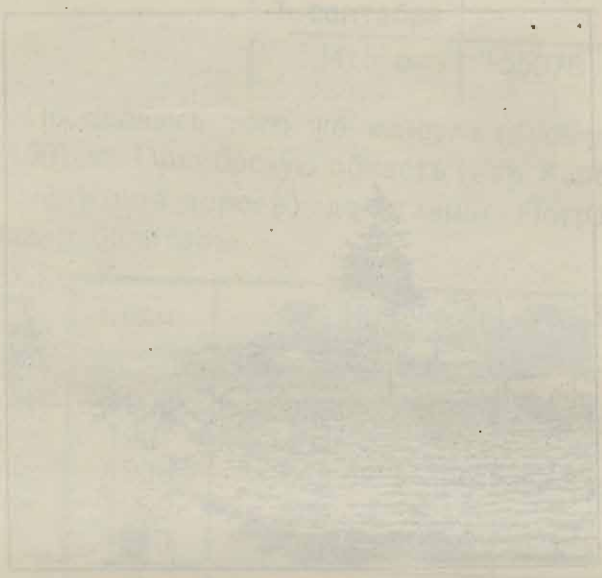
Въ эти-же годы «въ Амурскую область черезъ Цицикаръ китайцевъ прибыло изъ Харбина и Куанченцзы 70902 члв.» Въ эту статистику, конечно, не вошли всѣ тѣ китайцы, которые идутъ въ Уссурійскій Край пѣшкомъ изъ Маньчжуріи черезъ р. Уссури, черезъ Хунчунъ, а равно и всѣ тѣ, которые прибываютъ въ Посьетскій, Шкотовскій и Сучанскій раіоны и въ Зауссурійскій Край моремъ на шлюпкахъ и шаландахъ.

Съ 1905 по 1910 г.г. въ городахъ, урочищахъ, селахъ

Китайскій охотничій поселокъ „Сидатунъ“ въ верховьяхъ р. Имана. Фанзы разбросаны на значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Le hameau de chasseurs chinois „Sidatoun“ situé aux sources de la rivière Iman (affluent de l'Oussouri).

(Стр. 69).



и деревняхъ Уссурійскаго Края китайскихъ купцовъ и рабочихъ въ общей сложности было около 130.000 чел.; хлѣбопашцевъ и огородниковъ по всей странѣ—200.000 и манзъ-охотниковъ, постоянно живущихъ въ горахъ, около 15.000 человѣкъ.

Почти одновременно съ эмиграціей китайцевъ въ Уссурійскій Край началось и заселеніе его русскими. Заселеніе это шло со стороны Амура и со стороны Владивостока въ направленіи на сѣверъ къ Никольскъ-Уссурійскому и на востокъ въ область Сучанскаго раіона.

Появленіе русскихъ переселенцевъ на побережьѣ моря было встрѣчено китайцами довольно спокойно, если не считать обостренныхъ отношеній между тѣми и другими на р. Санхобэ и въ раіонѣ р. Тадушу.

Когда въ 1905—1906 г.г. китайцамъ было объявлено, что мѣста эти будутъ занимать русскіе, они рѣшили кое какъ перебиться здѣсь послѣднее лѣто и, послѣ сбора опія, уйти на другія земли.

Видно было, что они твердо рѣшили перекочевать:— фанзы ихъ не починялись, начатыя постройки были заброшены, распашки производились ничтожныя, заготовки дровъ не было.

Осенью китайцы дѣйствительно начали перемѣщаться. Небольшая часть ихъ уѣхала въ Китай, другіе размѣстились по деревнямъ и занялись торговлей, большинство же ушло дальше въ горы въ верховья рѣкъ Уссурійскаго бассейна и на сѣверъ по побережью моря. Особенно они облюбовали мѣстность Сидатунъ въ верхнемъ теченіи рѣки Имана.

Сидатунъ, собственно говоря, охотничій поселокъ. Здѣсь китайцы живутъ сравнительно въ худшихъ условіяхъ, кое какъ, по бивачному, запасовъ имѣютъ мало, цѣнятъ ихъ страшно высоко и цѣли своего существованія сводятъ къ соболеванію и обмѣну мелочныхъ товаровъ на соболей, панты и жень-шень у инородцевъ.

Въ настоящее время казаки и почти всѣ крестьяне сами не обрабатываютъ земли, а отдаютъ ее въ аренду китайцамъ, на правахъ половинщиковъ. Обыкновенно самъ хозя-

инъ-русскій отправляется на заработки куда-нибудь на сторону, предоставляя китайцу распоряжаться землей, какъ ему угодно, по своему усмотрѣнію. Желтолицый арендаторъ тотчасъ-же строитъ фанзы, выписываетъ изъ Китая своихъ родственниковъ, приглашаетъ помощниковъ, нанимаетъ рабочихъ и начинаетъ хозяйничать. Глядя на такую заимку, такъ и кажется, будто кусочекъ Китая вмѣстѣ съ постройками, огородами и людьми взятъ откуда-нибудь изъ подъ Чифу и цѣликомъ перенесенъ на русскую территорію. Изложенное было бы не такъ страшно, если бы хозяиномъ положенія оставался бы русскій, а китаецъ былъ бы у него простымъ работниковъ. Но наблюденія показываютъ иное: китаецъ-хозяинъ на землѣ, а русскій—владѣетъ ею только номинально. Все это становится понятнымъ, если принять во вниманіе рѣзкіе контрасты между манзами и переселенцами. Солидарность и взаимная поддержка другъ друга, трезвость, приспособляемость къ окружающей обстановкѣ, разсчетъ только на свои силы среди китайцевъ и вѣчныя ссоры, пьянство и ни на чемъ не основанное право на пособіе со стороны казны среди русскихъ, у которыхъ почему то сложилось убѣжденіе, что казна должна содержать ихъ все время, пока они живутъ на Дальнемъ Востокѣ. У стариковъ еще живы воспоминанія объ Европейской Россіи—тамъ у нихъ родина. На свою жизнь въ Уссурійскомъ Краѣ они смотрятъ, какъ на ссылку. Въ настоящее время на сцену выдвигается новая молодая сила въ видѣ подрастающаго поколѣнія. Хорошій примѣръ у насъ на глазахъ: Австралія была колоніей, куда ссылались преступники, а нынѣ это одна изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ въ мірѣ.

Въ Уссурійскомъ Краѣ китайцы разселились по долинамъ рѣкъ на самыхъ удобныхъ мѣстахъ, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть достаточно пахотной земли, куда русскіе рѣдко заходятъ, гдѣ по сосѣдству есть инородцы и откуда можно недалеко ходить на соболиную охоту.

Обыкновенно они живутъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ въ одной фанзѣ. Въ домѣ, кромѣ главнаго хозяина, есть и компаніоны, на правахъ половинщиковъ, третниковъ, четвертинщиковъ и т. д. Всѣ доходы и барыши въ концѣ года

дѣлятся по частямъ въ зависимости оттого, кто сколько вложилъ денегъ и труда въ дѣло. Простые работники въ обыкновенное время года получаютъ по 50 коп. въ сутки на готовыхъ харчахъ и отъ 1 р. 50 коп. до 2 р. въ день во время сбора опія и жатвы хлѣба. Хозяева и ихъ компаніоны въ полѣ работаютъ наравнѣ со своими работниками.

Сплошныхъ деревень у китайцевъ нигдѣ нѣтъ—они всѣ живутъ хуторами. Фанза отъ фанзы находится на такомъ разстояніи, чтобы не мѣшать другъ другу. Хлѣбныя поля занимаютъ лучшія земли. Особенное вниманіе удѣляется маку, засѣваемому для сбора опія. Огороды расположены всегда вблизи жилища. Если около фанзы есть холмы съ пологими скатами и съ плодородною землею, то огороды устраиваются по южнымъ ихъ склонамъ для того, чтобы овощи получали отъ солнца больше тепла и свѣта.

Китайцы замѣтили, что во время наводненій вода выступаетъ изъ береговъ не непосредственно изъ рѣки, а изъ протоковъ. Сперва она наполняетъ старицы и сухія русла, а изъ нихъ уже разливается и по пашнямъ. Поэтому китайцы всегда съ большимъ вниманіемъ изучаютъ теченіе воды въ старыхъ руслахъ. Замѣтивъ такую опасную протоку, они заваливаютъ входъ въ нее камнями, плавниковымъ лѣсомъ, галькой, пескомъ и землею. Иногда нужно бываетъ немного затратить времени и немного положить труда, чтобы оградить посѣвы отъ потопленій. Мало того, свои грядковыя распашки китайцы ведутъ непремѣнно въ томъ направленіи, въ которомъ идетъ вода по равнинѣ, вслѣдствіе чего пашни ихъ размываются только во время большихъ наводненій и то очень мало.

Китаецъ и русскій переселенецъ, одновременно водворившіеся въ Краѣ, черезъ годъ—два живутъ уже совершенно различно. Китаецъ сразу же начинаетъ пахать землю и, собравъ осенью хлѣбъ, на зиму уходитъ въ горы на соболеваніе. Русскій же, ничего не знающій о Краѣ, долго не можетъ освоиться, несмотря на то, что онъ получаетъ отъ казны нѣкоторое пособіе. Вслѣдствіе этого уже на второй годъ новоселъ-китаецъ живетъ гораздо лучше русскаго новосела.

Въ характерѣ китайца есть симпатичныя черты—это

вниманіе къ чужимъ интересамъ, солидарность между собою, взаимное довѣріе и поддержка, оказываемая другъ другу.

Китаецъ говоритъ: «*Помоги только одному своему сосѣду и тогда всѣмъ жить легко будетъ, но помоги такъ, чтобы попавшій въ бѣду дѣйствительно могъ бы подняться на ноги. Мелкая подачка не есть помощь. Если не можешь помочь, какъ слѣдуетъ, то оставь несчастнаго самого бороться со своимъ несчастіемъ!*».

Въ большинствѣ случаевъ у русскихъ „хозяинъ и работникъ"—два враждебныхъ лагеря. Исключенія крайне рѣдки. Совсѣмъ другое наблюдается у китайцевъ. Я ни разу не видѣлъ, чтобы хозяинъ понукалъ работника и чтобы работникъ уклонялся отъ работы и ругалъ бы своего хозяина. Все это выходитъ у нихъ какъ то просто, естественно, само собою. Договоръ у китайцевъ—это святое дѣло. Онъ дѣйствительно ненарушимъ и обязательства съ той и съ другой стороны исполняются до конца. Среди нихъ часто можно наблюдать побратанія, основанныя на любви. Вотъ образчикъ такого договора:

Гуанъ-Сюй 28 лѣтъ—января 18 дня.

«*Вся природа и жизнь вселенной регулируются законами порядка.*

Мы оба рождены отъ разныхъ отцовъ, но отнынѣ заключаемъ союзъ и будемъ братьями. Если мы и разстанемся, то сердца наши все же всегда будутъ чувствовать близость. Хотя мы родились и въ разное время, наше желаніе—умереть одновременно.

Будемъ дѣлить счастье и горе, вмѣстѣ будемъ проводить время, вмѣстѣ станемъ пѣть и пить.

Клянемся въ вѣчной дружбѣ».

Далѣе слѣдуютъ подписи.

Выше я говорилъ, что китайцы не живутъ одиночно, а по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Даже тамъ, гдѣ собирается ихъ двадцать и тридцать человѣкъ, нѣтъ ссоръ или онѣ бываютъ крайне рѣдко. На другой день послѣ ссоры тѣ же китайцы работаютъ опять вмѣстѣ съ такимъ видомъ, какъ будто они и не ссорились вовсе.

Въ этомъ отношеніи русскіе переселенцы представляютъ

полную противоположность китайцамъ. Гдѣ соберется ихъ три или четыре человѣка, тамъ на другой уже день начинаются ссоры, и вслѣдъ за тѣмъ начинается умышленная потрава пашенъ другъ у друга. Сколько на моихъ глазахъ разорилось хорошихъ хозяевъ только потому, что рабочіе ихъ бастовали въ самую критическую минуту, сколько рухнуло артельныхъ предпріятій только потому, что компаньоны ихъ ссорились между собою и не доводили дѣло до конца!

Китайцы народъ чрезвычайно гостепріимный. Вниманіе, которое они оказываютъ прохожему, вполнѣ искреннее. Вновь пришедшее лицо они привѣтствуютъ крикомъ «Лайла!» Если изъ продолжительной отлучки возвратился одинъ изъ членовъ ихъ семьи или близкій сосѣдъ, они встрѣчаютъ его возгласами „Хуй-ля-ля“!

Особое уваженіе оказывается старикамъ. Младшій передъ старшимъ, если разница въ лѣтахъ между ними 20 лѣтъ и болѣе, становится на колѣни, затѣмъ сложивъ ладони рукъ вмѣстѣ, онъ прижимаетъ ихъ къ лѣвой щекѣ и дѣлаетъ поклонъ до земли.

Для встрѣчи знатнаго гостя китайцы одѣваютъ новыя платья и выходятъ къ нему навстрѣчу далеко за ворота. При отъѣздѣ они вновь всѣ выходятъ изъ фанзы и провожаютъ гостя съ трещетками и ракетами. Спеціально назначенный для сего верховой съ позвонками скачетъ впереди и извѣщаетъ встрѣчныхъ о пріѣздѣ начальника.

Китайцы ни за что не сядутъ за столъ прежде, чѣмъ не предложатъ пищу всѣмъ присутствующимъ, независимо отъ національности посѣтителей. Кушать предлагаютъ даже тѣмъ лицамъ, которыя сдѣлали имъ зло. Подавъ кушанье всѣмъ постороннимъ, манзы садятся сами за столъ. При этомъ они внимательно сдѣлятъ за гостями и какъ только чашки гостей опорожнятся, они со всею предупредительностью тотчасъ же спѣшатъ вновь ихъ наполнить.

Нельзя обойти молчаніемъ заботу о путникѣ. Всякій прохожій, кто бы онъ ни былъ, можетъ всегда разсчитывать найти пріютъ въ китайской фанзѣ. Китайцы его накормятъ, предложатъ табаку, дадутъ мѣсто на канѣ, уложатъ спать, утромъ вновь накормятъ и еще дадутъ продовольствія на до-

рогу по разсчету до слѣдующей фанзы. Уходя съ бивака, каждый китаецъ непремѣнно поправитъ подстилку, соберетъ дровъ, положитъ ихъ подъ корье, чтобы они не намокли отъ дождя, сунетъ туда же спички и сухую бересту, на тотъ случай, если этою дорогою придется идти какому нибудь другому человѣку, то чтобы онъ могъ найти здѣсь дрова, огонь и сухое ложе.

Помню одинъ разъ (въ 1906 г.) на рѣкѣ Ли-Фудзинѣ на затескѣ дерева мы нашли надпись такого содержанія:

„Путникъ, если ты усталъ и голоденъ и у тебя нѣтъ запасовъ, иди по этой тропинкѣ, тутъ недалеко есть балаганъ. Особеннаго ничего въ немъ нѣтъ, но есть спички, соль и чумиза“.

Только въ дикой безлюдной странѣ, гдѣ цѣлыми недѣлями можно идти и не встрѣтить жилья человѣческаго, гдѣ дѣйствительно можно погибнуть съ голода, у мѣстныхъ жителей видна трогательная забота о путникѣ.

Весной и лѣтомъ китайцы цѣлые дни проводятъ въ поляхъ. Поистинѣ достойны удивленія ихъ любовь къ земледѣлію, трудолюбіе и настойчивость. Физическій трудъ они ни во что цѣнятъ. Ихъ интересуетъ самая цѣль, результаты, будущее. Зато у нихъ никогда не бываетъ недорода. Видно, что въ эту работу они вкладываютъ всю свою душу. Они не смотрятъ на земледѣліе, какъ на бремя, они дѣйствительно любятъ свои поля и огороды! Лѣтомъ въ полѣ почти никогда нельзя увидѣть китайца, стоящаго на ногахъ—съ утра до вечера, нагнувшись, они копаются въ землѣ. Не только огороды, но и пашни манзы полютъ три раза въ лѣто. Даже въ томъ случаѣ, если овощи растутъ хорошо, они всячески стараются придать имъ красивый и декоративный видъ. Китайскіе огороды цвѣтутъ пышно, блещутъ богатствомъ и разнообразіемъ. Тутъ можно видѣть и картофель, и капусту, и рѣпу, и свеклу, и морковь, кочанный салатъ, лукъ, чеснокъ, фасоль, горохъ, дыни, тыквы, помидоры, мяту „судзу“ и множество другихъ пахучихъ и прянныхъ растеній. За огородами тянутся поля, покрытыя кукурузой, пшеницею и чумизой. Дальше красуются овесъ, бобы и высокая конопля; изъ хлѣбныхъ полей темнымъ пятномъ выдѣляется табакъ и тысячами яркихъ цвѣтовъ пестритъ маковая плантація.

Живутъ китайцы въ фанзахъ. Фанзы—это деревянныя постройки, обмазанныя глиною съ внутренней и съ наружной стороны. Крыша соломенная или камышевая, всегда двускатная. Размѣры построекъ зависятъ отъ количества людей, въ нихъ помѣщающихся. Фанзы разбогатѣвшихъ китайцевъ, живущихъ въ Уссурійскомъ Краѣ изстари, имѣютъ видъ настоящихъ помѣстій, съ громаднымъ количествомъ обрабатываемой земли и съ множествомъ примыкающихъ къ нимъ службъ, кладовыхъ и сараевъ. Дрова китайцы всегда заготовляютъ сразу на цѣлый годъ и складываютъ ихъ большими зародами очень искусно, такъ что дождевая вода не проникаетъ внутрь полѣнницы и скатывается съ одного полѣна на другое.

Хлѣбные зароды (Майдо) расположены около фанзъ. Обмолотъ хлѣба производится зимой на току, когда земля хорошо промерзнетъ, при помощи коней и круглыхъ каменныхъ волокушъ (Ши-гунь-цзы).

Шагахъ въ ста отъ фанзы, въ сторонѣ, ставится небольшая кумирня (Лао-ѣ-мяо), всегда обращенная лицомъ къ югу. Въ кумирнѣ наклеены картины религіознаго содержанія, передъ которыми стоятъ деревянныя чашечки грубой работы съ золой и съ огарками бумажныхъ свѣчей (сянъ). Тутъ же лежатъ позолоченыя палочки для ѣды (куай-цзы), вареный рисъ, чумиза, кусочекъ сахару и т. п. Снаружи кумирня украшается двумя или тремя красными тряпицами, на которыхъ тушью сдѣланы такія религіозныя надписи.

Напрм.: I) „*Правленіе Гуанъ-Сюй 33 года 3-го мѣсяца 6-го дня*“.

„*Жертвуется*“.

„*Почитаемые духи какъ бы живутъ здѣсь*“ (въ этомъ мѣстѣ, гдѣ холстъ повѣшенъ).

„*Жертвователи*“:

„*Вѣрующіе ученики*“ (по отношенію къ духамъ)

„*Ванъ-ши-линъ и Янъ-Жуй-куй—дѣлаютъ земной поклонъ*“.

II) „*Дай-цин-ской династіи годовъ правленія Сюянъ-шунъ 1-й годъ 8—9-го мѣсяца для счастья написано*“:

„*Почтительно жертвуется почитаемымъ*“.

„Охранителямъ горъ и лѣсовъ".
„Вѣрующій ученикъ" (уничижительно)
„Лю-жунъ-мао" —
*„дѣлаетъ земной поклонъ".**)

Иногда вмѣсто картинъ, изображающихъ боговъ, въ кумирнѣ ставятся деревянныя дощечки съ надписями:

Напрм. *„Пай-вей"* (таблички духовъ)

„Мѣсто обиталища духа деревьевъ"
„Мѣсто обиталища духа рѣки"
„Мѣсто обиталища духа земли"
„Мѣсто обиталища духа горъ" (тигръ)
„Мѣсто обиталища духа стараго старшины"
„Мѣсто обиталища духа дорогъ".

Но вернемся опять къ фанзѣ. Вокругъ нея дворъ, обнесенный частоколомъ, прибранный и чисто выметенный. Отъ фанзы къ рѣкѣ ведетъ маленькая дорожка, протоптанная водоносами. Посрединѣ двора лежитъ плугъ и стоитъ арба. Китайская арба—это тяжелая двухколесная повозка. Массивныя колеса ея обиты крупными желѣзными гвоздями съ большими коническими шляпками. Немного въ сторонѣ лежитъ колода, изъ которой кормятъ собакъ и гдѣ нибудь на пнѣ поставленъ большой глиняный кувшинъ, въ которомъ квасится соя (Ді-янъ). Изъ дверей и изъ оконъ фанзы идетъ дымъ. Это обычное явленіе, потому что всѣ китайскія фанзы дымокурныя, хотя у нихъ и есть печныя трубы и выведены онѣ наружу. Окна рѣшетчатыя, оклеенныя бумагой.

Какъ только вы войдете въ фанзу, вамъ прежде всего бросаются въ глаза низкія глиняныя печи съ вмазанными въ нихъ чугунными котлами. Печи эти расположены по обѣимъ сторонамъ входа. Топки у печей маленькія, такъ что дрова въ нихъ еле помѣщаются, отчего дымъ не успѣваетъ пройти черезъ ходы, и валитъ наружу. Этотъ дымъ и паръ, подымающійся изъ котловъ, мѣшаетъ вамъ разсмотрѣть помѣщеніе. Ощупью пробираетесь вы впередъ... Скоро вашъ

*) Переводъ сдѣланъ капитаномъ Е. А. Федоровымъ.

глазъ привыкаетъ къ темнотѣ и вы кое что видите. Вы чувствуете, что въ фанзѣ полъ земляной, плотно утрамбованный. Затѣмъ, вы видите, что потолка въ фанзѣ нѣтъ—крыша ея прямо поставлена на стѣны. Внутри все сильно закопчено; верхнія балки отъ дыма стали черными и блестящими. Вдоль стѣнъ изъ плитняковаго камня и изъ глины устроены для спанья каны, согрѣваемые дымовыми ходами изъ печей. Ходы эти, какъ я уже сказалъ, выведены наружу и оканчиваются длинною трубою, сдѣланной изъ дуплистаго дерева. Китайскія постели днемъ свернуты и лежатъ на канахъ подъ окнами или около стѣнъ.

Посрединѣ фанзы на треногѣ или просто на пнѣ поставленъ большой старый котелъ, наполненный золою и горящими углями. Надъ котломъ виситъ желѣзный чайникъ, потемнѣвшій отъ дыма и времени. Для того, чтобы согрѣть воду, печь не топятъ, а огонь разжигается прямо въ фанзѣ въ котлѣ съ золою. На дымъ и копоть не обращаютъ никакого вниманія. Въ той сторонѣ фанзы, гдѣ находится кухня, стоитъ узкій, но довольно высокій столъ со скамьями. Здѣсь обѣдаютъ рабочіе манзы. Тутъ же, недалеко въ углу, стоитъ другой столъ, меньшій размѣрами, замазанный мукой и тѣстомъ, и около него два большихъ деревянныхъ обрубка, поставленныхъ другъ на друга—это кухня. На верхнемъ обрубкѣ лежатъ кухонные ножи-тяпки; на стѣнѣ висятъ ложки, сита, коробочки съ палочками для ѣды (Куай-цзы), корытца для промывки чумизы и сложены грудками маленькія глиняныя чашки.

Часть фанзы отдѣлена перегородкой. Здѣсь помѣщается хозяинъ и его компаньоны. Входъ къ хозяину завѣшивается пологомъ изъ дрели, растянутымъ на палкахъ. Въ этомъ помѣщеніи какъ будто немного чище. Иногда тутъ дѣлается даже и потолокъ. У стѣны, какъ разъ противъ входа, устроена кумирня. Боги, изображенные на картинахъ, съ черными, зелеными и бѣлыми лицами, имѣютъ безобразный и свирѣпый видъ. По сторонамъ картины прямо на стѣну наклеены широкія красныя полосы бумаги съ черными іероглифическими письменами; красныя тряпицы съ философскими изреченіями повѣшены на потолкѣ впереди кумирни; внизу на столѣ,

сколоченномъ изъ досокъ и покрытомъ тоже краснымъ кумачемъ, стоятъ подсвѣчники съ красными же свѣчами, почернѣвшіе металлическіе кувшины и еще какіе то сосуды странной формы. Дальше вокругъ стѣнъ стоятъ сундуки, въ которыхъ хранится все, что есть у китайцевъ наиболѣе цѣннаго. На стѣнахъ около кана повѣшены деревянные счеты, трепалки изъ конскаго волоса, для отогнанія комаровъ и мошекъ, вѣера, улы (китайская обувь), свертки свѣчей и бумаги, разбитое зеркало, засиженное мухами, дешевая лампа съ испорченной горѣлкой и стѣнные часы, которые не ходятъ, а если и ходятъ, то стрѣлки ихъ показываютъ совсѣмъ не то время, которое надо. Всюду на ящикахъ, на дверяхъ, на стѣнахъ наклеены новогоднія красныя бумажки съ іероглифами (Фу), означающими „Счастье"—И все это покрыто густымъ слоемъ пыли, поднимающейся въ фанзѣ съ земляного пола, отъ копоти и отъ золы. Въ особенности запылены всѣ тѣ предметы, которые находятся выше роста человѣка и которые мало бываютъ въ употребленіи.

Теперь посмотримъ сараи на дворѣ. Въ одномъ изъ нихъ находится мельница, состоящая изъ двухъ жернововъ, положенныхъ другъ на друга (Нянь-мо-цзы). Нижній жерновъ неподвижный, верхній—вращающійся. Надъ верхнимъ жерновомъ имѣется деревянная коробка—закромъ, куда засыпается зерно, а подъ нижнимъ жерновомъ—широкій досчатый кругъ, на который ссыпается мука. Мельница приводится въ движеніе лошадиною силою. Для этого къ верхнему жернову прикрѣпляется длинный рычагъ. Отъ этого рычага идутъ постромки, въ которыя впрягается лошадь. Она ходитъ по кругу и вращаетъ жерновъ. У китайцевъ лошади такъ пріучены къ этой работѣ, что не требуютъ за собой постояннаго надзора и работаютъ даже во время отсутствія хозяина. Услышавъ, что лошадь стала, китаецъ, не выходя изъ фанзы, только крикнетъ ей „Та" и лошадь снова принимается за работу. Чтобы у лошади не закружилась голова, ей завязываютъ глаза тряпицей. Вѣялка и сито для муки устроены въ особомъ закрытомъ шкафу (Ло-гуй). Это дѣлается для того, чтобы мука при просѣваніи не разлеталась бы въ стороны. Устройство вѣялки таково. Внутри шкафа подвѣшено на веревкахъ

четырехъугольное сито, отъ котораго наружу идетъ длинная, тонкая рейка, прикрѣпленная къ деревянному рычагу. Рычагъ этотъ имѣетъ форму якоря, поставленнаго на лапы, рукоятью кверху и приводимаго въ движеніе ногами человѣка, сидящаго на маленькой скамеечкѣ около стѣны и опирающагося руками на веревочную трапецію, подвѣшенную къ потолку. Одинъ изъ работниковъ постоянно слѣдитъ за лошадью, подсыпаетъ зерно въ закромъ, подправляетъ его, чтобы оно ровнѣе стекало въ жерновое отверстіе, собираетъ смолотую муку и просѣваетъ ее черезъ сито.

Въ другомъ отдѣленіи сарая въ большихъ ящикахъ хранятся чумиза, мука, пшеница въ зернѣ, овесъ и бобы. На стелажахъ лежитъ листовой маньчжурскій табакъ, связанный въ большіе тюки; на перекладинахъ висятъ пучки сухой кукурузы, предназначенной на сѣмена къ будущему году; на стѣнахъ и потолкѣ повѣшены шкуры звѣрей и мѣха, пріобрѣтенные отъ инородцевъ; около стѣнъ на полу стоятъ деревянные ящики съ бобовымъ масломъ и „тулузы" (Цзю-лоу), плетенные изъ мелкихъ прутьевъ и промазанные какимъ то составомъ, въ родѣ казеина, который совершенно не пропускаетъ не только воду, но даже масло, нефть и спиртъ.

Третье отдѣленіе предназначается для всякаго хлама. Тутъ валяются и пустыя банки изъ подъ керосина, старые улы (обувь), рваная одежда, ломъ желѣза, испорченные топоры, лопаты и т. п.

Остается еще осмотрѣть помѣщеніе для лошадей и для рогатаго скота. Это хлѣвъ и хлѣвъ очень грязный! По срединѣ его на низенькихъ козлахъ стоятъ большія долбленыя колоды. Подъ ногами у животныхъ навозъ никогда не убирается и потому лошади и быки стоятъ въ грязи чуть не по колѣно.

У китайскихъ лошадокъ всегда гривы подстрижены. — Это маленькія, мохнатыя и злыя животныя. Они все время прижимаютъ уши и каждаго проходящаго мимо человѣка стараются схватить зубами. Вѣроятно, это происходитъ вслѣдствіе жестокаго съ ними обращенія. Китайцы держатъ ихъ всегда въ хорошемъ тѣлѣ, откармливаютъ кукурузой, бобами и рѣзаной соломой съ отрубями. Китайская сѣдловка изъ рукъ вонъ

плоха, а между тѣмъ испорченныхъ спинъ у коней почти не бываетъ. Главное же достоинство китайскихъ лошадей—это ихъ ноги. Они никогда не спотыкаются. Такъ какъ въ тайгѣ нѣтъ кузнецовъ, то въ большинствѣ случаевъ манзы не куютъ коней вовсе. Копыта у нихъ маленькія, стаканообразныя, и чрезвычайно крѣпкія, шагъ—твердый, увѣренный. Надо удивляться, какъ онѣ ходятъ въ горахъ, карабкаются по осыпямъ и переходятъ по камнямъ черезъ быстрыя порожистыя рѣки. Черезъ буреломъ онѣ никогда не прыгаютъ, а переходятъ шагомъ, въ топкихъ мѣстахъ не бьются, а идутъ осторожно и, прежде чѣмъ поставить ногу, нѣсколько разъ ощупываютъ почву.

Китайская сбруя сдѣлана изъ ремней и изъ пеньковыхъ веревокъ. Вмѣсто пряжекъ употребляются большія мѣдныя кольца, окрашивающія въ мѣстахъ тренія шерсть сѣрыхъ лошадей въ зеленый цвѣтъ.

Изъ рогатаго скота китайцы держатъ только быковъ. Они употребляютъ ихъ для перевозки грузовъ въ раіонѣ расположенія своихъ фанзъ и для полевыхъ работъ. Коровъ они держатъ въ крайне ограниченномъ количествѣ и только лишь для приплода; доить ихъ не умѣютъ, и молока парного въ пищу не употребляютъ вовсе, питая къ нему отвращеніе. Однако консервированное молоко и сливочное масло ѣдятъ очень охотно.

Въ Зауссурійскомъ Краѣ у китайцевъ выгонъ лошадей и скота въ поле на подножный кормъ продолжается до ноября мѣсяца, а то и позже, пока снѣгъ совершенно не покроетъ землю. Всѣ животныя находятся на берегу моря подъ присмотромъ двухъ пастуховъ, живущихъ тутъ же въ маленькой фанзѣ. Днемъ они выпускаютъ скотину пастись, а на ночь загоняютъ животныхъ въ обширные загоны, сдѣланные изъ частокола.

Рядомъ со скотскимъ дворомъ устроенъ свинарникъ. Китайскія свиньи мелкія, черныя, съ длиннымъ прямымъ рыломъ. Чтобы онѣ не потравили полей и огородовъ, ихъ держатъ въ загонѣ, обнесенномъ частоколомъ. Въ загонѣ стоитъ жидкая вонючая грязь. Единственное сухое тамъ мѣсто —это конуры, сложенныя изъ палокъ и досокъ и прикрытыя

сверху землею. Въ эти конуры свиньи и залѣзаютъ на ночь. Куры помѣщаются большею частью подъ навѣсомъ фанзы.— Нависшая съ крыши солома защищаетъ ихъ отъ дождя. О собакахъ не заботятся; онѣ остаются на дворѣ подъ открытымъ небомъ и имъ самимъ предоставляютъ выискивать себѣ укрытіе отъ непогоды.

Теперь посмотримъ, какъ китайцы проводятъ день.

Чуть свѣтъ они уже на ногахъ. Покуривъ трубки, они расходятся на работу. Часа черезъ три хозяинъ сзываетъ ихъ на утренній завтракъ.

Пища китайцевъ въ большинствѣ случаевъ растительная; мясо употребляется рѣдко и притомъ въ ограниченномъ количествѣ, зато куръ они разводятъ много и любятъ ѣсть соленыя яйца. Хлѣбъ китайцы пекутъ прѣсный (Мань-тоу). Въ тѣсто вмѣсто дрожжей китайцы кладутъ поташъ и соду (Цзянъ), которые добываются ими изъ золы. Другимъ весьма распространеннымъ ихъ блюдомъ будетъ чумизная каша въ жидкомъ и сухомъ видѣ, приправленная квашеными солеными овощами (Сянь-цай). Если чумизы мало, то кашицу варятъ изъ молотой кукурузы, прибавляя къ ней немного бобовъ. Китайцы чрезвычайно любятъ ѣсть лукъ, черемшу, чеснокъ и другія пряныя растенія, отчего отъ нихъ сильно пахнетъ. Этотъ специфическій запахъ всегда сопровождаетъ китайцевъ и непріятно поражаетъ европейца при первомъ съ ними знакомствѣ. Но съ теченіемъ времени и при частомъ общеніи съ китайцами начинаешь привыкать къ этому запаху, и вскорѣ совсѣмъ перестаешь замѣчать его. Китайцы большіе гастрономы. Они любятъ покушать. Особеннымъ ихъ вниманіемъ пользуется свиное мясо, особый видъ лишайниковъ, древесные грибы и дары моря: морская капуста, трепанги, гребешки, молюски и мясо крабовъ.

Послѣ завтрака китайцы снова уходятъ на поля. Во время работъ они отдыхаютъ мало, и только въ то время, когда курятъ трубки. Отдыхаютъ они всегда сидя на корточкахъ, причемъ ноги ставятъ не на носки, а на всю ступню. Къ этому манзы привыкаютъ съ дѣтства. Одежда рабочихъ китайцевъ состоитъ изъ косоворотой куртки, штановъ и наколѣнниковъ, сшитыхъ изъ грубой синей дабы. Поверхъ

куртка повязана синимъ же шарфомъ или просто тряпицей. Черный, синій и бѣлый цвѣта являются излюбленными. Штаны шьются свободно, мѣшкомъ, такъ, чтобы они не стѣсняли движеній и позволяли бы глубоко сидѣть на корточкахъ.

На головѣ китайцы носятъ простую повязку или соломенную шляпу; на ногахъ—улы, набитые травою и обмотанные веревками. Въ общемъ вся фигура китайца—синяя. Цвѣтъ кожи—смуглый, слегка желтоватый. Многіе изъ нихъ работаютъ полуобнаженными до пояса. Отъ дѣйствія лучей солнца кожа ихъ ожоговъ не получаетъ, но сильно загораетъ и принимаетъ красивый оливковый цвѣтъ—цвѣтъ потемнѣвшей красной мѣди. Зимой китайцы носятъ ватныя куртки или мѣховую одежду. Любимые ихъ мѣха лисій, заячій и дикой кошки. Около полудня рабочіе вновь сзываются на обѣдъ, послѣ котораго дается имъ небольшой отдыхъ. Затѣмъ китайцы опять идутъ на работу и работаютъ до вечера. Едва солнце коснется горизонта, всѣ манзы, точно по сигналу, разомъ бросаютъ свои работы и направляются къ фанзамъ. Придя домой, они моются горячею водою и принимаются за ужинъ. Послѣ ужина китайцы разбираютъ свои постели и ложатся на каны. Заложивъ ногу на ногу, они курятъ трубки, бесѣдуя о своихъ дѣлахъ, разспрашиваютъ вновь пришедшихъ и дѣлятся своими дневными впечатлѣніями. Изъ печки послѣдній разъ выгребаются угли и переносятся въ котелъ, гдѣ ихъ засыпаютъ золой, чтобы они не горѣли и сохранили бы жаръ до утра. Вечеромъ большая фанза, среди глубокой темноты, кажется иллюминованной. Во всѣхъ концахъ ея свѣтятся огоньки курильщиковъ опія и вспыхиваютъ трубки, раскуриваемыя угольками. Китайцы спятъ нагими и ложатся головой внутрь фанзы, а ногами къ стѣнѣ; подъ голову кладутся мѣшки и свернутая одежда. Недолго длится бесѣда, —усталость беретъ свое,—утомленные за день, они очень скоро засыпаютъ и спятъ такъ крѣпко, какъ только могутъ спать усталые.

Эксплоатація инородцевъ.

Разсматривая китайское населеніе Уссурійскаго Края, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ орочахъ и гольдахъ. Раньше область обитанія этихъ инородцевъ распространялась далеко къ югу. Они бродили около озера Ханка; лѣтники ихъ находили даже около нынѣшняго Владивостока. Наши звѣропромышленники братья Худяковы и старообрядцы изъ селенія Красный Яръ видѣли ихъ еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія около Посьета, куда они спускались ради охоты за дорогими пантами. Къ западу отъ Сихотэ-Алиня гольды и орочи жили по р. р. Даубихэ, Улахэ и Ното, но съ теченіемъ времени они большею частью вымерли, частью же, потѣсненные китайцами, отошли на сѣверъ, а оставшіеся подверглись совершенному ассимилированію со стороны пришлаго китайскаго населенія. Эти то послѣдніе и получили названіе „тазовъ„*).

Теперь почти невозможно отличить „таза“ отъ китайца ни по языку, ни по религіи, ни по одеждѣ. Они совершенно утратили свой орочскій обликъ.

Дороговизна жизни въ Хунчунѣ и возможность устроиться въ инородческой семьѣ лучше матеріально служили большой приманкой для маньчжуръ и многіе изъ нихъ, отправившись на промыслы въ Уссурійскій Край, не возвращались въ Хунчунъ обратно, а оставались тамъ навсегда. Послѣднее обстоятельство заставило Хунчунскаго Цзо-лин'а, являющагося отвѣтчикомъ передъ своимъ правительствомъ за численность знаменнаго войска, принимать мѣры къ розыску бѣглецовъ, но бѣглецы эти уходили еще дальше въ глубь страны и нерѣдки были случаи, когда посланные на розыски ихъ не возвращались тоже**).

Въ инородческихъ семьяхъ женщинъ было вообще больше, чѣмъ мужчинъ, а тутъ еще оспа, занесенная къ нимъ впервые чужеземцами, выкосила большую часть мужского населенія. Женщины тазки вступали въ конкубинатъ съ маньчжурами. Много позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Ус-

*) Тазы есть искаженное русскими китайское слово Да-цзы. Этимъ нарицательнымъ китайцы называютъ всѣхъ не русскихъ и не китайцевъ.

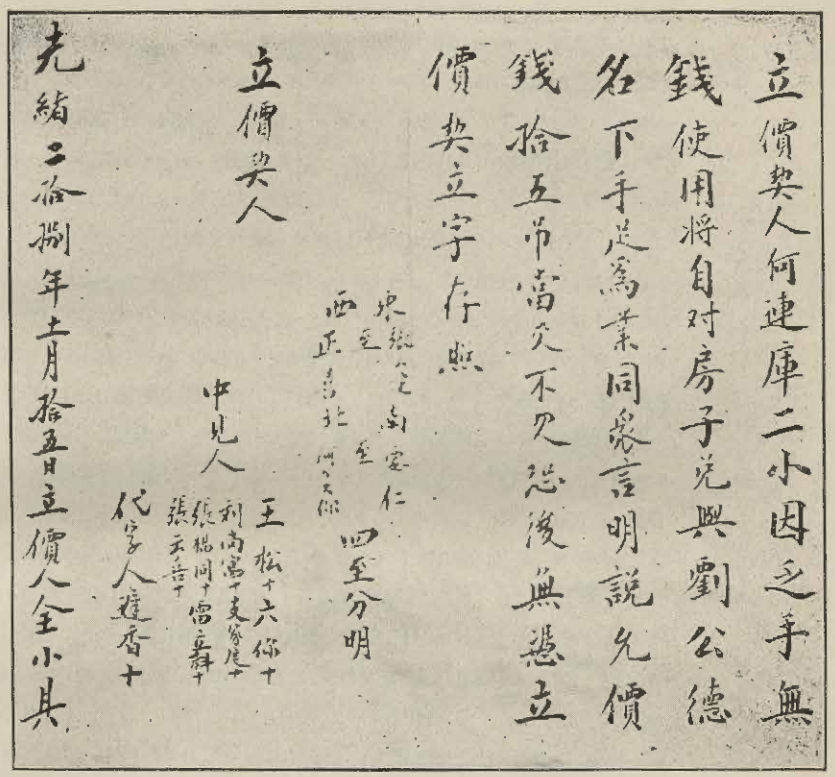
**) Свѣдѣнія эти получены мною отъ Г. Шильникова.

сурійскомъ Краѣ появляются китайцы выходцы изъ Шандуна, чѣмъ и можно объяснить такое смѣшеніе въ нарѣчіи тазовъ. Оно ни чисто хунчунское, ни шандунское, а среднее между тѣмъ и другимъ въ зависимости отъ того, съ кѣмъ тазы имѣли больше общенія.

Такому быстрому исчезновенію орочей не надо удивляться, если принять во вниманіе способность орочей къ ассимиляціи и способность китайцевъ ассимилировать другихъ. Китайцы сумѣли сдѣлаться необходимыми для инородцевъ и заставили дикарей на все смотрѣть своими глазами. Пользуясь невѣжествомъ дикарей, они начали эксплоатировать ихъ немилосердно. Поистинѣ достойны удивленія тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгали китайцы, чтобы сбить съ толку инородцевъ. Еще не такъ давно (въ 1900 году) наши старовѣры, прибывшіе впервые въ прибрежный раіонъ, видѣли тамъ китайскихъ купцовъ, продавшихъ орочамъ жестяныя чашки за серебряныя. Китайцамъ было желательно какъ можно дольше держать инородцевъ въ невѣдѣніи о томъ, какія существуютъ цѣны на пушнину. Прибрежные орочи долгое время находились въ состояніи такого невѣдѣнія и больше соболя цѣнили мѣхъ росомахи. Китайцы пускались на разныя хитрости. Такъ, напримѣръ, они нарочно за лѣтняго соболя платили дороже въ два три раза и понижали цѣну за зимнихъ „мохнатыхъ“ соболей; затѣмъ, давали двойную плату въ „темную“, т. е. не видя соболя. Потерявъ нѣсколько рублей въ одномъ мѣстѣ торгашъ китаецъ въ другомъ стойбищѣ свой временный убытокъ наверстывалъ сторицею.

По мѣрѣ того, какъ китайское населеніе въ Уссурійскомъ Краѣ увеличивалось, положеніе инородцевъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Мало по малу орочи утратили свою свободу и совершенно подпали подъ власть китайцевъ. Русскіе мало обращали вниманія на китайцевъ, мало заботились и объ инородцахъ.

До 1906 года фактическая власть русскихъ не распространялась дальше долины рѣки Уссури и побережья моря до залива св. Ольги. Все же остальное пространство находилось въ рукахъ китайцевъ. Тамъ сыны Поднебесной Имперіи царили полновластно, жили самостоятельно по своимъ законамъ,



立價契人何連庫二小因乏手無
錢使用將自对房子兌與劉公德
名下手足為業同衆言明說兌價
錢拾五吊當交不欠忽後無悉立
價契立字存照

東抵[illegible]劉宅仁
南至
西正[illegible]北[illegible]四至分明

立價契人

中見人 王松十六仰十
[illegible]
[illegible]

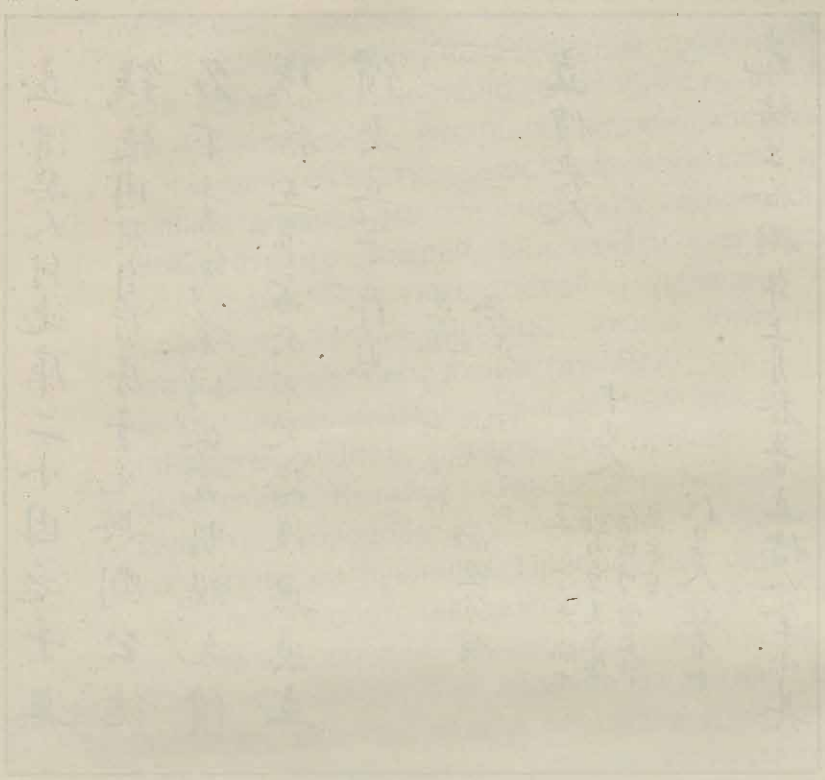
代字人[illegible]香十

光緒二拾捌年十月拾五日立價人全小具

Рѣшеніе Китайскаго суда о продажѣ дома таза Элъ-Сяо за долги.

Arrêt de la justice chinoise ordonnant la vente de la maison du taze „El-Siao“ pour dettes.

(Стр. 85).



а инородцы находились у нихъ въ полнѣйшемъ рабскомъ подчиненіи. Въ то время (1890—1910 г.) здѣсь можно было видѣть рабство въ такомъ же безобразномъ видѣ, въ какомъ оно было когда то въ Америкѣ въ отношеніи къ неграмъ: отниманіе дѣтей у матерей, насильная продажа женъ, наказанія плетьми, безчеловѣчныя пытки и увѣчья и т. д.

Чтобы закабалить таза, китайцы прибѣгали къ слѣдующимъ пріемамъ: они пользовались тѣмъ, что инородцы эти не знали никакой письменности. Поэтому, какъ только умиралъ кто либо изъ стариковъ тазовъ, китайцы являлись къ его сыну, показывали исписанный листъ бумаги и объявляли ему, что отецъ его былъ долженъ имъ примѣрно двѣ—три тысячи рублей. Простодушному дикарю и въ голову не приходила мысль, что его обманываютъ и что онъ можетъ не платить этого долга. Память объ умершихъ родителяхъ свята и потому онъ соглашался и платилъ, платилъ безъ конца, платилъ до тѣхъ поръ, пока китайцу это было нужно. Въ концѣ концовъ его продавали другому китайцу, тотъ третьему и т. д. Если должникъ къ указанному сроку не могъ доставить опредѣленнаго числа соболей, его подвергали жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, такъ напримѣръ: въ 1907 году на рѣкѣ Санхобэ въ присутствіи старшины Дачѣ, домъ таза Эль-сяо со всѣми живущими въ немъ людьми за долги проданъ китайцу Лю-Гулу за 15 дяо*). Такихъ купленныхъ людей китайцы называютъ „Фулацзы", что значитъ—рабы. Рабы обязаны всю свою жизнь работать безплатно и они не имѣютъ права жаловаться, ихъ можно заставить исполнять тѣ работы, которыя исполняютъ животныя, наприм.: вращать жернова, молоть муку, ихъ можно продавать на сторону, какъ движимое имущество и т. п.

На рѣкѣ Иманѣ, въ охотничьемъ поселкѣ Сидатунъ, въ 1906 году я видѣлъ таза Си-Ба-юнъ, который послѣ смерти своего отца долженъ былъ китайцу 400 руб. Въ уплату этого долга пошли собранные въ теченіе 8 лѣтъ 86 соболей, корень жень-шень и двѣ пары пантовъ, и долгъ не только не уменьшился, а возросъ еще болѣе. Случилось какъ то разъ, что Си-ба-юнъ досталъ соболей меньше, чѣмъ требо-

*) Переводъ документа сдѣланъ капитаномъ П. В. Шкуркинымъ.

валъ китаецъ, тогда онъ былъ избитъ палками до полусмерти, а такъ какъ послѣ наказанія совсѣмъ не могъ уже заниматься охотой, то за долгъ у него отобрали жену, дочь и сына, а самого продали за 100 р. другому китайцу.

Для того, чтобы „выколотить" долги отъ дикарей и тазовъ, китайцы прибѣгаютъ часто къ очень жестокимъ пыткамъ. Одинъ разъ на рѣкѣ Бикинѣ я натолкнулся на такую картину: должникъ орочъ за большіе пальцы рукъ на тонкой веревкѣ былъ повѣшенъ на сукъ дерева. Несчастный стоналъ, рядомъ стояли и плакали его жена и дѣти. Тутъ же въ сторонѣ кредиторы китайцы равнодушно играли въ банковку. Я заступился за обиженнаго.

Нечего говорить, что китайцы отбираютъ отъ инородцевъ соболей силою; бываютъ случаи, когда они отбираютъ отъ нихъ и оружіе, чѣмъ обрекаютъ ихъ на вѣрную голодовку. До какой степени невѣжественны инородцы и до какой степени они эксплоатируются китайцами, можно судить изъ слѣдующаго факта. Обыкновенная лубочная картина, изображающая китайскихъ боговъ, продается на базарѣ отъ 30 до 50 коп. Такая картина была силою навязана одному орочу на р. Самарги въ 1908 году. Орочъ долженъ былъ уплатить за нее лучшаго соболя на выборъ. На вопросъ инородца, почему такъ дорого цѣнится картина, китаецъ отвѣчалъ, что Бога нельзя дешево продавать, потому что Богъ можетъ обидѣться и тогда худо будетъ и купцу и покупателю, затѣмъ, каждый Богъ стоитъ дорого, а боговъ на картинѣ нарисовано много!... Какъ должникъ, орочъ не могъ протестовать и подчинился требованію своего кредитора.

Если намѣченный инородецъ не въ кабалѣ и потому несговорчивъ, китайцы стараются запугать его, подѣйствовать на его воображеніе. Для этого они берутъ красныя бумажки, пишутъ на нихъ его имя и фамилію, идутъ къ могиламъ и тамъ сжигаютъ эти бумажки, какъ по умершему. По внушенію китайцевъ сжиганіе фамиліи живого человѣка должно принести за собой несчастье, болѣзни и смерть. Это чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на воображеніе запуганнаго дикаря и онъ становится уступчивѣе.

На побережьѣ моря, чтобы закабалить инородцевъ, китайцы прибѣгаютъ еще и къ другимъ способамъ. Сперва они пріучаютъ ихъ пить ханъ-шинъ (китайская водка), къ которой примѣшиваютъ немного опія. Такое угощеніе продолжается довольно долго и затѣмъ вдругъ сразу прекращается подъ тѣмъ предлогомъ, что спиртъ весь вышелъ. Какъ только паціентъ начнетъ немного болѣть, китаецъ предлагаетъ ему покурить опій. Съ этого момента орочъ у него въ рукахъ. Это его рабочій, рабъ, скотъ, животное... Лѣтъ пять тому назадъ орочи—удэhе на р. Кусунѣ еще не знали, что такое опій, а теперь изъ всего инородческаго населенія тамъ нельзя найти и двухъ человѣкъ, которые не имѣли бы этой пагубной страсти.

Зимой, какъ только замерзнутъ рѣки, какъ только орочи и гольды отъ своихъ стойбищъ проложатъ по снѣгу дороги, китайскіе купцы съ мелочными товарами отправляются въ горы для торговли и сбора долговъ съ инородцевъ (Схему торговыхъ зимнихъ путей китайцевъ смотр. въ концѣ книги). Въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ такими путями будутъ: 1) Изъ Маньчжуріи черезъ Никольскъ-Уссурійскій на р. Майхе и далѣе къ р. Сучану. 2) Отъ озера Ханка (сѣверная его часть) по р. Лефу къ Уссурійскому заливу. 3) По р. Уссури и Даубихе къ р. Сучану. 4) Отъ Уссури по р. Улахе на р. Судзухе. 5) По р. Уссури на Ли-фудзинъ черезъ Сихотэ-Алинь и въ прибрежномъ раіонѣ по р. Аввакумовкѣ къ зал. Св. Ольги. 6) Отъ г. Хунчуна по р. Тюмень-Ула (уроч. Новокіевское) моремъ къ г. Владивостоку и далѣе къ Ши-мынь (постъ Св. Ольги). Нѣкоторые изъ этихъ путей теперь имѣютъ только историческое значеніе, нѣкоторыми китайцы пользуются и по сіе время. Въ средней части Уссурійскаго Края торговые пути китайцевъ идутъ: 1) Отъ поселка „Хуми-санза", расположеннаго на лѣвомъ берегу Уссури противъ устья р. Имана, по р. Ваку къ истокамъ р. Ното и оттуда черезъ Сихотэ-Алинь на р. Тадушу. 2) По р. Иману до охотничьяго поселка Сидатунъ, затѣмъ вверхъ по р. Кулумбе, черезъ водораздѣлъ и въ прибрежномъ раіонѣ по р. Санхобе къ бухтѣ Терней. 3) Тоже по р. Иману до устья р. Арму, вверхъ по этой послѣдней, далѣе за переваломъ китайцы

выходятъ къ морю по р. Такемѣ. 4) Путь этотъ проходитъ по р. Бикину, затѣмъ по р. Бягаму, потомъ къ Сихотэ-Алиню по р. Ляоленгоуза и послѣ перевала на р. Кусуну. Съ заселеніемъ Края русскими путь по р. Ваку—Тадушу начинаетъ утрачивать свое значеніе. Въ сѣверной части Уссурійскаго края китайцы имѣютъ три торговыхъ дороги: 1) По р. Хору на р. Сурпай или на р. Чуинъ и за водораздѣломъ по р. Самарги. Иногда вмѣсто того, чтобы не идти по Хору, если гольды соболевщики проложатъ дорогу, китайцы идутъ отъ Амура по р. Мухеню, далѣе по р. Синда выходятъ на р. Хоръ близъ устья р. Чуина. 2) По р. Анюю (иногда по р. Пихцѣ) черезъ Сихотэ-Алинь на р. Копи (бухта Андреева) и 3) По р. Хунгари на р. Мули и по этой послѣдней выходятъ на р. Тумнинъ и къ Императорской гавани. Пути по р.р. Иману, Бикину, Хору, Анюю и Хунгари самые бойкіе и живые.

Въ такую далекую дорогу китайскіе купцы везутъ только легкіе товары, удобные въ перевозкѣ: кольца, серьги и бусы, металлическія спичечницы и спички, трубки курительныя и табакерки, кошельки, гарусъ, одѣяла и цвѣтныя матеріи, шелкъ для вышиванія, синюю дабу и дрель, опій и спиртъ, порохъ и патроны, ножи, цѣпочки, пуговицы, иголки, нитки и наперстки, мыло, чай, леденцы, пряники, сахаръ и консервированное молоко, свѣчи, перчатки, бубенчики и мѣдяшки съ конской сбруи, до которыхъ такъ падки ороченки и гольдячки. Товары эти по баснословно высокой цѣнѣ китайцы навязываютъ инородцамъ силою, оставляютъ у нихъ въ юртахъ противъ ихъ желанія, и подсчеты производятъ на обратномъ пути черезъ мѣсяцъ или на другой годъ.

Покупая пушнину, китайцы отчаянно торгуются, и сбиваютъ цѣны невозможно. Наконецъ, обѣ стороны пришли къ соглашенію. Китаецъ принимаетъ мѣха, прячетъ ихъ и, вдругъ, объявляетъ инородцамъ, что онъ готовъ сдѣлать имъ уступку въ нѣсколько рублей и поэтому расчетъ произведетъ завтра передъ уходомъ. Вечеромъ купецъ угощаетъ инородцевъ водкою и дѣлаетъ женщинамъ грошевые подарки.

На другой день за нѣсколько минутъ до отхода китаецъ вмѣсто уплаты денегъ начинаетъ отсчитывать свои товары.

Въ рукахъ у него записная книжка: за орочемъ числится долгъ съ прошлаго года. Сумма этого долга ему неизвѣстна. Онъ со страхомъ смотритъ на китайскіе іероглифы и ждетъ результатовъ, подсчета. Оказывается, что долгъ такъ великъ, что сданная вчера пушнина не покрываетъ его и половины. Чтобы не очень обезкураживать инородца, китаецъ оставляетъ ему нѣсколько бездѣлушекъ и опять записываетъ ихъ въ долговую книжку. Смутное сознаніе, что онъ обманутъ, раздражаетъ дикаря. Съ уходомъ китайца, если есть водка, онъ напивается до пьяна, если нѣтъ, чтобы заглушить обиду, онъ уходитъ въ лѣсъ и пропадаетъ тамъ нѣсколько сутокъ; онъ убѣждаетъ себя расчитаться съ кредиторомъ, не брать у него товаровъ и продавать мѣха на сторону, а черезъ нѣсколько дней на обратномъ пути опять у него останавливается тотъ-же китаецъ и снова въ кредитъ ссужаетъ его товарами.

Китайскихъ женщинъ въ Краѣ очень мало. Въ большинствѣ случаевъ китайцы берутъ себѣ въ жены тазокъ*) силою. Такой китаецъ, женившійся на тазкѣ, уже убѣжденно считаетъ себя тазомъ. Однако это не мѣшаетъ ему, какъ только онъ накопитъ денегъ, бросить семью, уѣхать на родину и тамъ снова назвать себя китайцемъ. Естественно является вопросъ, къ какой категоріи народностей причислить потомство, оставшееся отъ такого китайца и отъ матери тазки.

Такъ какъ тазы имѣютъ право носить оружіе (они всѣ природные охотники—единственная страсть, которую въ ихъ натурѣ не могли вытѣснить китайцы) и право на надѣлъ земли, то китайцы пользуются такой двойственностью и при всякомъ удобномъ случаѣ стараются назвать себя тазами, лишь-бы остаться на мѣстѣ и не быть изгнанными изъ Приамурья.

При обсужденіи вопроса о надѣлѣ инородцевъ землею были неоднократно случаи, когда бывшій орочъ (таза) долженъ былъ уступать мѣсто китайцу только потому, что послѣдній ловко сумѣлъ „втереть очки“ новичку чиновнику. Только опытный глазъ изслѣдователя можетъ подмѣтить въ костюмѣ таза или въ его домашней обстановкѣ такую мелочь,

*) Смотр. ссылку на страницѣ 83-ей.

которая легко ускользнетъ отъ свѣжаго человѣка и которая изобличитъ его орочское происхожденіе. Къ сожалѣнію, помимо злоупотребленій, такія ошибки были не единичными за послѣдніе 3—4 года въ Ольгинскомъ уѣздѣ.

Китайцамъ, неимѣющимъ права жительства на казенной землѣ, совмѣстная жизнь съ инородцами доставляетъ большія выгоды. Они всячески стараются втереться въ семью орочей, сначала хотя бы въ качествѣ простого работника, при этомъ они отказываются отъ платы и работаютъ въ кредитъ. Ловкій работникъ скоро пріобрѣтаетъ вліяніе на своего хозяина. Черезъ годъ-два хозяинъ становится неоплатнымъ его должникомъ и тогда работникъ переходитъ въ положеніе компаніона, совѣтчика, писаря, жениха его дочки и т. д. Съ этого времени таза у него въ рукахъ. Зачастую бываетъ очень трудно разобрать, кто же фактически владѣлецъ фанзы, чья земля и кому принадлежитъ оружіе. Наконецъ, выбравъ такой моментъ, когда у инородца нѣтъ денегъ, китаецъ вдругъ предлагаетъ произвести расчетъ. Никакія просьбы и мольбы не помогаютъ; подсчетъ производится. Оказывается, что не только все хозяйство, земля и фанза, но и жена таза и его дочь должны перейти къ китайцу, и женщины переходятъ въ руки кредитора.

За послѣдніе годы китайцы по отношенію къ тазамъ избрали другую политику, и эта политика гораздо опаснѣе, чѣмъ эксплоатація. Они стали устраивать среди инородцевъ свои школы. Такихъ школъ я видѣлъ четыре: на Судзухэ, Пхусунѣ, Таудушу и на р. Такемѣ. Китайцы этотъ вопросъ рѣшили очень просто. Они назначили учителей, приказали инородцамъ выстроить школы, заставили ихъ платить учителямъ содержаніе и посылать дѣтей на занятія. За каждаго ученика родители платятъ по 10 руб. въ годъ. Срокъ обученія три года. Кромѣ жалованья учитель получаетъ натурой прислугу и продовольствіе понедѣльно отъ каждаго тазовскаго дома. Занятія происходятъ ежедневно (кромѣ пяти праздниковъ въ году) съ утра и до вечера и съ небольшимъ перерывомъ на обѣдъ. Дѣти изучаютъ китайскіе іероглифы. Кромѣ того, учитель учитъ ихъ этикѣ, знакомитъ ихъ съ исторіей Китая, ни слова не говоритъ о Россіи или гово-

ритъ о ней то, что не надо, учитъ, какъ надо относиться къ русскимъ и къ китайцамъ, какъ привѣтствовать старшихъ и т. д. Школы эти имѣютъ громадное воспитательное значеніе и, конечно, вышедшій изъ нее инородецъ на все уже будетъ смотрѣть китайскими глазами. То, что должны были сдѣлать русскіе, сдѣлали китайцы и притомъ безъ всякихъ съ ихъ стороны расходовъ, а за счетъ тѣхъ же инородцевъ.

Охотники и звѣроловы.

Главными организаторами пушного дѣла въ Уссурійскомъ Краѣ являются крупныя торговыя китайскія фирмы во Владивостокѣ, Никольскѣ-Уссурійскомъ и Хабаровскѣ. Агенты ихъ, заручившись разнаго рода свидѣтельствами, билетами и удостовѣреніями, „садятся“ въ такихъ пунктахъ, гдѣ группируются инородцы и откуда удобно снаряжать соболевщиковъ въ горы. Китайцы эти называются цай-дун'ами, т. е. „хозяевами рѣки—кредиторами“. Цай-дун'ы располагаются около устьевъ большихъ рѣкъ, строятъ склады и открываютъ торговлю. Такими пунктами будутъ низовыя р.р. Имана, Бикина, Хора, Ното, урочище Анучино, село Владиміро-Алексѣевское на Сучанѣ и постъ Св. Ольги (поселокъ Ши-мынь). На Амурѣ склады цай-дун'овъ находятся вблизи гольдскихъ стойбищъ Да (р. Пихца) Найхинъ и Дондонъ (р. Анюй) и при устьѣ р. Хунгари.

За время съ 1906 по 1910 г.г. въ Уссурійскомъ Краѣ цай-дун'ами были*).

Годъ основан.	Названіе рѣки.	Фамилія цай-дун'а.	Годъ основан.	Названіе рѣки.	Фамилія цай-дун'а.
1897	Ли-фудзинъ . . .	Шанъ-тянъ-го.	1899	Бикинъ-Митахеза	Ванъ-ди-чанъ.
1900	Тетюхе	Ванъ-Лянъ-Куй.			
1891	Поселокъ Иманъ-устье . . .	Нюу-фу.	1892	Хоръ-Устье . . .	Ванъ-ди.
1881	Иманъ мѣстн.		1890	Хоръ-Табандо . .	Сунъ-Куй.
	Сянь-ши-хе-за	Ли-чанъ-фу.	1884	Сучанъ	Тунъ-чжу-гунъ.
1895	Бикинъ мѣстн. Табандо-Олонъ	Сунъ-дунъ-и.	1872	Судзухе	Шанъ-ди-Куй.
1899	Бикинъ мѣстн. Сигоу и Цамо-Дынза	Цзоо-Хао.	1881	Зал. Св. Ольги Шы-мынь . .	Цо-хунъ-тай.

*) Въ настоящее время на мѣстахъ китайскихъ поселеній появились русскія деревни; многіе цай-дун'ы вынуждены были ликвидировать свои дѣла и уѣхать на родину.

Имѣть такихъ даровыхъ работниковъ, охотниковъ, какъ инородцы съ одной стороны, опасенія потерять долги и, должниковъ съ другой, заставили китайцевъ раздѣлить между собою всю территорію Уссурійскаго Края и инородческое ея населеніе по раіонно и по долинамъ рѣкъ. Въ концѣ концовъ, все это вылилось въ такую форму:

Всѣ орочи и всѣ тазы, живущіе въ данной мѣстности, обязаны: 1) дѣлать закупки только у своего цай-дун'а по цѣнѣ, которую онъ самъ единолично устанавливаетъ и 2) сдавать ему за долги всю пушнину, всѣ панты и женьшень, если такой будетъ найденъ. Продажа этихъ предметовъ на сторону жестоко наказуется.

Цай-дун'ы выдѣляютъ отъ себя приказчиковъ, которыхъ они снабжаютъ запасами продовольствія и отправляютъ въ дальнія инородческія стойбища. Наконецъ, эти приказчики въ свою очередь отъ себя снаряжаютъ китайцевъ соболевщиковъ и посылаютъ ихъ въ тайгу на охоту. Всѣ добытыя ими собольи и бѣличьи мѣха, хорьки, шкурки бурундуковъ, горностаи, куницы, выдры, барсуки, рыси, оленьи рога и жилы, панты, кожи, оленьи хвосты и женьшень,—все это опять тѣмъ же порядкомъ по восходящимъ степенямъ идетъ къ китайскимъ купцамъ во Владивостокъ или въ Хабаровскъ и оттуда уже за границу.

Не все ли равно какому нибудь китайскому купцу, живущему, напримѣръ, въ поселкѣ Иманъ, кто ловитъ ему соболей—какой нибудь „Ли-чанъ-тунъ“ или „Чинъ-та-фу“. Какъ только до него дошли слухи, что пятнадцать человкѣкъ соболевщиковъ, высланныхъ имъ въ тайгу, арестованы, онъ тотчасъ же снаряжаетъ новыхъ пятнадцать охотниковъ и вновь высылаетъ ихъ на то же мѣсто.

То же самое и арендаторы земель у русскихъ переселенцевъ. Они также имѣютъ связь съ цай-дун'ами и съ китайскими купцами въ городахъ, а эти послѣдніе съ торговыми фирмами за границей.

Охотничьи и промысловые раіоны китайцевъ (смотр. особую схему въ концѣ книги) занимаютъ всю южную и среднюю часть Уссурійскаго Края. Сѣверную границу этихъ раіоновъ можно изобразить кривою, идущей почти отъ Хабаровска

черезъ низовья Хора по р. Кетыкенъ черезъ верховья Бикина и за водораздѣломъ по р. Нахтоху къ мысу Гилякъ.

Китайскія звѣровыя фанзы находятся въ такихъ мѣстахъ, куда русскіе не проникаютъ, гдѣ нибудь въ горахъ, въ верховьяхъ рѣкъ, въ глухой тайгѣ, вдали отъ жилья, въ сторонѣ отъ дороги и т. д. Особенно ихъ много по рѣкѣ Иману, въ горахъ, отдѣляющихъ бассейнъ Улахэ отъ р. Даубихэ и отдѣляющихъ эти рѣки отъ южнаго раіона (Сучанъ, Майхэ и Судзухэ), въ верховьяхъ рѣки Лефу и въ истокахъ рѣкъ Ольгинскаго и Заольгинскаго становъ.

Раньше, когда китайскихъ охотниковъ было мало, звѣровыя фанзы ихъ были разбросаны по тайгѣ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Но затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія китайскаго населенія въ Краѣ, увеличивалось и число охотниковъ. Вскорѣ число звѣровыхъ фанзъ возросло настолько, что явилась потребность сорганизоваться въ отдѣльныя общины, явилась потребность раздѣлить всю тайгу на раіоны и даже выработать особые законы, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Всѣ звѣровыя фанзы соединены между собою тропинками.

Опытный охотникъ впередъ можетъ сказать, куда приведетъ его тропинка, если вѣтки деревьевъ порублены, если она достаточно расчищена, если буреломъ, преграждающій путь, перерубленъ или перепиленъ, если большія деревья, лежащія на землѣ стесаны настолько, что черезъ нихъ можетъ перешагнуть лошадь, если на землѣ видны слѣды подковъ и конскій навозъ—то тропа эта конная, и она непремѣнно приведетъ путника къ звѣровой фанзѣ; если же этихъ признаковъ нѣтъ и черезъ буреломъ нельзя перешагнуть, и черезъ него надо перелѣзать, то тропа эта исключительно пѣшеходная, кружная и идетъ она только по соболинымъ ловушкамъ.

По мѣрѣ того, какъ мы будемъ подниматься по долинамъ рѣкъ въ горы, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться вдоль берега моря на сѣверъ, земледѣльческія фанзы становятся рѣже и меньше размѣрами. Здѣсь вмѣсто пашенъ мы увидимъ только одни огороды, потомъ нѣтъ и огородовъ, жилыя фанзы мало по малу превращаются въ звѣровыя, ко-

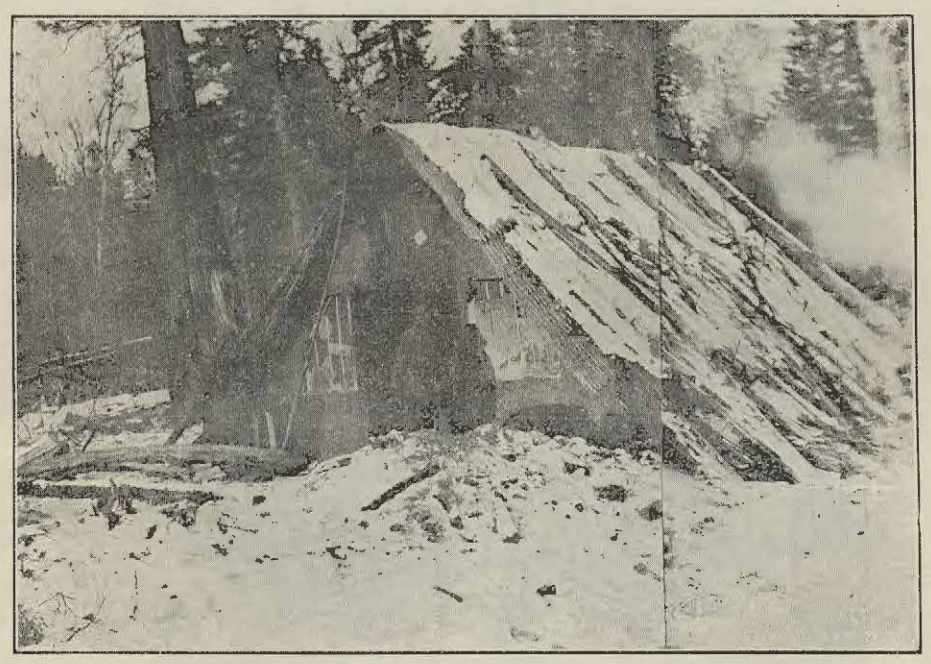
торыя всегда можно узнать по ихъ мѣстоположенію и внутренней ихъ обстановкѣ.

Звѣровыя фанзы обыкновенно ставятся въ истокахъ рѣкъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сходятся два или три горныхъ ключа, гдѣ пожары не касались еще дѣвственнаго лѣса, и гдѣ охотникъ звѣроловъ могъ бы работать во всѣ стороны и не былъ бы стѣсненъ одной долиной.

Вы желаете посмотрѣть звѣровую фанзу? Для этого вамъ надо запастись терпѣніемъ.

Выбравъ тропинку, гдѣ есть конскіе слѣды, вы по ней отправляетесь въ горы. Вы идете густымъ лѣсомъ, тропа кружитъ, переходитъ съ одного берега рѣки на другой, лѣпится по карнизамъ, идетъ косогорами и вновь спускается въ долину. На деревьяхъ на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга видны затески (Хао), по которымъ можно и безъ дороги найти фанзу. Вы идете долго, почти цѣлый день. Наконецъ, вы начинаете уставать и терять терпѣніе. Вдругъ, передъ вами появляется дерево, оголенное отъ коры, потомъ другое, третье—ихъ много... Значитъ, фанза недалеко. Этимъ корьемъ кроется крыша фанзы; вы прибавляете шагъ. Все больше и больше встрѣчается признаковъ, указывающихъ на близость человѣческаго жилища: свѣжія порубки, переходы черезъ протоки, поваленныя деревья, заготовленныя дрова, приколыши, дранки къ ловушкамъ, крючья изъ корневищъ и т. п. Вдругъ лѣсъ сразу начинаетъ рѣдѣть, и тропинка выводитъ васъ на маленькую полянку, оголенную отъ лѣса.

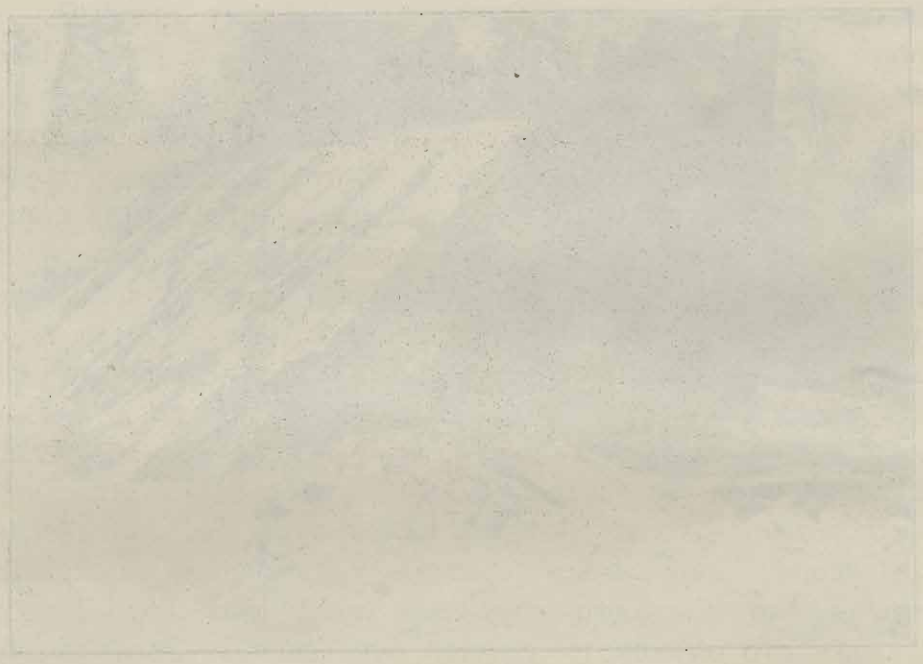
По срединѣ полянки стоитъ маленькая фанза, а около нея деревянный амбаръ на сваяхъ. Между ними—небольшой огородъ, на которомъ посѣяны картофель, лукъ и брюква. Въ сторонѣ, шагахъ въ тридцати отъ фанзы, стоитъ небольшая кумирня, сдѣланная изъ корья и увѣшанная красными тряпицами. И здѣсь, какъ и около земледѣльческой фанзы, кругомъ все чисто подметено и прибрано. Нигдѣ ничего не валяется: лопата, кайло и мялка для выдѣлки кожи прислонены къ стѣнѣ, дрова наколоты, сложены въ порядкѣ, звѣровыя шкуры повѣшены для просушки. Въ амбарѣ на сваяхъ хранится поперечная пила, сѣтки для ловли соболей, рога оле-

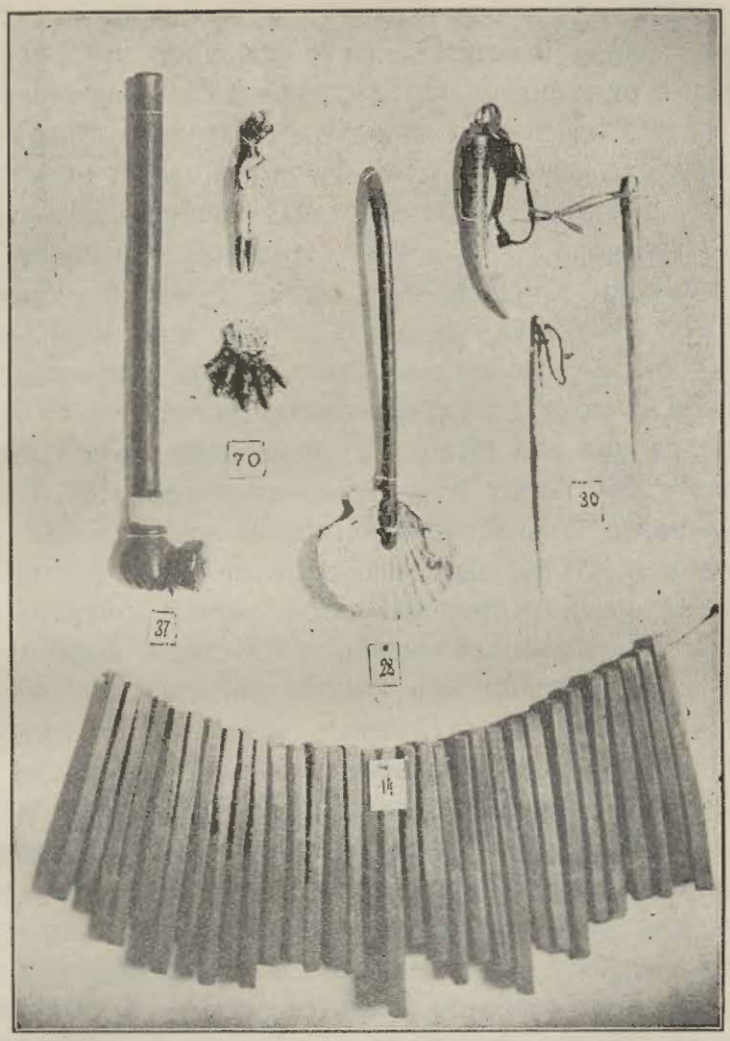


ЗВѢРОВАЯ ФАНЗА СОБОЛЕВЩИКА КИТАЙЦА.

Hutte de chasseur de zibelines.

(Стр. 94).





Нѣкоторые предметы, характеризующіе обстановку звѣровой китайской фанзы: № 37—Трубка для куренія опіума, № 70—Сухая нога набарги и лапа выдры, употребляемыя какъ дверныя ручки, № 28—Ложка для котла, сдѣланная изъ раковины Pecten maximas, № 30—Костяныя палочки для выкапыванія женьшеня и складной садовый ножъ (Панцуй Ченза), № 14—Китайскій охотничій календарь.

Quelques objets caractérisant l'intérieur d'une hutte de chasseur chinois.

(Смотр. стр. 95, 96, 128, 145).

ней, плѣтеные изъ лыка кузовки, носимые манзами за спиной во время обхода ловушекъ, тулузы съ бобовымъ масломъ и колоды съ запасами продовольствія. Звѣровыя фанзы дѣлаются по расчету не болѣе, какъ на три или четыре человѣка. Этотъ расчетъ имѣется въ виду на тотъ случай, если въ фанзу придетъ ночевать прохожій—кто либо изъ охотниковъ или искатель жень-шеня. Сама постройка сдѣлана крайне грубо и небрежно. Боковыя стѣны ея сложены изъ двухъ или трехъ бревенъ; щели законопачены мхомъ и замазаны глиной. Крыша фанзы большая двускатная. Чтобы корье не коробилось, сверху оно прижато палками или жердями. Третья стѣна глухая; здѣсь вверху подъ самой крышей имѣется одно только маленькое отверстіе для выхода дыма. Отверстіе это затыкается пучкомъ сухой травы или кускомъ кабарожьей кожи. Дверь и одно или два окна, оклеенныхъ грязной бумагой, почти не пропускающей свѣта, находятся съ лицевой стороны фанзы; косяки дверей обиты тряпками или какимъ нибудь мѣхомъ; на двери запоровъ нѣтъ, она снаружи приперается только коломъ или лопатой.

Войдемъ внутрь фанзы и посмотримъ ея обстановку. Слѣва отъ входа помѣщается небольшая печь, сложенная изъ камней и глины. Въ нее вмазанъ небольшой желѣзный котелъ, прикрытый закоптѣвшимъ деревяннымъ кругомъ. Около печки въ углу навалена груда кедровыхъ смоляныхъ растопокъ. Какъ разъ противъ дверей находится канъ; онъ занимаетъ ровно полфанзы. Канъ согрѣвается дымовыми ходами, выведенными наружу. Надъ котломъ устроены полочки; на нихъ помѣщаются берестяныя коробки съ солью, спички, баночка изъ подъ уксуса и кухонная посуда. Вся утварь сдѣлана тоже крайне грубо и топорно и состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ корытцъ, различной величины, предназначаемыхъ для промывки чумизы, жестяной чашки, поварешки—сдѣланной изъ желѣза или изъ морской раковины, желѣзнаго скребка, употребляемаго для чистки котла послѣ варки каши и нѣсколькихъ эмаллированныхъ глиняныхъ чашекъ. Палочки для ѣды хранятся въ круглой деревянной коробкѣ, повѣшенной на столбѣ, поддерживающемъ крышу фанзы. Съ правой стороны на полу, около стѣны, сложенъ

небольшой очагъ. Въ этотъ очагъ выгребаются горящіе угли изъ печки, когда пища сварена и когда канъ нагрѣтъ достаточно. Непремѣнной принадлежностью всѣхъ звѣровыхъ фанзъ будетъ охотничій календарь (Хон-ли). Онъ вѣшается на стѣнѣ около кана и состоитъ изъ тридцати палочекъ, одѣтыхъ на веревочку. Длинныя палочки означаютъ начало, середину и конецъ мѣсяца. Передвигая ежедневно по одной палочкѣ, охотникъ ведетъ счетъ днямъ; цѣлые мѣсяцы отмѣчаются на крайней палочкѣ особыми зарубками.

Кромѣ того, въ каждой звѣровой фанзѣ всегда есть инструменты, употребляемые звѣровщиками для устройства ловушекъ. Это будутъ—долотца разной величины, пробойникъ, малая поперечная пила, сверло, стругъ, кривые топорики для долбленія деревянныхъ чашекъ, разной формы скребки для очистки кожъ отъ шерсти, инструменты для плетенія веревокъ, шилья съ рукоятками, сдѣланными изъ патронныхъ гильзъ, молотки, кривые ножи и т. п. Самымъ же главнымъ инструментомъ въ рукахъ звѣровщика китайца будетъ небольшой остро-отточенный клиновый топоръ американскаго типа.

Въ Уссурійской тайгѣ особенную цѣнность пріобрѣтаетъ стекло и стеклянная посуда. Китайцы съ бутылками обращаются особенно бережно. Это своего рода мѣновая единица. Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ пустыя бутылки въ видѣ презента преподносились охотниками другъ другу. Какъ бы тяжела ни была ноша китайца, какъ бы далеко онъ ни шелъ въ путь, онъ никогда не броситъ бутылку и чѣмъ глубже онъ унесетъ ее въ горы, тѣмъ большую цѣнность она пріобрѣтаетъ. Въ горахъ Цамо-Дынза и Пиданъ въ одной звѣровой фанзѣ въ 1895 г. въ окно, оклеенное бумагой, былъ вставленъ небольшой кусокъ стекла—и этого было достаточно, чтобы фанзу называли „Стеклянной“, и этого было достаточно, чтобы названіе „Стеклянная Падь“ укрѣпилось и за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла фанза.

Раздѣлять мѣстныхъ китайцевъ на земледѣльцевъ и звѣровщиковъ-охотниковъ нельзя. Земледѣльцы—они же и звѣровщики! Обработкой земли китайцы занимаются лишь

постольку, поскольку это необходимо, чтобы собрать продовольствіе на время охоты и звѣроловства и для того, чтобы кредитовать инородцевъ кукурузой, чумизой и ханшиномъ.

Глядя лѣтомъ на китайцевъ, работающихъ около своихъ фанзъ на поляхъ и огородахъ, трудно допустить мысль, что имѣешь дѣло съ звѣровщиками и охотниками, а междутѣмъ это такъ.

Въ концѣ лѣта, въ августѣ мѣсяцѣ, хозяева фанзъ посылаютъ своихъ работниковъ въ горы. Они понемногу начинаютъ завозить туда провизію, инструменты и починяютъ ловушки.

Въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ китайцы продовольствіе завозятъ лѣтомъ вьюками на лошадяхъ, а на Иманѣ и въ Заольгинскомъ станѣ—зимою (въ февралѣ или въ началѣ марта) по льду рѣки въ нартахъ. Запасы эти они складываютъ въ фанзахъ въ особыя долбленыя кадушки и оставляютъ ихъ тамъ безъ всякаго присмотра до осени, пока не придетъ время охоты.

Доставка продуктовъ въ звѣровыя фанзы обходится китайцамъ очень дорого, приблизительно по 1 р. 50 коп. въ сутки съ пуда. Вотъ почему въ горахъ Сихотэ-Алиня одинъ пудъ муки стоитъ около 16 руб., а пудъ чумизы—10 руб. и болѣе.

Въ тайгѣ чужіе продукты трогать нельзя. Только во время пути, въ случаѣ голодовки, разрѣшается воспользоваться чужой провизіей, но при условіи, чтобы взятое изъ перваго же жилья было немедленно доставлено на мѣсто, иначе хозяинъ дуй-фанзы долженъ будетъ прекратить соболеваніе и уйти изъ тайги преждевременно. Иногда недостатокъ провизіи можетъ привести къ гибели самого охотника. Напрм.—въ случаѣ неожиданнаго наводненія, глубокаго снѣга, дальности разстоянія и т. п. Всѣ манзы знаютъ это и потому строго соблюдаютъ таежные законы. На нарушителей ихъ налагаются взысканія отъ простого возмѣщенія причиненныхъ убытковъ до смертной казни включительно въ зависимости отъ того, какія послѣдствія имѣла кража чужой провизіи.

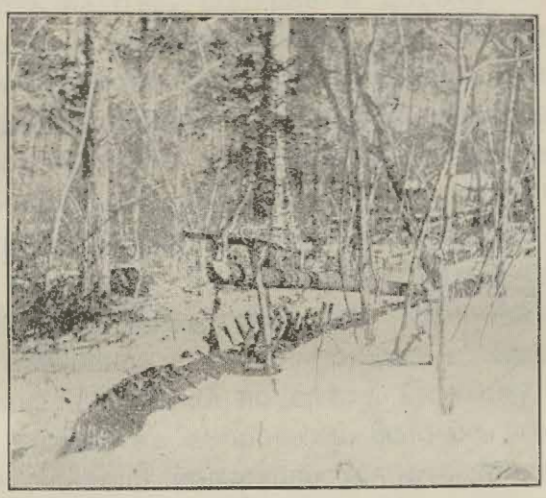
Извѣстно, что соболь живетъ въ самыхъ глухихъ лѣсахъ. По землѣ онъ не любитъ ходить и предпочитаетъ бѣгать по колоднику. Китайцы замѣтили это и стали устраивать свои ловушки на валежникѣ. Если мѣсто хорошее, видно что

соболь ходитъ тутъ постоянно, а вблизи нѣтъ подходящаго бурелома, то соболевщики валятъ на землю живыя деревья. Китайская соболиная ловушка (Дуй*) устроена слѣдующимъ образомъ. На лежнѣ (будемъ такъ называть дерево, лежащее на землѣ) въ два ряда вбиваются колышки, величиною отъ 6 до 8 дюймовъ. Колышки эти образуютъ нѣчто въ родѣ коридора, длиною около $1^1/_2$ арш. и шириною отъ 2-хъ до 4-хъ вершковъ. Надъ лежнемъ находится другое бревно, меньшее по размѣрамъ. Однимъ концомъ бревно это упирается въ лежень, а другой конецъ его поднятъ кверху и находится на вѣсу, примѣрно на высотѣ 3 футъ. Между рядами колышковъ положены двѣ тонкія дранки, которыя внутренними своими концами опираются на два короткихъ прутика, заложенныхъ въ вырѣзки, сдѣланные съ обѣихъ сторонъ двухъ ближайшихъ къ нимъ приколышей. Отъ одного изъ этихъ прутиковъ къ верхнему бревну идетъ веревочная „снасть". При помощи особаго рычага она удерживаетъ бревно въ висячемъ положеніи. Когда соболь пробѣгаетъ по дранкамъ, онъ силою своей тяжести сдвигаетъ ихъ съ прутиковъ, верхнее бревно срывается, падаетъ и давитъ животное. Ставить такую ловушку надо умѣючи. Если ее поставить очень слабо, то ловушка безъ разбора будетъ давить всѣхъ птицъ и мелкихъ животныхъ—бурундуковъ, мышей, воробьевъ, поползней и т. д.; если же ее поставить туго, то она пропуститъ соболя и не будетъ дѣйствовать вовсе. Обыкновенно въ ловушки, кромѣ соболей, попадаютъ во множествѣ бѣлки, хорьки, рябчики, сойки, кедровки и друг. птицы.

Осенью, какъ только поля будутъ убраны и наступятъ холода, китайцы оставляютъ свои дома и уходятъ въ тайгу на соболеваніе. Въ фанзахъ остаются только глубокіе старики и калѣки, неспособные работать.

Здѣсь, въ глухой тайгѣ, въ маленькихъ фанзочкахъ они живутъ въ одиночку, иногда по два и по три человѣка. Ловушки у нихъ расположены всегда по круговой тропинкѣ; обыкновенно ихъ отъ 500 до 3000 штукъ. Работа китайца соболевщика очень тяжелая. Чуть свѣтъ онъ уже на ногахъ.

*) Отсюда и названіе „дуй-фанза", т. е. фанза охотника за соболями. Русскіе эти ловушки называютъ „кулемками или слопцами".



Китайская соболиная ловушка.

Piège à zibelines tendu par les chasseurs chinois.

(Стр. 98).

Несмотря ни на какую погоду, онъ долженъ ежедневно ихъ осматривать. Съ маленькой котомкой за плечами онъ бѣжитъ по тропѣ и подходитъ только къ тѣмъ ловушкамъ, которыя упали. Быстро, безъ проволочекъ, собираетъ добычу, налаживаетъ ловушку снова и снова бѣжитъ дальше. Уже совсѣмъ къ сумеркамъ китаецъ успѣваетъ пройти только половину дороги. Тутъ у него построенъ маленькій балаганчикъ изъ дерева, корья и бересты. Переночевавъ здѣсь у костра, на другой день съ разсвѣтомъ онъ проходитъ другую половину дороги, вновь на бѣгу собираетъ добычу и только къ концу дня добирается до своей фанзы. А на завтра онъ опять уже на работѣ и опять осматриваетъ ловушки—и такъ изо-дня въ день подъ рядъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Сезонъ соболеванія продолжается съ половины сентября до тѣхъ поръ, пока глубокіе снѣга не завалятъ ловушки. Тогда звѣроловы оставляютъ свои заповѣдники и возвращаются къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Раньше изъ тайги уходятъ тѣ, у которыхъ мало съѣстныхъ припасовъ. За послѣднія пять лѣтъ китайцы научились отъ инородцевъ ходить на лыжахъ и выслѣживать соболей по снѣгу. Поэтому многіе изъ нихъ остаются теперь въ звѣровыхъ фанзахъ на всю зиму вплоть до весны и, если возвращаются въ земледѣльческія фанзы, то лишь на время для того, чтобы пополнить запасы продовольствія и вновь продолжать соболеваніе.

Съ уходомъ манзъ изъ тайги не всѣ соболиныя фанзочки пустуютъ. Нѣкоторые китайцы живутъ въ нихъ постоянно въ теченіе всей своей жизни. Это въ большинствѣ случаевъ одинокіе старики, давно уже пріѣхавшіе въ край и порвавшіе всякія связи со своей родиной. Дикая природа этихъ мѣстъ наложила на нихъ свою печать. Вѣчныя опасенія за свою участь и безотчетный страхъ передъ этой огромной лѣсной пустыней, какъ будто, подавляютъ ихъ, они утрачиваютъ человѣческій образъ и становятся дикарями. Живутъ эти китайцы въ самой ужасной, грубой, примитивной обстановкѣ и всѣ цѣли своего существованія сводятъ къ тому, чтобы только найти себѣ пропитаніе. Здѣсь, въ глухой тайгѣ, они умираютъ одинокими, такъ что некому совершить надъ ними обрядъ погребенія. Въ 1902 и въ 1903 году у стари-

ковъ китайцевъ, живущихъ въ весьма глухихъ таежныхъ мѣстахъ хребта Да-дянь-шань, я дважды видѣлъ каменные молотки. Странно было видѣть каменныя орудія въ рукахъ людей въ XX вѣкѣ. Ни за какія деньги они не хотѣли мнѣ ихъ уступить. Изъ разспросовъ удалось установить, что одинъ изъ этихъ китайцевъ нашелъ готовый уже молотокъ на пашнѣ около земледѣльческой фанзы, а другой самъ обдѣлывалъ камень, для чего пользовался старымъ рашпилемъ.

Осенью въ 1903 году одинъ разъ съ шестнадцатью стрѣлками охотничьей команды я пробирался по мѣстности совершенно дикой и безлюдной. Послѣ 8 дней пути мы остановились бивакомъ въ самыхъ истокахъ р. Улахэ. Утромъ я пошелъ на охоту. Отойдя отъ бивака версты четыре, я совершенно случайно натолкнулся на маленькую звѣровую фанзочку, похожую скорѣе на логовище звѣря, чѣмъ на человѣческое жилище. Фанзочка была пустая, но горячая зола въ очагѣ, кое какая деревянная посуда и остатки пищи свидѣтельствовали о томъ, что въ фанзѣ этой еще живутъ люди. Я остался ждать. Минутъ черезъ двадцать пришелъ хозяинъ. Это былъ глубокій старикъ, одѣтый въ рубище. Надо было видѣть его испугъ и удивленіе! Я его успокоилъ. Поохотившись въ окрестностяхъ, я пришелъ къ нему ночевать. Страхи прошли, мы присмотрѣлись другъ къ другу и разговорились. Оказалось, что въ краѣ онъ живетъ 62 года и что здѣсь, въ этой землянкѣ, совершенно одинокимъ онъ прожилъ подъ рядъ уже 46 лѣтъ. За все это время онъ видѣлъ только двухъ китайцевъ. Другихъ людей онъ не видалъ. Одни и тѣ же одинъ разъ въ году они приходили къ нему съ вьючными конями, привозили буду, соль и кое-что изъ одежды, а взамѣнъ этого забирали у него ту пушнину (хорьковъ, бѣлокъ и случайно соболя), которыхъ онъ могъ поймать на своихъ 120 ловушкахъ. Питался этотъ старикъ только горстью чумизы и тою живностью, которую онъ добывалъ своимъ звѣроловствомъ. Въ тотъ же день вечеромъ старикъ заболѣлъ: онъ сильно кашлялъ, стоналъ и жаловался на грудь. Ночь была холодная и вѣтряная. Два раза я вставалъ и затапливалъ печь, чтобы нагрѣть каны.

Къ утру старикъ успокоился и уснулъ. Когда разсвѣло, я не сталъ его будить и тихонько ушелъ изъ фанзы.

Черезъ 38 дней мнѣ случилось возвращаться тою же дорогою. Я нарочно свернулъ въ сторону, чтобы навѣстить своего новаго знакомаго. Старикъ лежалъ на нарахъ въ томъ же положеніи, въ какомъ я оставилъ его первый разъ при уходѣ:—онъ былъ мертвъ. Мы завалили камнями и буреломомъ входъ въ фанзу и пошли дальше. Безъ малаго только еще черезъ полгода быть можетъ пришли къ нему опять тѣ же два китайца и тогда похоронили его по своему обряду.

Вернусь опять къ звѣровымъ фанзамъ. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ одна соболиная фанза за сезонъ собирала приблизительно 12—15 соболей, около 1000 бѣлокъ, 100 штукъ хорьковъ, около 3000 рябчиковъ и съ сотню головъ кабарги.*) Если считать соболя по средней цѣнѣ въ 40 рублей, бѣлку по 50 коп., хорька по 1 руб., рябчика по гривеннику и кабаргу по 4 руб. за штуку, то при общемъ подсчетѣ получится цифра около 2000 руб. Прибавьте къ этому еще панты въ нѣсколько сотъ руб. каждая пара и мѣха, отбираемые у инородцевъ, то сумма эта увеличится по крайней мѣрѣ вдвое.

Еще не такъ давно китайцы хозяйничали въ тайгѣ безконтрольно и совершенно игнорировали русскихъ. Въ 1906 г. въ одной изъ покинутыхъ звѣровыхъ фанзъ на р. Санхобе мнѣ удалось найти документъ, написанный китайскими іероглифами. Документъ этотъ былъ переведенъ на русскій языкъ окончившимъ Восточный институтъ, капитаномъ Шкуркинымъ и заключалъ въ себѣ переписку китайца охотника съ китайцемъ, живущимъ гдѣ то около Пекина. Въ документѣ говорилось *о продажѣ верховьевъ рѣки со всѣми притоками, какъ охотничьяго мѣста* и о продажѣ дуй-фанзы и всѣхъ соболиныхъ ловушекъ. Изъ этого можно видѣть, насколько китайцы самостоятельно распоряжались землями въ Уссурійскомъ Краѣ.

Въ періодъ между 1899—1910 г.г. численность китайскихъ охотниковъ здѣсь достигала до 50000 челов. Китаецъ Чинъ-фа-

*) Въ настоящее время звѣровые промыслы эти значительно сократились: 1) вслѣдствіе заселенія Края русскими, 2) вслѣдствіе преслѣдованія браконьеровъ лѣсной стражей, 3) вслѣдствіе массоваго истребленія звѣрей, 4) вслѣдствіе постоянныхъ не прекращающихся лѣсныхъ пожаровъ.

Дунъ, извѣстный скупщикъ мѣховъ, прожившій въ Приамурьѣ болѣе 45 лѣтъ, полагаетъ, что въ то время соболеваньемъ въ тайгѣ на русской территоріи ежегодно занималось не менѣе 40000 челв. Большинство этихъ звѣровщиковъ жило въ звѣровыхъ фанзахъ, но значительная часть ихъ ютилась въ шалашахъ, въ юртахъ у инородцевъ и даже въ палаткахъ, отапливаемыхъ желѣзными печами. Цай-тунъ Ли-чанъ-фу и Ли-танъ-куй изъ Сянь-ши-хе-цзы считали, что въ 1905 г. на р. Иманѣ китайскихъ охотниковъ было не менѣе 3000 челв. Прилагаемая при этомъ таблица даетъ представленіе о томъ, какъ тогда распредѣлялись звѣровыя фанзы въ центральной части Сихотэ-Алиня.

Уѣзды.	Станъ.	Названіе рѣки.	Годъ.	Число звѣровыхъ фанзъ.
Ольгинскій .	Заольгинскій	Санхобе . . .	1906	26
„	„	Кулумбе . . .	1907	12
„	„	Билимбе . . .	1904	18
„	„	Іодзыхе	1904	16
„	„	Такема	1905	28
„	„	Кусунъ	1903	11
„	„	Сяо-Кема . . .	1899	4
„	„	Амагу	1900	9
Иманскій .	Иманскій .	Верховья Имана	1906	41
„	„	Кулумбе . . .	1912	27
„	„	Арму	1910	38
		Итого . . .		231

Такимъ образомъ, въ одномъ только горномъ узлѣ Сихотэ-Алиня въ границахъ отъ р. Санхобе до р. Кусуна со стороны моря и по р.р. Кулумбе и Арму, входящихъ въ бассейнъ Имана, въ періодъ съ 1899 года по 1910 годъ насчитывалось 231 соболиная фанза. Если увеличить эту цифру сообразно площади, занимаемой китайской охотничьей организаціей въ десять разъ, то получится общее число звѣровыхъ фанзъ во всемъ Уссурійскомъ Краѣ въ 2000—2500.

Если считать на каждую фанзу въ среднемъ по 500 ловушекъ, то общая численность всѣхъ ловушекъ будетъ приблизительно равняться 1.200.000 штукъ. Если считать за весь

годъ только 10% ловушекъ счастливыхъ, то при этомъ расчетѣ соболей будетъ поймано около 120.000. Теперь попробуемъ произвести подсчетъ съ другой стороны. Если считать, что каждый китаецъ охотникъ въ годъ поймаетъ 2—3 соболя, т. е. столько же, сколько и инородцы (иначе не стоитъ тратить время), то общій подсчетъ вылавливаемыхъ ими ежегодно соболей выразится въ цифрахъ 100.000 —150.000 животныхъ. На самомъ же дѣлѣ китайскіе охотники всегда добычливѣе русскихъ и добычливѣе инородцевъ и на каждаго соболевщика китайца слѣдовало-бы считать не два, три соболя, а—три или четыре.

И по моему глубокому убѣжденію, основанному на близкомъ знакомствѣ съ китайцами на мѣстахъ лова соболей, цифра эта не только не увеличена, но, я думаю, что она уменьшена.

Въ 1910 году, когда соболиный промыселъ началъ уже значительно сокращаться, въ бассейнѣ одной только р. Санхобе (бухта Терней подъ 45° с. ш.) въ ея окрестностяхъ китайцами было поймано 63 соболя и 30.000 бѣлокъ *).

Въ 1909 году оттуда была вывезена точно такая же партія пушнины. Въ то время на Санхобе было уже не 26 соболиныхъ фанзъ, а только 18. Въ среднемъ на каждую фанзу приходилось по 3,5 соболя и по 1666 бѣлокъ. Между тѣмъ мнѣ лично удавалось видѣть въ нѣкоторыхъ фанзахъ по восьми, девяти, десяти и больше соболей и отъ 1500 до 2000 бѣлокъ.

О размѣрахъ хищничества китайцевъ въ Уссурійскомъ Краѣ можно судить изъ записей золотопромышленника г. Якубовскаго, добытыхъ имъ въ верхнемъ теченіи р. Имана. Изъ этихъ записей видно, что за время съ 1 ноября 1912 г. по 15 февраля 1913 г., т. е. за 107 дней черезъ руки одного только цай-тун'а Лю-ва-ина прошло:

№.	НАИМЕНОВАНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Количество.	На сумму.
1	Кабарожьей струи	637	3640 руб.
2	Хорьковъ	1783	1700 „
3	Соболей	241	12000 „
4	Рыси	10	250 „
5	Медвѣдей	21	250 „
6	Тигровъ	5	630 „
		Итого . . .	18370 руб.

*) Протоколъ находится въ дѣлахъ у Ольгинскаго лѣсничаго за 1910 г.

Цай-тун'ы открыто заявляютъ, что одно только звѣроловство въ Уссурійскомъ Краѣ даетъ имъ возможность въ короткій срокъ скопить столько денегъ, чтобы потомъ по возвращеніи на родину жить безбѣдно. По ихъ словамъ, нужно быть очень лѣнивымъ человѣкомъ, чтобы, имѣя подъ рукой „тазовъ", въ теченіе 8—10 лѣтъ не скопить 50,000 р. Накопивъ денегъ, китаецъ ни за что не останется въ Пріамурьѣ; онъ непремѣнно уйдетъ на родину. Захвативъ всю тайгу и раздѣливъ ее на участки между собою, цай-тун'ы воспретили инородцамъ ходить на охоту до тѣхъ поръ, пока ихъ рабочіе занимаются соболеваньемъ. Орочи и гольды начинаютъ промышлять соболей только тогда, когда китайцы уйдутъ изъ горъ и оставятъ свои дуй-фанзы.

Но вотъ возвратились манзы, пришли съ охоты и инородцы. Лихорадочная дѣятельность охватываетъ все китайское населеніе. Это время скупки пушнины, время расчетовъ и расплаты съ должниками. Изголодавшійся орочъ озабоченъ не тѣмъ, какъ бы повыгоднѣе продать своихъ соболей (китайцы будутъ брать ихъ у него по цѣнѣ, которую сами назначатъ), а о томъ, какъ бы только при подсчетѣ съ кредиторами они не отобрали бы у него оружіе, жену и ребенка. Наконецъ, подсчеты кончены, манзы расходятся по своимъ фанзамъ и предаются азартнымъ играмъ въ банковку.

Въ то же время проявляютъ усиленную дѣятельность хунхузы. Они появляются то здѣсь, то тамъ, нападаютъ на соболевщиковъ и отбираютъ у нихъ деньги и все, что есть цѣннаго. Если китайцы не хотятъ указать, гдѣ у нихъ спрятаны деньги, хунхузы прибѣгаютъ къ пыткамъ.

Наконецъ, страсти мало по малу успокаиваются; жизнь входитъ въ свою обычную колею; приближается весна и начинается перекочевываніе манзовскаго рабочаго населенія. Получивъ расчеты у своихъ хозяевъ, они отправляются въ новыя мѣста въ поиски за новою работой. Часто они совершаютъ очень большіе переходы; далекія разстоянія ихъ не смущаютъ. Путешествуя по всему Краю, живя то здѣсь, то тамъ, занимаясь въ горахъ охотой и звѣроловствомъ, мѣстные китайцы хорошо изучили весь Край. Они знаютъ наиболѣе низкіе перевалы черезъ горные хребты и по та-

ежнымъ тропкамъ, извѣстныхъ имъ только однимъ, проходятъ въ ту или иную мѣстность въ кратчайшемъ направленіи. Весной по всѣмъ дорогамъ и тропамъ всюду можно встрѣтить цѣлыя вереницы рабочихъ манзъ, идущихъ на заработки.

Никто лучше китайцевъ не приспособился укладывать и носить котомку. Обыкновенно во время путешествія они носятъ съ собой слѣдующія вещи: маленькій желѣзный котелокъ, небольшой топоръ, чашечку для ѣды, козью шкурку для подстилки, легкое одѣяло, запасную пару улъ, полотнище походной палатки и запасъ продовольствія по числу дней пути. Путевое продовольствіе китайцевъ обыкновенно состоитъ изъ мучныхъ лепешекъ, чумизы (родъ проса), огородныхъ овощей и бутылки съ бобовымъ масломъ. Всѣ вещи плотно укутываются въ палатку, увязываются веревкой и затѣмъ вкладываются въ сѣтку (бэй-доу-цзы) или прикрѣпляются къ рогулькамъ, носимыми на спинѣ при помощи лямокъ (Бей-цзя-цзы). Кромѣ того, необходимой принадлежностью манзовскаго походнаго снаряженія будетъ еще пологъ для защиты отъ комаровъ и мошекъ (вэнь-чжанъ), сшитый изъ дрели. Пологъ этотъ вѣшается на веревкахъ между двумя деревьями и представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ футляра, внутри котораго помѣщается спящій человѣкъ; края полога подвертываются внутрь подъ козью шкуру. Въ носку котомки надо втянуться. Китайцы носятъ на себѣ до 2 пуд. и перетаскиваютъ такіе грузы на большія разстоянія. Во время далекихъ путешествій, въ особенности, если приходится идти по мѣстности безлюдной, пустынной, манзы берутъ съ собой только одну чумизу и предпочитаютъ ее мукѣ и рису: она легка, удобна въ переноскѣ, сильно разваривается и мало расходуется. Китайцы находятъ, что она достаточно питательна.

Во время пути китайцы встаютъ очень рано, варятъ себѣ кашицу, послѣ ѣды отправляются въ дорогу и идутъ до полудня. За это время они раза три отдыхаютъ, курятъ трубки. Въ полдень дѣлается большой привалъ. Снявъ тяжелыя котомки, манзы идутъ къ источнику, моютъ въ водѣ лицо и руки, а затѣмъ уже утоляютъ жажду. Обѣдъ варится въ котелкахъ, которые ставятся на три камня или на

три кола, вбитыхъ въ землю. При сухихъ дровахъ вода въ котлѣ закипаетъ раньше, чѣмъ подгорятъ сырые колья. Закусивъ лепешками и наскоро напившись чаю, манзы проворно укладываютъ свои котомки, вновь отправляются въ дорогу и идутъ такъ до вечера. Они отлично знаютъ, гдѣ въ тайгѣ находятся балаганы и обыкновенно весь свой маршрутъ распредѣляютъ такимъ образомъ, чтобы не ночевать подъ открытымъ небомъ.

Балаганы эти дѣлаются изъ кедроваго корья. Постелями служитъ кора пробковаго дерева или береста. Внутри балагана люди лежатъ ногами къ огню. Если людей много, то ставится два односкатные балагана, лицомъ другъ къ другу, настолько близко, чтобы между ними могъ бы помѣститься только одинъ огонь. Для защиты огня отъ дождя на балаганы кладется покрышка такимъ образомъ, чтобы дымъ не шелъ наверхъ, а выходилъ бы по обѣ стороны и не давалъ бы комарамъ и мошкамъ проникнуть внутрь помѣщенія.

За послѣднее время стали часты случаи убійствъ и грабежей русскими китайцевъ въ то время, когда послѣдніе послѣ охоты возвращаются въ свои фанзы.

Китайцы теперь перестали ходить въ одиночку, они собираются по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, идутъ стороной, горами, обходятъ деревни, часто идутъ ночью, а днемъ отдыхаютъ. Правда, это въ концѣ концовъ принудитъ китайцевъ оставить звѣроловство и уйти на родину, но скверно то, что эти грабежи донельзя развращаютъ крестьянъ и пріучаютъ молодежь къ преступленіямъ.

Китайцы тоже не даютъ спуска, и при первомъ случаѣ стараются отомстить своимъ обидчикамъ. Поймавъ гдѣ нибудь въ тайгѣ своего врага врасплохъ, китайцы покачиваютъ съ нимъ самымъ звѣрскимъ способомъ и трупъ его сжигаютъ на кострѣ.

Раньше звѣровыя фанзы стояли открыто, съ земледѣльческими фанзами они соединялись торными тропинками. Теперь китайцы стали прятаться. Къ фанзамъ они не протаптываютъ уже дорожекъ, а идутъ цѣлиной и каждый разъ по новому мѣсту. Если людей идетъ много, то они расходятся по одиночкѣ, идутъ такъ одну или двѣ версты, потомъ схо-

дятся гдѣ нибудь на заранѣе условленномъ мѣстѣ, опять расходятся, опять идутъ и только вечеромъ собираются вмѣстѣ на бивакѣ. Этого мало! Въ звѣровой фанзѣ китайцы теперь ничего не держатъ. Оружіе и патроны хранятся гдѣ нибудь въ сторонѣ, въ дуплѣ дерева; запасовъ продовольствія тоже не видно; амбары ставятся далеко отъ фанзъ, иногда въ двухъ или въ трехъ верстахъ. Было бы ошибочно думать, что пушнина лежитъ на виду—для нея сдѣланъ особый навѣсъ, гдѣ нибудь на склонѣ горы, за рѣкой или въ расщелинахъ между камнями...

Кромѣ того, надо всегда имѣть въ виду, что наблюдательность у китайскихъ охотниковъ очень развита. Онъ отлично разбирается въ слѣдахъ. Онъ по слѣдамъ уже знаетъ, кто прошелъ и можно ли отъ этихъ людей ожидать какой нибудь непріятности. Если опасность едва только намѣчается, китаецъ не думаетъ о себѣ, не думаетъ и о своей фанзѣ, онъ тутъ же съ мѣста бросается впередъ, кружными тропами и ночными переходами старается обогнать враговъ и предупредить другихъ звѣровщиковъ о грозящей имъ опасности.

Промыслы.

Источниками обогащенія уссурійскихъ манзъ были торговля, звѣроловство, исканіе жень-шеня и морскіе промыслы, что же касается хлѣбопашества, то на него они смотрѣли только какъ на средство обезпечить себя пропитаніемъ на время охоты и соболеванья.

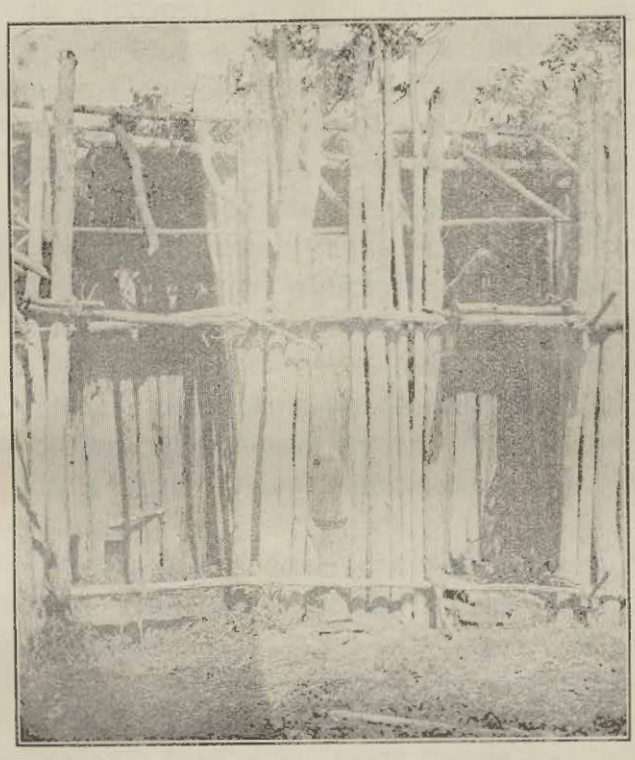
Перечислимъ по порядку важнѣйшіе изъ этихъ промысловъ и посмотримъ, что именно китайцы вывозили за границу.

Начнемъ съ оленей (смотр. страниц. 16).

Ежегодно, тотчасъ послѣ зимы, всѣ олени сбрасываютъ сухіе рога и нѣкоторое время ходятъ безрогими. Затѣмъ, когда снѣга стаятъ и появится зелень, у нихъ снова начинаютъ они расти и каждый годъ вырастаетъ однимъ отросткомъ болѣе. Молодые рога сначала мягкіе, сочные и наполнены кровью—это и есть панты (По гольдски—„фунту“, по китайски—„юнъ-цзяо“). Всѣ жизненыя силы звѣря идутъ въ это

время въ ростъ его головныхъ украшеній. Олени чрезвычайно ихъ оберегаютъ, уходятъ далеко въ горы и забиваются въ самую чащу лѣса. Вотъ почему найти пантачей очень трудно и охота на нихъ считается одною изъ самыхъ тяжелыхъ. Китайцы приписываютъ пантамъ такое же цѣлебное свойство, какъ и жень-шеню. Самые дорогіе панты даетъ пятнистый олень. Цѣнность ихъ доходитъ до 1000 р. пара. Рога изюбря значительно дешевле. Самые дорогіе изъ нихъ цѣнятся не болѣе 300—400 руб. Какъ только верхнія части пантовъ начинаютъ окостенѣвать, они быстро падаютъ въ цѣнѣ. Въ іюлѣ съ нихъ начинаетъ шелушиться кожа. Изюбри стараются содрать ее; тогда они нарочно бродятъ по чащѣ и треплютъ рогами кусты и молодыя деревья. Къ августу рога окончательно сформировываются и становятся твердыми. Какъ разъ въ это время начинается спариваніе оленей и бой самцовъ за обладаніе матками.

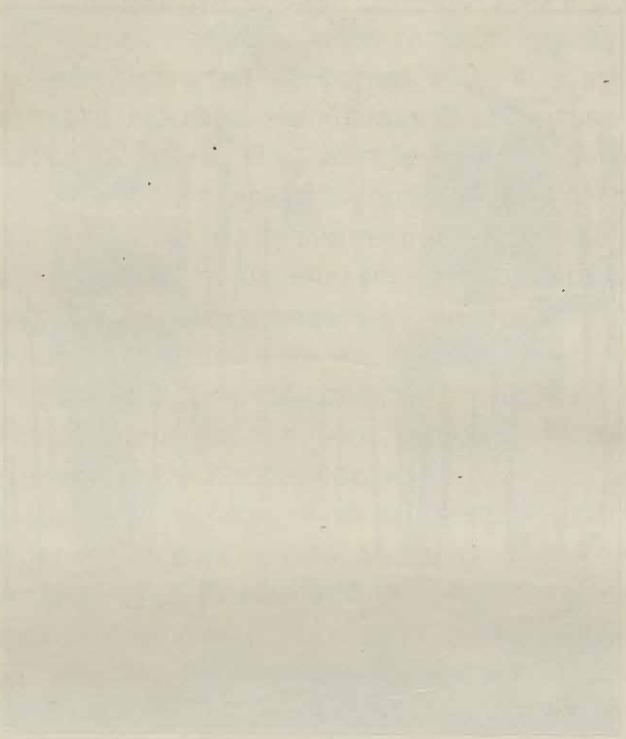
Китайцы бьютъ оленей на пріискъ изъ ружей, бьютъ самострѣлами на лѣсныхъ тропахъ, загоняютъ съ собаками по насту и въ особенности много истребляютъ лудевами. Лудева—это заборъ, преграждающій доступъ животнымъ къ водопою. Заборъ этотъ дѣлается изъ буреломнаго лѣса и часто тянется на значительномъ протяженіи. Кое-гдѣ оставляются проходы и какъ разъ противъ нихъ роются глубокія ямы, искусно прикрываемыя сверху мхомъ и сухою травою. Ночью животныя идутъ пить воду, встрѣчаютъ заборъ, ищутъ проходовъ и попадаютъ въ ямы. Чтобы ямы не осыпались, внутри ихъ устраиваются срубы такъ, какъ это дѣлаютъ въ колодцахъ. Глубина ямы около восьми футъ. Случается, что лѣтомъ во время дождей ямы наполняются водою. Чтобы попавшее туда животное не утонуло, на глубинѣ трехъ футовъ отъ поверхности земли изъ толстыхъ гладко оструганныхъ палокъ устраиваются поперечины. Олень, попавшій въ такую яму, остается въ висячемъ положеніи: брюхомъ и грудью онъ лежитъ на поперечинахъ и до дна не достаетъ ногами. Поймать живого оленя очень важно для китайцевъ. Они осматриваютъ у него рога. Если панты недостаточно еще выросли и обѣщаютъ быть цѣнными, то оленя опутываютъ ремнями, вытаскиваютъ изъ ямы и въ особыхъ станкахъ держатъ его до тѣхъ



Станки для оленей, пойманныхъ ямами.

Enclos pour l'élevage des cerfs pris dans les pièges.

(Стр. 109).



поръ, пока молодые его рога не достигнутъ своей наибольшей стоимости.

Лудевые станки примыкаютъ непосредственно къ фанзѣ. Вмѣстѣ съ фанзой они обнесены частоколомъ высотою въ 2 саж. на тотъ случай, чтобы олени не могли перепрыгнуть изгородь и уйти на волю. Панты съ оленя китайцы снимаютъ двоякимъ образомъ: 1) спиливая ихъ съ живого звѣря и 2) убивая животное и вырубая рога вмѣстѣ съ частью черепной крышки. Первый способъ выгоденъ въ томъ отношеніи, что является возможность съ одного и того же животнаго снимать панты ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но такъ какъ при этой операціи изъ роговъ вытекаетъ много сока и крови, то спиленые панты недорого цѣнятся. Во второмъ случаѣ, т. е. когда убиваютъ оленя, кровь сохраняется въ рогахъ. Правда, олень гибнетъ, какъ производитель, но зато такіе панты цѣнятся очень высоко, а главное —возьми меньше. Операцію спиливанія роговъ китайцы производятъ обыкновенной пилой; больныя мѣста присыпаются толченымъ углемъ, послѣ этого оленя развязываютъ и пускаютъ въ загонъ на свободу.

Снятые съ оленя панты въ своемъ естественномъ видѣ могутъ пробыть недолго. Они скоро портятся. Для предохраненія отъ гніенія китайцы варятъ ихъ въ горячей водѣ. Варка производится въ большихъ котлахъ на открытомъ воздухѣ. Не всякій китаецъ умѣетъ варить панты. Есть особые спеціалисты—пантовары (цай-юнъ-цзяо). Процедура варки пантовъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: вода въ котлѣ отнюдь не должна кипѣть, ее немного не доводятъ до кипѣнія. При первой варкѣ въ котелъ, какъ вяжущее вещество, бросается кусокъ кирпичнаго чая. Если панты варить въ крутомъ кипяткѣ или если ихъ долго держать въ горячей водѣ, то они лопнутъ и тогда сразу потеряютъ свою цѣнность. Панты, предназначенные для варки, привязываются къ деревяннымъ вилкамъ длиною въ 2—3 фута. Когда вода нагрѣлась настолько, что готова уже закипѣть, пантоваръ погружаетъ въ нее панты только на одну секунду, тотчасъ-же вынимаетъ наружу и даетъ остынуть. Онъ сдуваетъ ртомъ паръ и внимательно осматриваетъ ихъ со всѣхъ сто-

ронъ. Затѣмъ вновь погружаетъ ихъ въ воду, вновь даетъ имъ остынуть и т. д. Такая варка продолжается съ полчаса. На другой день пантоваръ варитъ ихъ въ теченіе 45 минутъ и держитъ въ водѣ каждый разъ уже съ полминуты. На третій день онъ панты варитъ около часа; выдержка въ горячей водѣ увеличивается до минуты и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока рога окончательно не сварятся.

Если пантоваръ неопытенъ, невнимателенъ или небреженъ, то онъ можетъ испортить панты. Напримѣръ, онъ можетъ сварить ихъ только снаружи и оставить ихъ сырыми внутри. Поэтому китайцы даютъ пантовару не плату, а извѣстный процентъ (10—12) съ суммы, вырученной отъ продажи пантовъ послѣ ихъ варки.

Рынкомъ сбыта пантовъ является исключительно Китай. Молодые рога лосей и дикихъ козъ цѣны не имѣютъ и китайцами не покупаются вовсе. Оленьи и изюбриные панты употребляются китайцами медициной, какъ лѣкарство вмѣстѣ съ жень-шенемъ, о чемъ я буду говорить ниже подробнѣе.

«Если русскіе охотники дѣйствуютъ ружьемъ на пріискъ, то манзы до энергичнаго преслѣдованія ихъ лѣснымъ надзоромъ дѣйствовали для добычи пантовъ (ки-деу) выпоротковъ (лу-тай) роговъ (кон-цаза) и лакомаго оленьяго хвоста (лу-иба) своими изгородями и ямами (лу-дева) и корейцы капканами „башмаками"—навѣрняка. Для сужденія о размѣрахъ манзовскаго способа истребленіе оленей въ Уссурійскомъ Краѣ можно судить изъ сравненій цифровыхъ данныхъ прежнихъ изслѣдователей съ настоящимъ временемъ.*)

По статистикѣ г-на Надарова въ 1880 году въ Уссурійскомъ Краѣ было 175 лудевъ и при нихъ 8766 звѣровыхъ ямъ**). Лудевы тогда распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

№№.	РАЙОНЫ.	Число лудевыхъ фанзъ.	Количество звѣровыхъ ямъ.
1	Округъ Сучанскій	58	2500
2	„ Южно-Уссурійскій .	95	5653
3	„ Аввакумовскій . . .	22	613
	Итого	175	8766

*) Смотр. отчетъ Владивостокскаго общества любителей охоты, написанный подполковникомъ Арсеньевымъ въ 1905 г.

**) Надаровъ. Матеріалы по изученію Уссурійскаго Края. 1887 г. стр. 130—131.

Хотя тогда и принимались мѣры къ уничтоженію звѣровыхъ ямъ, но онѣ не достигали цѣли.

Изъ таблицы протоколовъ, составленныхъ въ 1895—1900 г., по одному только Сучанскому лѣсничеству мы узнаемъ о существованіи слѣдующихъ лудевъ:*)

1) Сяухинская лудева въ вершинѣ рѣки Ся-уху (Сяо-хэ), впадающей въ бухту Преображенія: длина 1 верста 400 с., съ одной китайской фанзой близъ нея и другой фанзой на берегу бухты Преображенія. Протоколъ по оцѣнкѣ лѣса, употребленнаго на изгородь, ямы и фанзы по казенной таксѣ на 308 руб. 21 коп.

2) Яндегоузская лудева по правому бассейну низовьевъ р. Тасудухэ (Да-Судзу-хэ), длиною въ 2 версты съ 10 ямами. Протоколъ на 117 руб. 42 коп.

3) Лудева Тапоузовская, осмотрѣнная часть каковой въ долинѣ р. Тапоуза (Да-поуза), на протяженіи 2 верстъ заключала 13 ямъ и 1 китайскую фанзу. Протоколъ на сумму 396 руб. 80 коп.

4) Чингоузовская—въ бухтѣ Востокъ" близъ устья р. Тауху (Да-у-хэ) съ 1-й фанзой на взморьѣ. Протоколъ на 309 руб. 80 коп.

5) Ханганская лудева въ бухтѣ Валентина, длиной 7 верстъ съ 1 фанзой на взморьѣ. Протоколъ 492 р. 71 к.

6) Лудева Вызгоузская—по бассейну низовьевъ р. Тасудзухэ (Да-Судзу-хэ), длиною въ 8 верстъ съ 40 ямами.

7) Таудиминская—въ бассейнѣ р. Таудими (Да-Удими), длиною въ 10 верстъ съ 8 дѣйствующими ямами и съ одной фанзой. Протоколъ на сумму 264 руб. 54 коп.

8) Эльделянзовская лудева, длиною въ 15 верстъ съ одной фанзой—въ бухтѣ Козьмина.

9) Лудева Сяосудухинская — вдоль по р. Сяосудухэ (Сяо-Судзу-хэ), длиною въ 21 версту со 190 ямами и 5 фанзами.

10) Вангоузско-Ямбатагоузская—на перевалѣ съ р. Вангоу въ долину р. Ямбадагоу, длиною въ 55 верстъ, болѣе чѣмъ съ 105 ямами и 8 фанзами. Протоколъ на 1346 р. 70 коп.

Наконецъ, цѣпь изгородей по обѣимъ сторонамъ р. Да-Судзухэ до предѣла хвойныхъ насажденій въ ея вершинѣ,

*) Смотр. схему въ концѣ книги.

выше устья рѣки Сяо-Судзу-хэ, каковыя разрушались безъ всякаго исчисленія вслѣдствіе большого ихъ числа и вслѣдствіе бѣгства охотниковъ съ момента появленія отряда стражи еще въ низовьяхъ долины.

Въ 1906 и 1907 годахъ я видѣлъ лудевы по р.р. Тадушу, Синанцѣ, Тютихе, Аохобэ, Сехобэ и Адимилъ-Дунъ-Тавайзѣ.

№№.	НАЗВАНІЕ ЛУДЕВЪ.	Число фанзъ.	Длина лудевъ въ верстахъ.	Число ямъ.
1	Тадушинская	1	11	51
2	Тютихинская	1	7	37
3	На р. Синанцѣ-Іодзыхэ	1	4	18
4	Аохобейская	2	20	142
5	Сехобейская	2	25	150
6	Адимилъ-Дунъ-Тавайза	1	12	82
	Итого . . .	8	79	479

Въ 1903 году лудевы эти были разрушены лѣсничимъ и приставомъ, но спустя два года китайцы ихъ снова возобновили, увеличили заборы и выкопали новыя ямы. По свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ китайцевъ, бывшихъ рабочими на Аохобейской лудевѣ, хозяинъ ея китаецъ Та-дянза за одинъ только 1904 годъ заработалъ болѣе 20000 р.

Осматривая эти лудевы, мы находили въ ямахъ живыхъ оленей и козъ. Мои казаки опутывали ихъ арканами, вынимали на поверхность полузадушенными и отпускали на свободу. Въ одной фанзѣ Сехобейской лудевы оказалось около 40 пудовъ оленьихъ жилъ. Можно судить, сколько понадобилось убить цѣнныхъ животныхъ, чтобы собрать такое количество сухожилій.*)

Примѣромъ размѣра добычи по весеннему насту можетъ служить случай одного только арестованія въ бухтѣ Чузъ-Гоу (Чу-цзы-гоу), что въ области бухты Находка, 20 марта 1895 года 20 козьихъ и оленьихъ тушъ, 14 оленьихъ и 2 козьихъ кожъ, 8 оленьихъ выпоротковъ, 4 пары оленьихъ и

*) Жилы берутся только изъ заднихъ ногъ животнаго. Одинъ олень даетъ 1 фунтъ сухожилій. Значитъ, для того, чтобы собрать сухожилій 40 пудовъ, надо было поймать и убить около 1600 оленей.

8 паръ козьихъ роговъ. Всего же здѣсь, по разсказамъ корейцевъ сосѣдней солеварни, было въ теченіе двухъ недѣль загнано и зарѣзано болѣе 60 звѣрей.

За оленями китайцы охотятся не только ради однихъ пантовъ. Они берутъ отъ нихъ еще выпоротки, хвосты, жилы и penis'ы. Выпоротками (лу-тай) называются плоды стельныхъ матокъ, употребляемые китайцами для изготовленія лѣкарствъ. Весной, въ мартѣ и апрѣлѣ, манзы спеціально охотятся за матками, бьютъ только „тяжелыхъ" и пропускаютъ холостыхъ. Изъ выпоротковъ лѣкарство приготовляется слѣдующимъ образомъ: сперва ихъ варятъ въ горячей водѣ, затѣмъ изъ мяса выбираютъ кости, сушатъ ихъ и перетираютъ въ порошокъ, изъ котораго дѣлаются пилюли. Лѣкарство это употребляется въ томъ случаѣ, если человѣкъ надорвался на тяжелой работѣ. Для мужчинъ идутъ оленьи выпоротки, для женщинъ—изюбриные. Раньше китайцы добывали въ годъ до 1500 оленьихъ и до 2000 изюбриныхъ выпоротковъ и продавали: оленьи—по 4 руб., изюбриные—по 1 руб. за штуку. Теперь выпоротковъ добывается около сотни оленьихъ и 150 изюбриныхъ по цѣнѣ: первые отъ 7 до 8 рублей, вторые—отъ 3 до 4 рублей за штуку.*)

Хвостъ (лу-и-ба) цѣнится, какъ гастрономическое лакомство. Оленій хвостъ длиннѣе изюбринаго: внутри его проходитъ тонкій стержень, обложенный жирной массой, имѣющій вкусъ средній между молодою печенкою и мозгами. Лѣтъ двадцать тому назадъ за границу вывозилось болѣе 15000 хвостовъ. Въ первые годы оленій хвостъ цѣнился въ 5 руб., изюбриный—въ 3 руб., но теперь цѣна возросла вдвое. Оленій хвостъ стоитъ 10—11 руб., изюбриный 4—5 руб. Ежегодный вывозъ понизился до 200 штукъ.

Жилы (лу-цзинь) берутся изъ заднихъ ногъ изюбрей и оленей и вывозятся въ Китай, какъ пищевой продуктъ. Передъ употребленіемъ въ пищу ихъ долго размачиваютъ въ горячей водѣ. Вкусъ оленьихъ и изюбриныхъ жилъ такой же, какъ у вязиги. Инородцы и китайскіе охотники сушатъ

*) Данныя о промыслахъ, количество вывозимыхъ продуктовъ и цѣны на нихъ въ прежнее время и теперь получены мною отъ извѣстныхъ китайскихъ старожиловъ цай-тун'овъ Ли-чинъ-фу (на Иманѣ), Цо-хунъ-тай (Зал. Св. Ольги) и Чинъ-фа-дунъ (въ г. Хабаровскѣ).

ихъ, разбираютъ на тонкія волокна и употребляютъ вмѣсто нитокъ. До 1903 г. изъ Уссурійскаго Края за границу ежегодно вывозилось около 1200 пудовъ жилъ. Одинъ олень даетъ 1 фунтъ сухожилій, изюбрь даетъ $1^1/_2$ фунта сухого продукта. Раньше на мѣстѣ жилы стоили 30—40 коп. фунтъ, а въ Китаѣ 70—80 коп. Въ настоящее время промыселъ этотъ началъ падать и вывозъ сократился до 100 пудовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ цѣна поднялась: въ Уссурійскомъ Краѣ до 80 коп. и за границей до 1 руб. 20 коп. за фунтъ.

Оленьи penis'ы (китайское названіе лубянь) употребляются китайскими знахарями, какъ средство противъ полового безсилія. Препаратъ сушится и растирается въ порошокъ, изъ котораго приготовляютъ пилюли. Иногда къ этому порошку примѣшивается порошекъ жень-шеня. Раньше манзы ежегодно добывали оленьихъ penis'овъ отъ 15000—25000 штукъ. Продавался онъ по вѣсу и стоилъ приблизительно: изюбриный—1 руб. 20 коп. фунтъ, оленій 3—4 рубля. Въ настоящее время изюбриный penis стоитъ отъ 2 до 2 руб. 50 коп., а оленьихъ нѣтъ вовсе. Penis лося совсѣмъ цѣны не имѣетъ, но вслѣдствіе большого спроса на изюбриные члены, русскіе промышленники стали обманывать китайцевъ и продавать имъ сохатиные penis'ы вмѣсто изюбриныхъ.

Сухіе рога (гань-цзао-цзы) употребляются въ китайской медицинѣ. Добываются они двоякимъ способомъ: убоемъ живыхъ звѣрей или подбираются съ земли тѣ, которые естественнымъ путемъ ежегодно сбрасываютъ сами олени. Первые стоятъ дороже, вторые—значительно дешевле. Сброшенные рога китайцы ищутъ весною, пока трава еще сухая, пока въ тайгѣ еще сыро и пока можно пускать палы безъ опасенія, зажечь лѣсъ. Изюбриные рога, снятые съ живыхъ оленей, цѣнятся отъ 60 до 70 коп., а оленьи отъ 3 до 4 руб. фунтъ. Въ настоящее время рога покупаются у охотниковъ. Въ теченіе года собирается по всей странѣ сухихъ роговъ около 100 пудовъ, въ 1895—1899 г.г. ихъ вывозилось за границу болѣе 500 пудовъ.

Для изготовленія лѣкарства рога рубятъ на части и долго варятъ въ крутомъ кипяткѣ. Затѣмъ наваръ подвергается выпариванію, отчего получается весьма густая клейкая масса.

Высушенная, она становится буровато-желтой и весьма плотной. Употребляется въ видѣ пилюль или въ видѣ настоя на водкѣ.

Кабарга (китайск. назв. Шань-лю-за) ловится китайскими охотниками въ горахъ, покрытыхъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Для ловли ихъ устраиваются засѣки изъ бурелома и поваленныхъ хвойныхъ деревьевъ. Это тоже своего рода лудевы (шань-лю-бань-цзы). Въ засѣкѣ кое гдѣ оставляются проходы съ веревочными петлями, причемъ одинъ конецъ веревки прикрѣпляется къ дереву, пригнутому къ землѣ. Если кабарга задѣнетъ петлю ногой и сдвинетъ ее съ мѣста, то петля освобождается, дерево выпрямляется и подымаетъ животное на воздухъ. Животное ловится ради его мускуса (сянъ-цзи-цзы). Лѣтъ двадцать тому назадъ китайцы добывали ежегодно отъ 25000 до 30000 кабарожьихъ струй. Такъ какъ мускусные пупки имѣются только у самцовъ, то надо считать, что въ лудевахъ безполезно погибало столько-же и матокъ. Вслѣдствіе такого массоваго истребленія кабарги промыселъ этотъ въ настоящее время значительно сократился. Скупщики кабарожьяго мускуса говорятъ, что теперь изъ всего Уссурійскаго Края имъ удается собрать не болѣе 2500—3000 струй. Раньше одинъ кабарожій пупокъ съ мускусомъ цѣнился отъ 1 р. 50 коп. до 2-хъ рублей, въ послѣдніе годы цѣна возросла уже до 6 руб. за штуку.

Древесные (дубовые) студенистые грибы изъ семейства Tremellinaceae (китайское названіе му-эръ). Въ восьмидесятыхъ годахъ грибнымъ промысломъ занимались девять фанзъ въ Ханкайскомъ округѣ, откуда вывозилось сухихъ грибовъ около 400 пудовъ ежегодно.*) Дѣятельность китайцевъ въ другихъ округахъ въ этомъ направленіи неизвѣстна. Въ то время одинъ пудъ сухого продукта цѣнился около 12 руб. Грибы эти собирались съ молодого дубоваго валежника. Поваленное дерево въ первый и второй годы не даетъ грибовъ вовсе, на третій и четвертый годъ грибы начинаютъ появляться, но мало. Самый расцвѣтъ роста грибовъ будетъ на пятомъ и шестомъ году. Послѣ этого дубъ начинаетъ гнить и распадаться. На рухлякѣ хотя и появляются еще грибы, но

*) Надаровъ. Сѣверо-Уссур. Край, страниц. 131.

мелкіе и невкусные. Древесные грибы растутъ только въ дождливое время года. Ради нихъ въ прежнее время манзы валили на землю цѣлыя дубовыя рощи. Въ 1881—1895 г. центромъ промысла была область Засучанья, гдѣ имѣлись спеціальныя грибныя фанзы съ горячими канами для сушки грибовъ. Когда грибы просыхали настолько, что ихъ можно было брать руками, ихъ выносили наружу и сушили на вѣтру и на солнцѣ.

Г. Надаровъ отрицаетъ существованіе грибного промысла въ Уссурійскомъ Краѣ*). Онъ ошибается. Промыселъ этотъ былъ и существуетъ по сіе время, хотя уже и не въ такихъ большихъ размѣрахъ. Китайцы продолжаютъ и теперь еще валить деревья на землю и собирать съ нихъ грибы. Это я видѣлъ въ 1903 и въ 1910 г. на р. Судзухэ.

Съ 1895 по 1900 г.г. изъ Зауссурійскаго Края ежегодно среднимъ числомъ вывозилось около 2000 пуд. сухого продукта. Въ то время онъ стоилъ 15—20 коп. фунтъ. Затѣмъ въ 1906 году цѣна на грибы поднялась до 50 коп. на мѣстѣ и до 1 р. 50 коп. фунтъ въ Китаѣ, какая и держится тамъ по сіе время.

Манзы, занимающіеся грибнымъ промысломъ, большею частью занимаются вмѣстѣ съ тѣмъ и сборами лишая.

Каменный лишай (изъ группы Parmeliaceae. По китайски ши-хуй-пи, т. е. каменная кожа) собирается на скалахъ со стороны подверженной дождямъ и туманамъ. Сѣверной границей сбора лишайника будетъ р. Иманъ и низовья Бикина, но, главнымъ образомъ, добывается онъ въ Зауссурійскомъ Краѣ на берегу моря. Ежегодный вывозъ за границу около 2500 пудовъ. Въ Китаѣ продается по 7 коп. фунтъ.

Корни Astragalus membranoceus (хуанъ-чинъ) выкапываются въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ изъ земли по долинамъ рѣкъ. Употребляются въ медицинѣ. Въ Уссурійскомъ Краѣ корни продаются по 20 руб. пудъ, въ Китаѣ цѣна повышается втрое и доходитъ иногда до 70 руб. пудъ. Одинъ ланъ сухого корня стоитъ 1 р. 50 коп. Во всей странѣ манзы

*) Надаровъ. Сѣверно-Уссурійскій Край. 1887 г. стр. 101.
Его-же. Матеріалы по изученію Уссурійскаго Края. 1887 г. стр. 142.

искатели выкапываютъ и отправляютъ за границу астрагала около 2000 пудовъ.

Жемчугъ (Ракушники, относящіеся къ безсифоннымъ — Asiphoniata-Mytilidae. Кит. назв. Чжу) добывается въ Уссурійскомъ Краѣ по р.р. Бикину, Иману, Ваку, Ното, Даубихэ, Улахэ, Фудину и въ Маньчжуріи по р.р. Муреню, Нору, Мудадзяну и Сунгари. Любимымъ мѣстомъ жемчужныхъ раковинъ будутъ тинистыя глубокія протоки въ тайгѣ, гдѣ нѣтъ вблизи человѣческаго жилища. Добыча жемчуга производится водолазами. Держась за шестъ, упертый однимъ концомъ въ дно рѣки, китаецъ спускается по немъ въ воду и тамъ спѣшно собираетъ раковины столько времени, сколько позволяетъ ему дыханіе. Вслѣдствіе низкой температуры воды въ рѣкахъ китайцы на эту работу идутъ крайне неохотно. Изъ пятидесяти добытыхъ раковинъ приблизительно одна бываетъ съ жемчугомъ. Опытный водолазъ въ лѣтній сезонъ можетъ добыть до 120 жемчужинъ. По величинѣ своей жемчугъ дѣлится на три группы: мелкій, средній и крупный.

Китайцы говорятъ, что въ Уссурійскомъ Краѣ раньше они ежегодно добывали до 5000 жемчужинъ, изъ числа которыхъ около сотни было среднихъ и штукъ двадцать крупныхъ. Жемчугъ продавался по вѣсу, одинъ ланъ стоилъ десять рублей. На ланъ приходится около 40 мелкихъ жемчужинъ. Жемчугъ средней величины стоитъ отъ 30 до 50 руб. а крупный отъ 150 до 200 рублей каждое зерно. Самый цѣнный жемчугъ добывается на рѣкѣ Сунгари. Тамъ встрѣчаются зерна, которыя достигаютъ стоимости до 500 рублей и болѣе. По мѣрѣ заселенія Края русскими жемчужный промыселъ началъ быстро падать и почти уже сошелъ на нѣтъ.

Трепанги (Holothuria edulis. Китайское названіе хайшень) ловятся у береговъ въ закрытыхъ бухтахъ и заливахъ, сообщающихся съ моремъ. Въ Китаѣ трепанговъ совсѣмъ нѣтъ, они тамъ давно уже всѣ выловлены. Бухта Мэа (во Владивостокѣ) изстари славилась, какъ лучшее мѣсто трепангового промысла. Трепанги ловятся съ „шанпунокъ“*) драгами и особаго рода четырехзубными острогами. Въ тихую погоду, когда въ бухтахъ нѣтъ волненія, китайцы выѣзжаютъ на про-

*) Мѣстное названіе китайскихъ промысловыхъ лодокъ.

мыселъ. Обыкновенно въ каждой лодкѣ сидятъ два или три человѣка. Одинъ управляетъ шанпункой, другой—занимается ловлей. Для этого употребляется небольшой открытый деревянный ящикъ со стекляннымъ дномъ, который опускается прямо на воду. Нагнувшись къ борту лодки, китаецъ черезъ стекло разсматриваетъ дно моря. Найденныхъ трепанговъ сейчасъ-же достаютъ острогою.

Въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія у береговъ Уссурійскаго Края ежегодно этимъ промысломъ занималось до 1000 лодокъ. Суточный уловъ одной лодки въ среднемъ около 120 трепанговъ, что даетъ 6 фунтовъ сухого продукта. Пойманныхъ голотурій тотчасъ же потрошатъ и варятъ въ котлахъ. Послѣ варки трепанги значительно уменьшаются въ объемѣ, затѣмъ имъ даютъ остынуть, пересыпаютъ толченымъ древеснымъ углемъ и оставляютъ сохнуть на солнцѣ. Одинъ фунтъ сухихъ трепанговъ на мѣстѣ стоитъ 70 копѣекъ, въ Чифу—около полутора рублей. Въ послѣднее время въ Уссурійскомъ Краѣ цѣна на трепанговъ возрасла до 1 р. 20 коп. и соотвѣтственно этому поднялась и въ Китаѣ.

Морская капуста (Laminaria Saccharina—по китайски хайцай), какъ и трепанги эти слоевцовыя водоросли въ Китаѣ выловлены совершенно. Добыча капусты производится только у береговъ Уссурійскаго Края и на островѣ Сахалинѣ.

По статистикѣ г. Надарова «въ 1880 году ловъ морской капусты производился въ Аввакумовскомъ округѣ, гдѣ имѣлось 40 фанзъ, въ Сучанскомъ округѣ—20 фанзъ и въ Суйфунскомъ—двѣ фанзы. Всего слѣдовательно тогда было 62 промысловыхъ фанзы»*).

Съ 1900 по 1907 г. капустоловы ютились по всему русскому побережью отъ бухты Терней къ югу до зал. Св. Ольги и далѣе до Владивостока и Посьета.

Китайцы капустоловы удивительно умѣли прятать свои фанзы. Они устраивали ихъ изъ плитняковаго камня и плавниковаго лѣса, гдѣ нибудь подъ берегомъ, въ ущельѣ, среди скалъ, въ такихъ мѣстахъ, чтобы ихъ не было видно ни со стороны моря, ни со стороны суши. Сколько разъ мнѣ при-

*) Надаровъ. Тамъ-же, страниц. 131-ая.

ходилось идти намывною полосой прибоя и открывать присутствіе этихъ фанзъ только тогда, когда я подходилъ къ нимъ вплотную.

Въ описываемые годы на побережьѣ моря капустоловныхъ манзовскихъ фанзъ было 158 и по раіонамъ онѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

№№.	Р А І О Н Ы.	Число фанзъ
1	Отъ бухты Терней до зал. св. Владиміра .	11
2	Въ раіонѣ зал. св. Владиміра и зал. св. Ольги	22
3	Отъ зал. св. Ольги до устья р. Судзухэ .	56
4	Отъ устья р. Судзухэ до г. Владивостока	45
5	Отъ г. Владивостока до зал. Посьета . .	24
	Итого . . .	158

Морская капуста достается со дна моря особыми крючьями (хэй-цай-куу-цза) и сушится на солнцѣ и вѣтру на прибрежной галькѣ. Капуста, выброшенная волненіемъ на берегъ, собирается также, если слоевища ея не очень изорваны. Очень важно, чтобы во время сушки капуста не попала бы подъ дождь, иначе она почернѣетъ. Самая дорогая капуста та, которая сохранила свой естественный буро-зеленый цвѣтъ. Когда капуста высохла настолько, что она уже портиться не будетъ, но въ то-же время осталась гибкой и не ломкой, ее связываютъ пучками и складываютъ въ особые амбары, сдѣланные изъ буреломнаго лѣса и крытые сухой травою. Надо умѣть связывать капусту въ пучки китайскимъ способомъ. Небрежно связанная, она имѣетъ безобразный видъ и, несмотря на свое хорошее качество, цѣнится значительно дешевле.

Одна промысловая фанзочка въ теченіе лѣта добываетъ морской капусты отъ 500 до 1500 пучковъ, въ зависимости отъ числа рабочихъ. Одинъ пучекъ вѣситъ отъ 30 фун. до 1 пуда и продается на мѣстѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 коп. связка. Въ Китаѣ капуста продается по 6—8 коп. фунтъ. Въ послѣдніе годы цѣна на нее поднялась до 12—15 рублей пудъ.

Морскіе крабы (Cancer pagurus.—По китайски „да-сѣцзы"). Животныя ловятся сѣтями, главнымъ образомъ раннею весною и осенью, когда они идутъ къ берегамъ метать икру. Въ 1906—1910 г.г. въ Уссурійскомъ Краѣ крабныхъ промысловыхъ фанзъ насчитывалось 68. Въ каждой фанзѣ—три, четыре лодки. Суточный уловъ одной фанзы въ среднемъ до 500 штукъ. Крабовъ убиваютъ большими ножами, прокалывая имъ спину, отчего они становятся вялыми, мало подвижными и не разбѣгаются въ стороны. Сначала крабовъ варятъ въ котлахъ, затѣмъ мясо ихъ очищается отъ панцырной оболочки и для просушки на солнцѣ раскладывается на цыновки, сплетенныя изъ тонкихъ прутьевъ. Цыновки эти поставлены на деревянныя стойки на высотѣ 3 футъ отъ земли. Во Владивостокѣ цѣна на крабовъ сперва стояла 6 р. пудъ, а теперь поднялась болѣе чѣмъ вдвое.

Гарнель-чиримсы (Crangon vulgaris.—Китайское названіе „хія-цзянъ"). Весной въ маѣ мѣсяцѣ рачки эти въ массѣ ловятся на берегу моря около устьевъ рѣкъ. Мясо ихъ сперва солятъ и сушатъ, затѣмъ квасятъ въ глиняныхъ кувшинахъ до тѣхъ поръ, пока не получится изъ него жидкая масса темно фіолетоваго цвѣта, употребляемая рабочимъ пролетаріатомъ, какъ соя. Въ Китаѣ одинъ фунтъ этой сои стоитъ 5 коп.

Большой гребешокъ (Pecten maximus.—Китайское названіе „кэ-ла"). Молюски эти во множествѣ собираются на берегу моря и въ водѣ въ полосѣ мелководья. Китайцы употребляютъ въ пищу развитой мускулъ, скрѣпляющій створки раковинъ, который они извлекаютъ варенiемъ молюска. Когда животное умираетъ, раковина раскрывается сама собой, мускулъ становится мягкимъ и его можно тогда отдѣлить ножемъ. Высушенный, онъ вновь становится плотнымъ, принимаетъ желтоватый цвѣтъ и имѣетъ форму призмы величиною въ три четверти дюйма и толщиною въ полдюйма. Въ Китаѣ продается по 3 р. фунтъ. Количество вывозимаго продукта неизвѣстно.

Ракушникъ съѣдобный (Mytilus edulis.—Китайское названіе „хэй-хунъ"), распространеннѣйшая форма около береговъ Японскаго моря. Нѣжное мясо его даетъ вкусный и ароматный

отваръ. Китайцы ѣдятъ его очень охотно. Обыкновенно ракушникъ собирается зимою и въ замороженомъ видѣ вывозится въ Маньчжурію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ зимній экспортъ этого продукта равнялся приблизительно 3000—4000 пудамъ. По мѣрѣ заселенія береговъ залива Петра Великаго русскими промыселъ этотъ все болѣе и болѣе сокращался и теперь едва-ли онъ достигаетъ 100—150 пудовъ. Одна сотня ракушника стоитъ на мѣстѣ 1 р. 10—1 р. 20 коп.

Китайская страна земледѣльческая. Всюду, гдѣ только есть земля хоть мало-мальски годная для обработки, она вся использована подъ пашни и огороды, будь то хоть на скалахъ или на крутыхъ склонахъ горъ. Всѣ дикія мѣста у нихъ превращены въ пажити и нивы. Зато въ другомъ отношеніи страна ихъ безжизненна и пустынна. Китайцы уничтожили все живое. Остались однѣ только собаки и крысы. Даже въ морѣ, и тамъ они ухитрились уничтожить всю морскую капусту, выловить всѣхъ трепанговъ и всѣхъ съѣдобныхъ молюсковъ.

Богатую Маньчжурію съ открытіемъ ея для китайской колонизаціи ожидаетъ та-же участь. То же самое слѣдуетъ сказать и про Уссурійскій Край. Они нашли здѣсь для себя многомилліонные заработки. Китайцы говорятъ: *„Зачѣмъ копать изъ глубины земли руды, когда огромныя богатства разбросаны по поверхности, стоитъ только подбирать ихъ и не лѣниться нагибаться“*. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ золота никакихъ рудъ китайцы здѣсь не разрабатывали, они все свое вниманіе обратили на звѣроловство, соболеванье и морскіе промыслы.

Искатели жень-шеня.

Самымъ оригинальнымъ промысломъ въ Уссурійскомъ Краѣ будетъ жень-шеневый. Я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе.

Жень-шень (Panax Ginseng) относится къ семейству Araliaceae, растетъ отчасти въ сѣверной Кореѣ и въ восточной Маньчжуріи, но главнымъ образомъ въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ давно не было лѣсныхъ

пожаровъ. Сѣверной границей его распространенія является р. Хоръ (притокъ Уссури) и рѣка Санхобэ (бухта Терней) на берегу моря (Смотр. схему въ концѣ книги). Самымъ близкимъ родственникомъ жень-шеня будетъ Eleuterococcus senticosus-Maxim. Это колючее полукустарниковое растеніе, превышающее ростъ человѣка, называется русскими „чортово дерево". Какъ наиболѣе сильное, оно совершенно вытѣснило жень-шень. Вотъ почему послѣдній растетъ только тамъ, гдѣ нѣтъ Eleuterococcus'a. Листья жень-шеня такіе же, какъ и у „чортова дерева" пятипальчатые, расположенные такъ же, какъ располагаются пальцы раскрытой руки человѣка. Средній листъ длиннѣе другихъ и самые крайніе будутъ самыми короткими. Отъ листьевъ Eleuterococcus'a листья жень-шеня отличаются тѣмъ, что они гладкіе, черешки ихъ не имѣютъ иглъ, края ихъ мало зазубрены. Растеніе цвѣтетъ въ августѣ. Цвѣты мелкіе, немного розоватые. Снѣжно бѣлые цвѣты встрѣчаются крайне рѣдко.

Жень-шень—растеніе реликтовое и потому чрезвычайно капризное. Достаточно малѣйшаго нарушенія условій, благопріятныхъ для его произрастанія, чтобы оно погибло. Иногда безъ всякаго видимаго повода корень вдругъ какъ бы замираетъ и въ теченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ не даетъ ростка.

Самое большое зло—это лѣсные пожары. Съ исчезновеніемъ лѣсовъ пропадаетъ и жень-шень. Раньше Уссурійскій Край былъ, такъ сказать, центромъ жень-шеневаго промысла, но съ тѣхъ поръ, какъ въ Краѣ появились русскіе переселенцы (1906—1910 г.г.), началось сплошное уничтоженіе лѣсовъ пожарами и потому теперь всю страну въ этомъ отношеніи можно считать обезцѣненной.

Китайцы судятъ о величинѣ корня по числу листьевъ. Сперва жень-шень даетъ два маленькихъ трехпалыхъ прикорневыхъ листка, которые, впрочемъ, скоро увядаютъ и тогда уже появляются настоящіе пятипалые листья. Обыкновенно растеніе даетъ 3—4 листа, пять-шесть листьевъ—явленіе уже рѣдкое. До сихъ поръ никто еще не находилъ жень-шень болѣе чѣмъ съ семью листьями. Самый большой жень-шень достигаетъ до пояса человѣка и имѣетъ стебель толщиною въ сантиметръ.

Дикій жень-шень въ началѣ своего роста. Первые листья трехпалые. Лѣвый—полный листъ.

La plante gène—chène (Panax Ginseng) au début de son développement.

(Стр. 122).

Самый цѣнный жень-жень растетъ въ долинѣ р. Ваку (бассейнъ р. Имана); корень его чистый, мочки короткія. Прибрежный жень-шень мочковатый и потому цѣнится дешевле. Китайцы обладаютъ удивительной способностью съ перваго взгляда опредѣлять качество корня и сразу сказать, гдѣ онъ росъ—на берегу моря или въ бассейнѣ Уссури. Опредѣленной цѣны на жень-шень нѣтъ. Она колеблется отъ нѣсколькихъ рублей до нѣсколькихъ тысячъ. Двадцать корней примѣрно стоятъ отъ 500 до 2000 руб. Цѣна на жень-шень зависитъ отъ мѣста, гдѣ корень найденъ, отъ того, насколько онъ мочковатъ, отъ его величины и отъ того, насколько онъ похожъ на человѣка. Жень-шень всегда въ цѣнѣ, потому что спросъ на него превышаетъ количество, имѣющееся на рынкѣ. Ежегодно въ Уссурійскомъ Краѣ этимъ промысломъ занимаются около 30000 челов. китайцевъ—они добываютъ около 4000 корней.

Одинъ фунтъ жень-шеня стоитъ 250—270 руб. Лѣтъ двадцать тому назадъ китайцы вывозили отсюда жень-шеневыхъ корней около 50 пудовъ на 550000 руб. Въ настоящее время, какъ я уже сказалъ выше, вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ, промыселъ этотъ упалъ до 3—4 пудовъ. И можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ онъ совсѣмъ прекратится.

У китайцевъ есть множество легендъ о происхожденіи жень-шеня. Вотъ та, которую чаще всего можно услышать въ Уссурійскомъ Краѣ.

Жень-шень—это корень, который есть только одинъ на всей землѣ. Онъ обладаетъ удивительной способностью превращаться и въ человѣка, и въ тигра, и въ птицу, и во всякое другое животное. Поэтому его никто никогда найти не можетъ. Если человѣкъ увидалъ въ лѣсу какого нибудь звѣря, какое нибудь растеніе или даже неодушевленный предметъ, наприм., камень, и сильно его испугался и, если этотъ предметъ тотчасъ же пропалъ изъ глазъ—это былъ жень-шень. Тогда надо молиться, запомнить это мѣсто и въ будущемъ году прійти сюда за корнемъ.

Раньше жень-шень жилъ въ Китаѣ и никто не зналъ о его существованіи. Но вотъ великій пророкъ Ляо-цзы открылъ его цѣлебную силу и указалъ людямъ его примѣты.

Жень-шень бѣжалъ къ сѣверу въ гористыя страны. Ученый Лао-Хань-Ванъ (князь старыхъ китайцевъ) при посредствѣ другихъ цѣлебныхъ травъ открылъ его мѣсто нахожденія. Тогда жень-шень скрылся въ Уссурійскій Край... Прошло много вѣковъ... И вотъ три брата Вангангэ, Касавонъ и Ліу-у пошли къ берегамъ Великаго океана искать этотъ чудодѣйственный корень. Тамъ они заблудились и погибли. Съ тѣхъ поръ души ихъ бродятъ по тайгѣ и перекликаются между собой. Каждый жень-шеньщикъ, если услышитъ эти стоны и крики, никогда не пойдетъ въ ихъ направленіи и непремѣнно свернетъ въ сторону, а если онъ рискнетъ туда идти, то ничего не найдетъ и навѣрное заблудится*).

Чтобы спастись отъ преслѣдованія людей, жень-шень наплодилъ множество корней себѣ подобныхъ—„панъ-цуй“, какъ говорятъ китайцы**). Вотъ почему такой „панъ-цуй“, чѣмъ ближе онъ будетъ къ истинному жень-шеню, тѣмъ больше онъ похожъ на человѣка, тѣмъ больше онъ размѣрами, сильнѣе въ немъ сила и тѣмъ дороже онъ цѣнится.

Не разъ слыша эту легенду, я сопоставлялъ ее съ цѣлымъ сонмомъ символическихъ легендъ, существующихъ съ незапамятныхъ временъ у человѣчества о жизненномъ элексирѣ. Идея одна и та-же!

Другая легенда говоритъ такъ: Въ восточной Маньчжуріи, въ горахъ Нанганъ-Шаня жили два знаменитыхъ рода Си-лянь и Лянъ-серлъ, вѣчно враждующихъ между собою. Представителемъ рода Си-лянъ былъ знаменитый воинъ Жень-Шень; онъ защищалъ слабыхъ, угнетенныхъ, отличался удивительною храбростью, былъ справедливъ и великодушенъ. Онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ всѣ душевныя ихъ богатства.

Сон-ши-хо изъ рода Лянъ-серлъ былъ рѣдкой красоты мужчина, смѣлый и энергичный. Онъ сдѣлался хунхузомъ, собралъ толпу разбойниковъ и съ ними совершалъ нападенія на сосѣдей. Жень-Шень давно собирался усмирить Санъ-ши-хо, но жизненные пути ихъ нигдѣ не встрѣчались. Но вотъ

*) Крики эти принадлежатъ ночной карликовой совѣ (Strigidae-Pisorthina). Гольды называютъ эту птицу Тонто. Она сѣраго цвѣта и съ ушами какъ у филина. Съ наступленіемъ холодныхъ августовскихъ ночей крики ея прекращаются.

**) Пекинское нарѣчіе Панъ-чуй.

Сон-ши-хо вздумалъ самъ напасть на Жень-Шеня. Судьба покровительствовала послѣднему. Сон-ши-хо былъ взятъ въ плѣнъ, закованъ въ цѣпи и посаженъ въ глубокую яму. Долго томился Сон-ши-хо въ заточеніи и, вѣроятно, погибъ бы, если бы ему на помощь не пришла красавица Ляо, сестра Жень-Шеня. Ляо влюбилась въ разбойника, освободила его изъ ямы и убѣжала съ нимъ изъ дома брата. Какъ только Жень-Шень узналъ объ этомъ, онъ бросился за Сон-ши-хо въ погоню и скоро догналъ его въ дикомъ ущельѣ Сяо-ли-фаня. Услышавъ за собой погоню, Ляо спряталась въ кусты, а Сон-ши-хо приготовился къ единоборству. Оба врага вступили въ страшный бой. Силенъ былъ Сон-ши-хо, но искусенъ и ловокъ былъ Жень-Шень. Онъ нанесъ Сон-ши-хо смертельный ударъ въ грудь. Въ это время Ляо окликнула брата. Жень-Шень обернулся и это его погубило. Собравъ остатокъ своихъ силъ, Сон-ши-хо глубоко въ горло Жень-Шеню вонзилъ свой острый мечъ. И Жень-Шень и Сон-ши-хо оба пали мертвыми. Долго оплакивала красавица Ляо своего возлюбленнаго и своего брата; плакала она до тѣхъ поръ, пока не завяла красота ея и пока сама она не засохла такъ же, какъ засыхаетъ растеніе, а на томъ мѣстѣ, гдѣ падали ея горючія слезы, вдругъ выросло удивительное растеніе „жень-шень“—источникъ жизни.

Другіе китайцы говорятъ, что жень-шень зарождается изъ молніи: вверху за облаками царство духовъ, владѣющихъ всѣми силами природы и посылающихъ на землю дожди, громъ и молнію—огонь и воду. Эти двѣ стихіи есть два начала жизни: добро и зло, свѣтъ и тьма, огонь и вода, движеніе и покой находятся въ вѣчной враждѣ между собою и эта вражда создала гармонію. Если въ то мѣсто, гдѣ изъ земли бьетъ холодный источникъ, дающій чистую, прозрачную воду, ударитъ молнія, источникъ изсякаетъ, а могучая сила небеснаго огня превращается въ другую, чудесную силу—въ жень-шень. Здѣсь появляется растеніе жизни*).

Ежегодно въ теченіе всего лѣта, приблизительно съ начала іюня, китайцы-искатели жень-шеня отправляются въ тай-

*) Кромѣ этихъ легендъ, существуютъ и другія (смотр. Врадій (В. П.) „Китайскія легенды о корнѣ жень-шень (человѣкъ-корень)“. С.-Петербургъ, 1909 г.

гу за дорогимъ корнемъ. Идутъ они въ одиночку, часто безо всякаго оружія, съ одною только молитвой и съ твердою вѣрой, что духи горъ и лѣсовъ окажутъ имъ свое покровительство.

Отличительный признакъ этихъ искателей—промазанный передникъ для защиты одежды отъ росы, длинная палка для разгребанія листвы и травы подъ ногами,—деревянный браслетъ на лѣвой рукѣ и барсучья шкурка, привязанная сзади на поясѣ. Шкурка эта позволяетъ китайцу садиться на землю и на буреломъ, поросшій сырымъ мхомъ, безъ опасенія промочить одежду.

Надо удивляться выносливости и терпѣнію китайцевъ. Я нѣсколько разъ видѣлъ жень-шеньщиковъ. Въ лохмотьяхъ, полуголодные и истомленные, они идутъ безъ всякихъ дорогъ цѣлиною. Все время они надламываютъ кусты или кладутъ мохъ и сухую траву на сучки деревьевъ. Это условные знаки, чтобы другой человѣкъ не шелъ бы по этому слѣду, потому что мѣсто это осмотрѣно и дѣлать здѣсь нечего.

Сколько ихъ погибло отъ голода, сколько заблудилось и пропало безъ вѣсти, сколько было растерзано дикими звѣрями, и все-таки, чѣмъ больше лишеній, чѣмъ больше опасностей, чѣмъ угрюмѣе и непривѣтливѣе горы, чѣмъ глуше тайга и чѣмъ больше слѣдовъ тигровъ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ идетъ китаецъ искатель! Онъ убѣжденъ, онъ вѣритъ, что всѣ эти страхи только для того, чтобы напугать человѣка и отогнать его отъ того мѣста, гдѣ растетъ дорогой пан-цуй*).

Тутъ, гдѣ-нибудь въ ущельѣ, въ тѣни, куда никогда не заглядываетъ солнце, растетъ этотъ удивительный корень жизни, возвращающій истомленному старческому тѣлу бодрость и исцѣляющій всѣ недуги.

Только чистый непорочный человѣкъ можетъ найти пан-цуй; это недоступно для человѣка, ведшаго ранѣе жизнь без-

*) Послѣднее время появились новые искатели корня—это уже ремесленники, простые манзы рабочіе, отправляемые въ тайгу китайцами купцами (цай-дунами). Манзы эти собираются небольшими партіями по 5—10 ч. и идутъ цѣпью, въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы въ сторону хорошо были видны всѣ травы. Они не знаютъ примѣтъ жень-шеня, они не знаютъ какъ онъ растетъ, они просто бродятъ по тайгѣ до тѣхъ поръ, пока случайно на него не наткнутся.

Искатель жень-шеня съ молитвой пьетъ настойку корня передъ отправленіемъ въ дорогу.

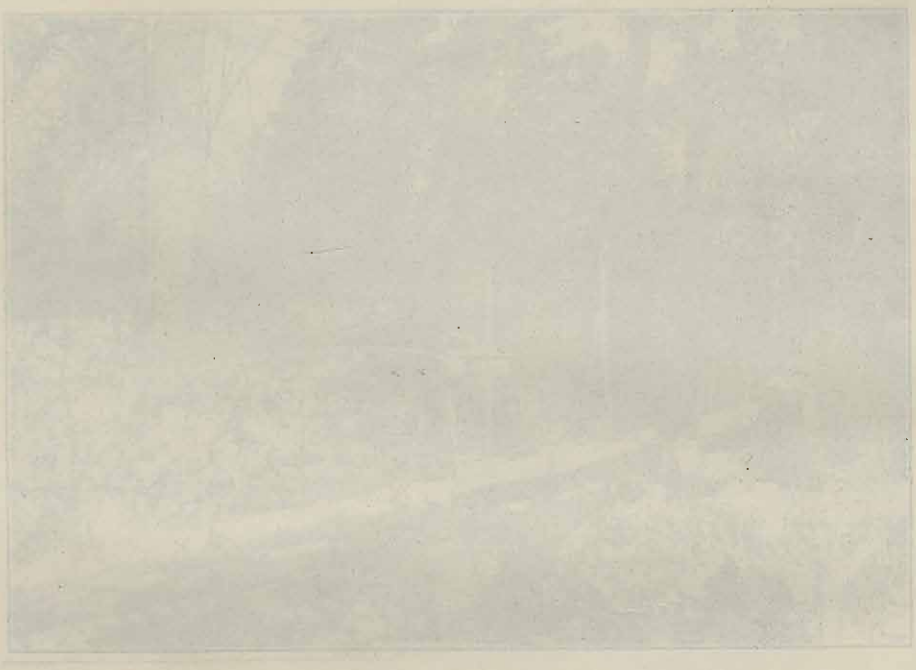
Chinois buvant une infusion de gène-chène avant de se mettre en route à la recherche de la plante.

(Стр. 126).

Кумирня искателей жень-шеня. Передъ кумирней на колѣняхъ стоитъ таза (орочъ ассимилированный китайцами).

Idole des chercheurs de gene-chene. Devant l'idole se tient à genoux un taze (orotch assimilé par les chinois).

(Стр. 127).



нравственную, это недоступно для того, кто постоянно причинялъ людямъ зло и обиды. Въ мгновеніе ока растеніе исчезнетъ, корень глубоко уйдетъ въ землю, гора, гдѣ росъ жень-шень, начинаетъ стонать и колебаться и изъ зарослей выходитъ грозный охранитель лѣсовъ—тигръ.

Завидѣвъ жень-шень, манза-искатель кидаетъ въ сторону отъ себя палку и, закрывъ глаза рукою, съ крикомъ бросается ницъ на землю:

«*Шан-цуй, не уходи*,—кричитъ онъ громкимъ голосомъ. *Я чистый человѣкъ, я душу свою освободилъ отъ грѣховъ, сердце мое открыто и нѣтъ худыхъ помышленій*».

Только послѣ этихъ словъ китаецъ рѣшается открыть глаза и посмотрѣть на растеніе.

На всѣхъ дорогахъ, идущихъ черезъ горы, на самыхъ перевалахъ, всюду можно видѣть маленькія кумирни, сложенныя изъ дикаго камня, съ изображеніями боговъ (хуа). Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями жень-шеня. Тутъ-же гдѣ-нибудь поблизости повѣшены на деревѣ лоскутки краснаго кумача съ надписями, сдѣланными тушью, слѣдующаго содержанія: «*Господину истинному духу горъ, охраняющему лѣса. Моя радость сверкаетъ, какъ чешуя у рыбы и красивое оперенiе феникса. Владыкѣ горъ и лѣсовъ, охраняющему приростъ и богатства. Если просятъ, непремѣнно обѣщай—просящему нѣтъ отказа*».

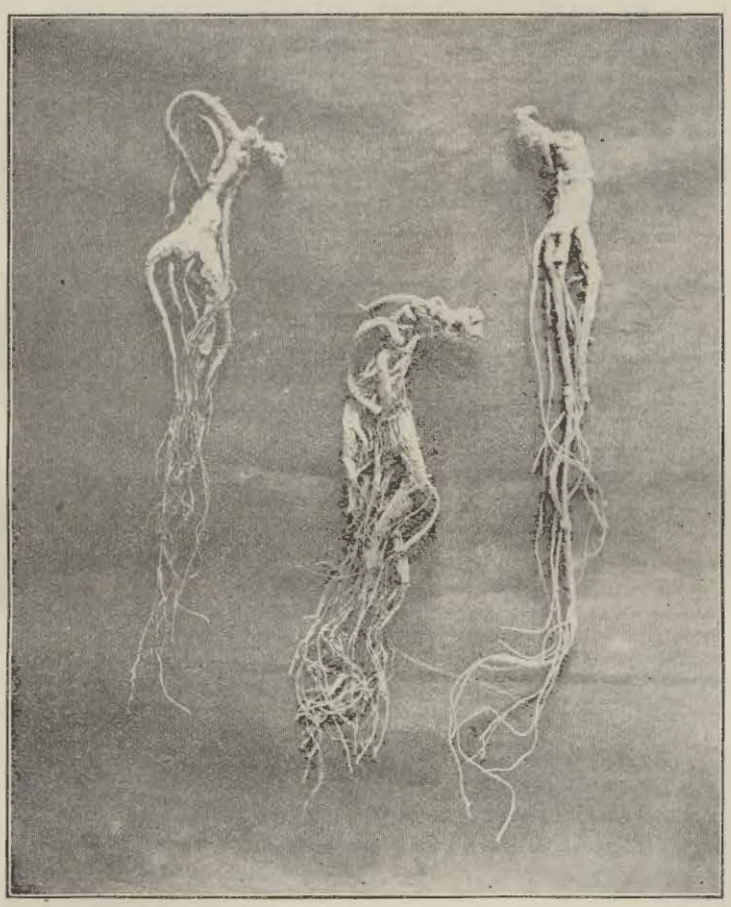
Мѣсто, гдѣ найденъ корень, тщательно изучается во всѣхъ отношеніяхъ. Китаецъ приглядывается къ топографіи мѣстности, къ составу горныхъ породъ, къ почвѣ и внимательно изучаетъ сообщество травянистыхъ, кустарниковыхъ и древесныхъ растеній. Отъ его вниманія не ускользнетъ и положеніе мѣста по отношенію къ солнцу и по отношенію къ господствующему вѣтру Осмотрѣвшись кругомъ, китаецъ становится на колѣни, разбираетъ траву руками и самымъ тщательнымъ образомъ осматриваетъ растеніе. Возможно, что найденный жень-шень нѣсколько лѣтъ тому назадъ опылился и далъ сѣмена—плоды его осыпались и могли дать ростки. Убѣдившись, что жень-шень растетъ только одинъ, и что рядомъ нѣтъ другихъ такихъ же растеній, китаецъ осторожно раскапываетъ землю, чуть чуть

оголяетъ жень-шень и осматриваетъ его. По морщинкамъ и рубчикамъ на немъ онъ опредѣляетъ его достоинство. Если, по мнѣнію жень-шеньщика, корень еще невеликъ, онъ оставляетъ его расти до будущаго года. Въ этомъ случаѣ онъ всячески старается привести все въ прежній порядокъ. Корень вновь засыпается землей, примятая трава поправляется и, если есть вблизи ручей, то поливается водою, чтобы она не завяла. Если пан-цуй найденъ въ періодѣ цвѣтенія или созрѣванія сѣмянъ, то ему даютъ отцвѣсти и осыпать плоды на землю въ той надеждѣ, что здѣсь со временемъ вырастутъ другія такія же растенія. Иногда сѣмена собираются и переносятся для посадки поближе къ фанзѣ. Самый жень-шень обтыкается кругомъ тоненькими палочками.—Это знакъ, что корень этотъ уже найденъ человѣкомъ и представляетъ его собственность. Другой китаецъ, нашедшій такой обтыканный палочками жень-шень, ни за что его не тронетъ. Дѣлается это не изъ страха отвѣтственности, не изъ суевѣрія. Здѣсь тоже сказывается вниманіе къ чужому интересу, уваженіе къ чужой собственности.

Когда пришло время, жень-шень выкапывается со всѣми предосторожностями. Важно, чтобы не оборвать длинныя мочки, идущія отъ корня глубоко въ землю. Самое выкапываніе производится особыми костяными палочками (китайское названіе панъ-цуй-цянь-цзы), длиною въ 6 дюймовъ. Жень-шеньщики носятъ ихъ на поясѣ вмѣстѣ съ складными кривыми ножами. Ножи эти предназначаются для мѣтокъ во время пути и для очищенія мѣста вокругъ жень-шеня отъ сорной травы и кустарниковой поросли.

Извлеченный корень сохраняется въ той землѣ, въ которой онъ росъ. Вмѣстѣ съ землей его обертываютъ мхомъ и заключаютъ въ берестяную коробку.

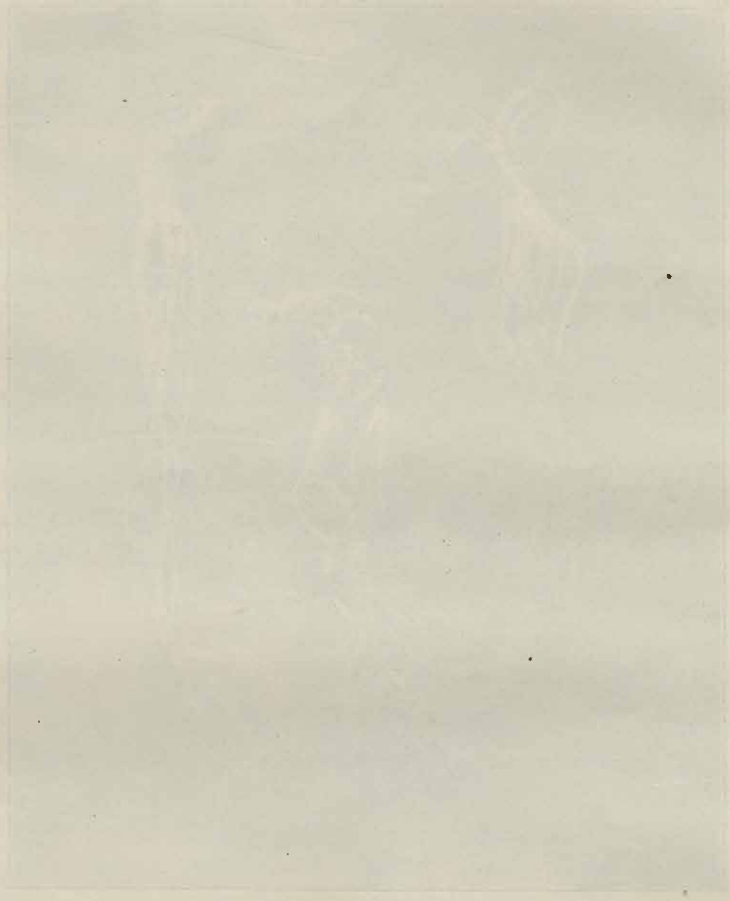
Чтобы не потерять мѣсто, гдѣ находится корень, въ томъ случаѣ, если онъ на другой годъ не дастъ роста, китайцы отмѣчаютъ его оригинальнымъ способомъ. Копать землю нельзя, оставить сигналы или дѣлать такія замѣтки, которыя бросились бы въ глаза всякому прохожему—нежелательно. Они поступаютъ такъ: выбравъ какое нибудь дерево, растущее поблизости, китаецъ дѣлаетъ на немъ затеску. Затѣмъ, онъ



КОРНИ ДИКАГО ЖЕНЬ-ШЕНЯ.

Racines de la plante gène—chène (Panax Ginseng).

(Стр. 128).



точно измѣряетъ растояніе отъ дерева до жень-шеня и настолько же продолжаетъ линію дальше за жень-шень, гдѣ и кладетъ камень средней величины или вбиваетъ деревянный колъ такъ, чтобы онъ чуть-чуть только торчалъ изъ земли. Такимъ образомъ выходитъ, что половина линіи отъ камня до дерева будетъ какъ разъ та точка, гдѣ находится пан-цуй.

Дороговизна жень-шеня заставила китайцевъ заняться искусственнымъ его разведеніемъ. Но искусственно выращенный пан-цуй не имѣетъ той силы, какую имѣетъ дикій. Поэтому цѣна на домашній жень-шень стоитъ низкая и колеблется отъ 6 до 12 р. фунтъ.

Для искусственнаго выращиванія жень-шеня надо брать непремѣнно сѣмена свѣжія; лежалыя сѣмена скоро утрачиваютъ жизненную силу. Передъ посадкой, недѣли за двѣ, сѣмена кладутъ въ сырую землю и держатъ ихъ въ температурѣ приблизительно отъ 1° до 6° С. Въ мартѣ мѣсяцѣ приготовляется мѣсто для посадки. Для этого роютъ яму глубиною отъ 1 до 2 аршинъ и насыпаютъ ее самою лучшею черноземною землею, которую предварительно передъ этимъ перебираютъ руками и просѣваютъ черезъ сито. Когда земля готова, въ нее сажаютъ сѣмена на глубину 3-хъ вершковъ и сверху немного посыпаютъ листвой и сухою хвоей. Желательно, чтобы мѣсто для жень-шеня было выбрано въ смѣшанномъ лѣсу, гдѣ есть кедръ, находилось-бы на сѣверномъ склонѣ горы и отнюдь не на солнцепекѣ. Можетъ случится, что въ первый годъ пан-цуй не прорастетъ. Если нѣтъ ростка, надо ждать терпѣливо. Это значитъ, что корень не погибъ и ждетъ благопріятныхъ условій, которыя въ данный моментъ почему-либо отсутствуютъ. Такъ какъ солнце губительно дѣйствуетъ на жень-шень, то надъ растеніями устраиваются изъ корья навѣсы съ такимъ разсчетомъ, чтобы солнечные лучи освѣщали пан-цуй только съ 7 до 9 часовъ утра и съ 5 до 7 час. пополудни.

Растеніе жень-шень травянистое, тонкое, очень нѣжное. Его легко можетъ сломить вѣтеръ и даже такое небольшое насѣкомое, какъ муравей. Для защиты отъ вѣтра около жень-шеня разводятъ широколистыя травы, кусты и устраиваютъ съ боковъ навѣсы изъ досокъ или бересты. Сильный

дождь забиваетъ жень-шень. Вотъ почему послѣ большихъ продолжительныхъ ливней китайцы прекращаютъ поиски корня. Если дождей большихъ не было и дождемъ, такъ сказать, только моросило—лѣто считается благопріятнымъ и искатели пан-цуя ликуютъ.

Относительно цѣлебныхъ свойствъ жень-шеня мнѣнія европейскихъ ученыхъ расходятся, хотя за послѣднее время французскіе естествоиспытатели начинаютъ склоняться къ точкѣ зрѣнія китайцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы всѣ корейцы и всѣ китайцы, численностью около пятисотъ милліоновъ,—заблуждались!? Пріобрѣтаетъ жень-шень не бѣдняки, а только богатые. Для простого народа онъ почти недоступенъ. Извѣстно, что европейцы до сихъ поръ подвергаютъ осмѣянію чужую медицину только потому, что ничего въ ней не понимаютъ. Какъ при пріемахъ мышьяка или желѣза, надо соблюдать извѣстную діету, такъ и при пріемахъ жень-шеня требуется измѣнить режимъ жизни. Европейцы не знаютъ этого и удивляются, что жень-шень не помогаетъ. Китайцы говорятъ, что при пріемахъ лѣкарства безусловно воспрещаются половыя излишества, однако полное воздержаніе является тоже вреднымъ; непремѣннымъ условіемъ ставится физическій трудъ на открытомъ воздухѣ, воспрещается употребленіе крѣпкихъ напитковъ, чая и уксуса. Лѣтомъ и въ особенности въ жаркіе дни пріемы лѣкарства сокращаются болѣе чѣмъ на половину, зимой дозы увеличиваются. Наивысшіе пріемы дѣлаются въ февралѣ и мартѣ передъ весною.

Одинъ пан-цуй употреблять нельзя; отъ него можетъ явиться кровотеченіе изъ носа и десенъ, а затѣмъ и разстройство всего организма. Обыкновенно пан-цуй употребляется вмѣстѣ съ другими лѣкарствами въ видѣ пилюль. Въ составъ этого лѣкарства входятъ панты, густой клейковый наваръ изъ медвѣжьихъ костей, вытяжки изъ яичниковъ самцовъ оленей, корни астрогала, сурикъ въ томъ естественномъ видѣ, въ какомъ его находятъ въ природѣ и нѣкоторыя морскія травы, содержащія іодъ. Пилюли принимаются натощакъ и передъ сномъ вечеромъ, сперва—по три пилюли, а затѣмъ доза увеличивается и доходитъ до двадцати пилюль въ сутки.

Днемъ передъ ѣдой пьютъ по одной рюмкѣ крѣпкой водки, настоянной на жень-шенѣ. Каждый разъ, отпивъ одну рюмку, въ бутылку прибавляютъ столько же чистой водки и т. д. Для настаиванія на водкѣ пан-цуй приготовляется особеннымъ образомъ: сперва его чистятъ маленькими щеточками, затѣмъ кладутъ въ глиняный горшокъ и варятъ въ сахарной водѣ, потомъ его долгое время подвергаютъ дѣйствію горячихъ паровъ и, наконецъ, сушатъ на горячемъ воздухѣ. Послѣ этой операціи корень становится желтоватымъ, полупрозрачнымъ и имѣетъ горьковато-сладкій вкусъ. Если при пріемахъ лѣкарства человѣкъ замѣчаетъ, что изъ его десенъ показывается кровь, надо на время прекратить пріемъ настойки жень-шеня, пилюли же можно принимать, но тоже въ уменьшенномъ количествѣ.

Ханшинъ.

Китайская водка (шао-цзю), называемая русскими „ханшиномъ" или „сулей", чрезвычайно распространена въ Уссурійскомъ Краѣ. Производство ея раньше было мѣстное, теперь—заграничное. Строго говоря, каждая китайская фанза есть маленькій ханшинный заводъ, изготовляющій водку для своего употребленія, для продажи русскимъ и для кредитованія мѣстныхъ инородцевъ. Въ каждой фанзѣ есть заторная яма и примитивное приспособленіе для перегонки спирта изъ хлѣбной закваски.

Настоящіе ханшинные заводы (шао-го-дянь) появляются въ Уссурійскомъ Краѣ съ восьмидесятыхъ годовъ въ Суйфунскомъ и Сучанскомъ раіонахъ и около устья рѣки Имана. Позже заводы эти появляются около устья рѣки Ното, въ бассейнѣ оз. Ханка, въ Анучинскомъ раіонѣ и въ области Засучанья.

По статистикѣ Надарова, съ 1883 года по 1887 годъ въ Уссурійскомъ Краѣ было 143 ханшинныхъ завода, которые распредѣлялись тогда слѣдующимъ образомъ:

РАІОНЫ И НАЗВАНІЕ РѢКЪ.	Число ханшинныхъ заводовъ.
Рѣка Бикинъ	1
„ Иманъ	2
„ Ваку	2
„ Ното и Улахэ	10
Суйфунскій округъ	—
Сучанскій „	67
Аввакумовскій „	17
Ханкайскій „	44
Итого	143

Въ періодъ съ 1900 года по 1906 годъ число ханшинныхъ заводовъ увеличилось на 61. По долинамъ рѣкъ они распредѣлялись такъ:

НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	Число ханшинныхъ заводовъ.
Рѣка Суйфунъ	16
„ Лефу	11
Раіонъ Западно-Ханкайскій	8
Шкотовскій раіонъ: Майхэ, Цимухэ и Кангоуза	9
Таудиминскій раіонъ	7
Сучанскій раіонъ	9
Рѣка Судзухэ	5
„ Таухэ	4
Пхусунскій раіонъ	4
Рѣка Ванчинъ	3
Аввакумовскій раіонъ	7
Рѣка Тадушу	6
„ Тютихэ	2
„ Аохобэ	2
„ Іодзыхэ	1
„ Санхобэ	2
„ Кэма	1
„ Фудинъ	4
„ Ното	6
Улахинскій раіонъ	9

НАЗВАНІЕ МѢСТНОСТЕЙ.	Число ханшинныхъ заводовъ.
Рѣка Даубихэ	16
„ Ваку	8
„ Иманъ: Саньшихеза, Хозенгоу, Вагунбэ, Картунъ, Мяолинъ	18
„ Бикинъ: Табандо, Олонъ, Сигоу, Цамодынза	11
„ Хоръ	2
Долина рѣки Уссури	33
Итого	204

Ханшинные заводы по внѣшнему своему виду мало отличались отъ обыкновенныхъ жилыхъ фанзъ, развѣ только своими размѣрами. Это были глинобитныя постройки со множествомъ службъ и рабочихъ. Тутъ-же около заводовъ были расположены большія поля, засѣянныя кукурузой, чумизой и пшеницей. Собранный хлѣбъ складывался вблизи фанзъ въ высокіе зароды (май-до).

Спиртъ, изготовляемый китайцами въ Уссурійскомъ Краѣ, трехъ сортовъ: лучшій—пшеничный, затѣмъ—овсяный и кукурузный. Выше я говорилъ, что каждая фанза представляетъ изъ себя небольшой заводъ, изготовляющій водку для своего употребленія и что въ каждой фанзѣ есть заторная яма и приспособленіе для выгонки спирта. Яма эта устраивается въ полу, въ землѣ и дѣлается глубиной до 2 аршинъ, длиною въ сажень и шириною въ $1^1/_2$ аршина; дно и стѣны ея выложены толстыми досками.

Приготовленіе ханшина довольно длинная процедура. Зерно, предназначенное къ выгонкѣ спирта, сперва тщательно провѣивается и, вообще, очищается отъ мусора. Затѣмъ его смачиваютъ водой и ссыпаютъ въ заторную яму (цюй-цзы-цзяо) при этомъ плотно утрамбовываютъ ногами. Если сейчасъ не думаютъ гнать спиртъ, то дня черезъ два, три изъ разбухшаго и слежавшагося зерна дѣлаются сулевые кирпичи (китайское названіе цюй-цзы), имѣющіе видъ и размѣры обыкновенныхъ глиняныхъ кирпичей. Кирпичи эти складываются въ клѣтку на рѣшетины подъ крышей фанзы для про-

сушки. Они высыхаютъ, становятся очень плотными и твердыми и въ такомъ видѣ могутъ пролежать неограниченно долгое время.

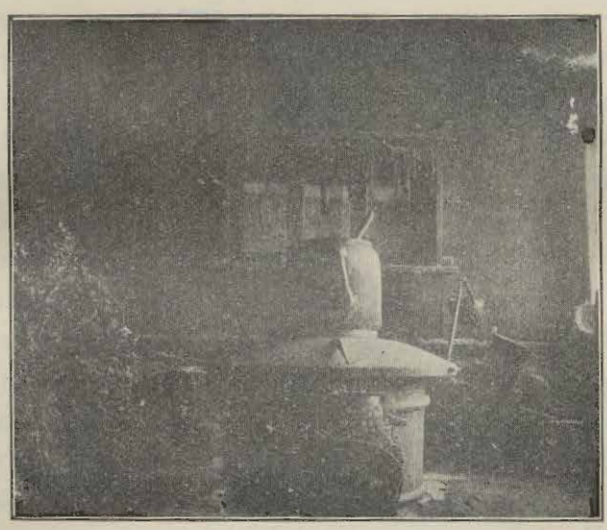
Когда надо приготовлять спиртъ, то сулевые кирпичи сперва смачизаются водою, потомъ они плотно одинъ къ другому укладываются въ заторную яму, прикрываются циновкой, сверху замазываются глиной и закрываются досками. Смоченые кирпичи становятся мягкими, развализаются сами собой и образуютъ общую массу закваски. Сутокъ черезъ десять зерно темнѣетъ и начинаетъ издавать спиртный запахъ. Продержавъ зерно въ ямѣ еще двое сутокъ, манзы приступаютъ къ выгонкѣ изъ него спирта.

Китайскій перегонный аппаратъ (цзю-тунъ) очень примитивенъ. Онъ устраивается надъ тѣмъ же котломъ, въ которомъ варится пища. Въ котелъ вливается вода, а сверху онъ прикрывается круглымъ ситомъ. Поверхъ сита прямо на печь ставится деревянный или глиняный бездонный чанъ, въ который лопатами насыпается закваска. Нижніе края чана, соприкасающіеся съ печкой, обмазываются глиной. Сверху на него ставится другой котелъ, чисто вымытый съ наружной стороны. Въ этотъ котелъ нализается холодная вода. Края его, соприкасающіеся съ чаномъ, плотно укрываются мокрыми тряпками. Этотъ котелъ играетъ роль холодильника. Когда вода въ нижнемъ котлѣ начинаетъ закипать, пары ея, проходя сквозь закваску, нагрѣваютъ послѣднюю и увлекаютъ за собою пары спирта. Прикасаясь къ холодному дну котла, паръ конденсируется и осѣдаетъ въ видѣ капель, которыя сползаютъ къ основанію его днища. Для пріема капающаго спирта подъ котломъ ставится особое приспособленіе въ видѣ большой ложки съ маленькимъ канальцемъ въ ея рукояти, выведеннымъ наружу. По этому канальцу и стекаетъ спиртъ въ глиняные сосуды.

Во время гонки спирта китайцы угощаютъ своихъ сосѣдей и зазываютъ всѣхъ прохожихъ.

Когда ханшинъ остынетъ, его сливаютъ въ деревянные яшики или въ плетеные тулузы, обмазанные козеиномъ и оклеенные масляной бумагой.

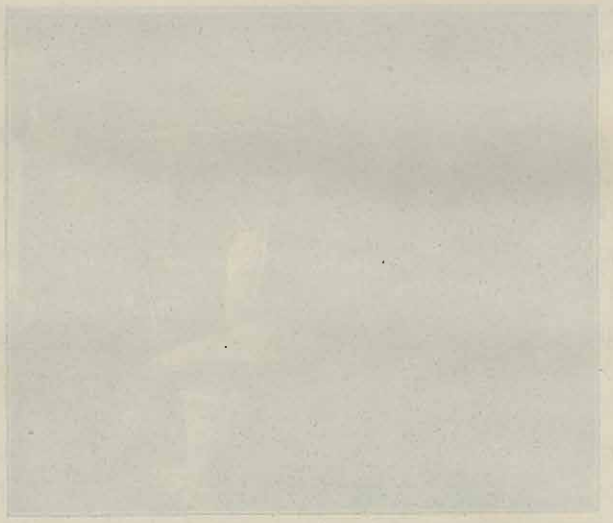
Обыкновенно въ ящикѣ заключается отъ 3 до 4 пудовъ



ПЕРЕГОННЫЙ КУБЪ ХАНШИННАГО ЗАВОДА.

Alambic employé par les chinois pour fabriquer l'eau-de-vie.

(Стр. 134).



ханшина. Цѣна на китайскій спиртъ зависитъ отъ того, изъ какого зерна онъ выгнанъ Въ Уссурійскомъ Краѣ ханшинъ гонится чаще всего изъ смѣси кукурузы и овса, пшеницы и кукурузы или овса и пшеницы. Мѣстный ханшинъ, крѣпостью въ 50—60%, стоитъ отъ 3 до 5 рублей пудъ. Значитъ, одинъ ящикъ китайской водки стоитъ 10—20 рублей. Одна квасильная яма даетъ до 10 ящиковъ ханшина, на сумму отъ 100 до 200 рублей. Помножьте теперь эту цифру на число всѣхъ фанзъ въ Уссурійскомъ Краѣ и вы получите яркую картину торговли водкой земледѣльческимъ китайскимъ населеніемъ. Въ эту статистику не войдутъ спеціальные ханшинные заводы.

Если считать годовой оборотъ одного ханшиннаго завода приблизительно въ 10.000 руб., то оборотъ всѣхъ 204 заводовъ выразится въ огромной цифрѣ 2.040.000 руб. Съ 1907 года дѣятельность этихъ заводовъ начинаетъ понемногу сокращаться. Китайцы переносятъ ихъ на лѣвый берегъ Уссури, оставляя мѣстомъ сбыта все тотъ же Уссурійскій Край и Амурскую область.

Китайцы пьютъ ханшинъ подогрѣтымъ. При нагрѣваніи изъ него улетучиваются сивушныя масла, вслѣдствіе этого онъ теряетъ свои одурманивающія свойства. Для нагрѣванія водка вливается въ небольшой мѣдный сосудикъ (цзю-ху), который русскіе называютъ „тіуху". Онъ имѣетъ конусовидную форму, узенькое горлышко и сверху небольшую воронку. Для нагрѣванія водки тіуху ставится въ горячую золу. Узкое отверстіе предохраняетъ спиртъ отъ вспыхиванія. Горячій спиртъ китайцы пьютъ маленькими чашечками (шао-цзю-чжунъ-цзы), величиною въ $^1/_8$ нашей рюмки. Пьютъ они его часто, но до пьяна не напиваются даже въ праздничные дни. Вообще, употребленіе ханшина у нихъ не мѣшаетъ работѣ: въ урочное время всѣ на своихъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи полную имъ противоположность представляютъ русскіе переселенцы. Большое количество дешеваго спирта, постоянно находящагося у нихъ подъ рукой, привело къ тому, что они стали опускаться и вести жизнь распутную, праздную.

«Значитъ, вредъ приносимый ханшиномъ, не только матеріальный для русской казны, но и нравственный по отно-

шенію къ русскому населенію и потому способы борьбы съ этимъ зломъ должны быть увеличены, хотя-бы для этого пришлось и произвести новыя денежныя затраты». *)

Въ послѣднія семь лѣтъ, съ увеличеніемъ числа корчемной стражи, ханшинные заводы начали вытѣсняться. Землю отъ китайцевъ стали отбирать русскіе переселенцы, начались конфискаціи и, нерѣдко, самые заводы разрушались, а хозяева ихъ подвергались задержанію. Это принудило китайцевъ ликвидировать свои дѣла въ Уссурійскомъ краѣ и перекочевать за Уссури въ Маньчжурію.

Однако, съ уходомъ ханшинщиковъ изъ Приамурья, количество китайской водки въ Краѣ не только не уменьшилось, а увеличилось еще болѣе.

Въ сущности, ханшинные заводы только немного передвинулись въ сторону, а рынкомъ сбыта китайскаго спирта остался все тотъ же Приамурскій Край, все тѣ-же крестьяне, уссурійскіе манзы и наши инородцы.

Такое положеніе вещей только устроило китайцевъ. Раньше ихъ безпокоили русскія власти, теперь-же, когда они перенесли свои заводы на лѣвый берегъ Уссури, они стали работать спокойно и сбывать весь избытокъ ханшина въ Уссурійскій Край и Амурскую область.

«Надзоръ за границей Уссури и Амура, простирающейся почти на двѣ тысячи верстъ, недостаточенъ. Оградить русскія и инородческія поселенія отъ ввоза въ нихъ китайскаго спирта корчемная стража почти безсильна. Трудность борьбы съ контрабандистами увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что сами казаки и переселенцы не только способствуютъ китайцамъ, но нерѣдко и сами занимаются провозомъ спирта черезъ границу изъ Маньчжуріи.

Р. Уссури, составляя на основаніи ст. 1-й дополнительнаго договора, заключеннаго 2-го ноября 1869 г. въ Пекинѣ, естественную границу между Россіей и Китаемъ, является нейтральной полосой для этихъ государствъ, въ то-же время составляетъ и единственный путь для лѣтняго и зимняго сообщенія между селеніями, расположенными какъ на нашей, такъ и на китайской сторонѣ. Вслѣдствіе этого, а также

*) Записка военнаго губернатора Приморской области 27 марта 1889 г.

вслѣдствіе того, что на рѣкѣ встрѣчаются различныя препятствія, какъ напримѣръ наледи, полыньи и проч., то дорога, пролегающая по льду рѣки Уссури, идетъ то у одного берега, то у другого. Вопросъ о транзитномъ провозѣ по рѣкѣ Уссури китайскими подданными не подлежащихъ ввозу въ предѣлы Россіи грузовъ имѣетъ значеніе не только для одной Приморской области, но и для всего Приамурскаго Края». *)

«Ввозъ ханшина въ наши предѣлы съ каждымъ годомъ становился все больше и больше и теперь принялъ чрезвычайные размѣры. Ханшинъ, какъ выше было сказано, теперь всѣ пьютъ: пьютъ инородцы, пьютъ его казаки, пьетъ весь простой народъ и въ извѣстныхъ случаяхъ даже предпочитаетъ нашей водкѣ, такъ какъ онъ болѣе крѣпокъ, чѣмъ послѣдняя. Главная причина его повсемѣстнаго распространенія заключается въ его дешевизнѣ. При существующей цѣнѣ на хлѣбъ, ведро русской водки, со всѣми расходами по ея производству и съ придачею 20% прибыли, не можетъ стоить заводчику болѣе 5 руб. 25 коп., однако по справкѣ акцизнаго надзора ведро простого вина въ питейныхъ заведеніяхъ стоитъ 10 руб., а столоваго—12 р., не считая посуды. Ханшинъ же пудъ ($1^1/_4$ ведра), крѣпостью не менѣе 60°, стоитъ отъ $2^1/_2$ до 3 руб.; въ Сахалянѣ на р. Амурѣ—отъ $3^1/_2$ р. до $4^1/_2$ руб., въ Благовѣщенскѣ – отъ $4^1/_2$ до 6 руб.; въ Мохе—отъ 5 руб. до 7 руб. При раздробительной продажѣ въ городѣ и въ русскихъ селеніяхъ бутылка китайскаго спирта обходится отъ 20 до 30 коп. Вотъ почему мѣстами ханшинъ совершенно вытѣснилъ русскую водку. Несмотря на все это, факты захвата нашими властями ханшина и уничтоженія его рѣдки. Оно и понятно, такъ какъ поимщикъ въ подобныхъ случаяхъ всегда рискуетъ создать себѣ большія или меньшія непріятности, а если захватывается значительное количество ханшина на мѣстѣ или транспортъ его, то поимщики рискуютъ даже быть убитыми. Вознагражденія же за поимку нѣтъ никакого. Нельзя также упускать изъ вида, что такого рода положеніе дѣла даетъ широкое поле къ злоупотребленіямъ. Такъ какъ статья 14-ая Правилъ, приложенныхъ

*) Представленіе военнаго губернатора Приморской области 9 марта 1896 г.

къ Петербургскому трактату 1881 года разрѣшаетъ безпошлинный ввозъ изъ Китая въ Россію по сухопутной границѣ спиртныхъ напитковъ, то китайцы такое запрещеніе признаютъ прямымъ нарушеніемъ этого договора. Вотъ почему отъ китайскихъ пограничныхъ властей постоянно поступаютъ жалобы при каждомъ случаѣ, когда до нихъ доходятъ слухи о томъ, что у того или другого лица было уничтожено въ нашихъ предѣлахъ извѣстное количество ханшина. При этомъ они постоянно высказываютъ, что китайцы привыкли съ малолѣтства къ этому напитку, что они употребляютъ его умѣренно, что онъ имъ не вредитъ, а напротивъ того безусловно полезенъ и необходимъ, въ особенности для тѣхъ китайскихъ подданныхъ, которые занимаются звѣриными промыслами въ холодной тайгѣ или капустныхъ промыслахъ на морскомъ побережьѣ. Противъ справедливости такихъ жалобъ китайскихъ властей сказать ничего нельзя. Народъ тысячами лѣтъ привыкъ пить свою водку, притомъ умѣренно, и она вреднаго вліянія на здоровье народа не оказываетъ. Жалобы свои они тѣмъ болѣе считаютъ основательными, что они не видятъ, чтобы умѣренное употребленіе ханшина оказывало-бы какое либо замѣтное вредное вліяніе на здоровье коренныхъ жителей. Злоупотреблять же вообще спиртными напитками нехорошо.

Вопросъ о вредѣ ханшина предложенъ былъ на обсужденіе медицинскаго совѣта, который, имѣя въ виду, что ханшинъ содержитъ въ себѣ большое количество сивушнаго масла, мнѣніемъ своимъ положилъ, что напитокъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть допускаемъ къ употребленію среди русскихъ»*).

Для борьбы съ этимъ есть только два способа. Первый—усиленная охрана границы и второй—допустить временное пониженіе акциза на русскій спиртъ, чтобы этимъ убить китайскую торговлю водкой.

Опіумъ и врачеваніе.

Въ Китаѣ опіумъ извѣстенъ со временъ Танской династіи, куда онъ былъ впервые завезенъ арабами въ качествѣ

*) Записка военнаго губернатора Приморской области 1889 г.

снотворнаго средства. Первый императорскій указъ о запрещеніи куренія опіума послѣдовалъ въ 1729 году, затѣмъ со временъ Цин'ской династіи (вновь) выходили указы относительно запрещенія культивированія мака, привоза иностраннаго опіума и куренія его.

«Несмотря на эдикты, изданные китайскимъ правительствомъ и направленные къ уничтоженію опіумокуренія въ 1800 и 1850 г.г., опіумокуреніе въ Китаѣ не только не сокращалось, но проникало все дальше и дальше. Въ 1858 г. слѣдуютъ законоположенія, имѣющія цѣлью урегулировать торговлю опіемъ. Съ этого момента ввозъ опія изъ Индіи составлялъ лишь одну седьмую потребляемаго въ Китаѣ опія, а $^{6}/_{7}$ поступало изъ плантацій въ Собственномъ Китаѣ.

Наконецъ, 27 декабря 1912 г. Президентъ Китайской Республики вновь издалъ указъ, которымъ съ 1-го января 1913 г. куреніе опіума подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности воспрещалось совершенно»*).

Въ Уссурійскомъ Краѣ опіумъ появился очень недавно, — именно, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Прежде всего онъ появился въ Ханкайскомъ и Суйфунскомъ раіонахъ, затѣмъ на р. Сучанѣ и въ верховьяхъ Уссури и позже всего въ прибрежномъ раіонѣ (въ Зауссурійскомъ Краѣ).

По свидѣтельству переселенцевъ старожиловъ раньше опія было очень мало, но съ 1900 года маковыя плантаціи начинаютъ сильно возрастать въ числѣ. Къ сѣверу отъ залива Св. Ольги около р. Тютихэ опій появляется не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Въ раіонѣ залива Джигитъ—съ 1900 г., а на рѣкѣ Кусунъ въ 1905 году.

Для добыванія опіума культивируется исключительно макъ съ бѣлыми цвѣтами,—снотворный (Papawer Somniferum). Плантацій мака съ синими и красными цвѣтами (макъ самосѣйка) для выработки маковаго масла у китайцевъ я ни разу не видѣлъ. Такой макъ засѣивается только русскими и то въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Макосѣяніе въ Уссурійскомъ Краѣ быстро разрослось благодаря отсутствію на него запрета.

*) L'Echo de Chine № 4064; переводъ сдѣланъ офицерами, кончившими Восточн институтъ въ г. Владивостокѣ.

Съ одной стороны посѣвы снотворнаго мака какъ будто воспрещаются, съ другой — какъ будто разрѣшаются. На этотъ счетъ издавались различныя временныя правила частнаго характера, они часто измѣнялись, отмѣнялись и издавались вновь съ дополненіями. Въ результатѣ получилось то, что и сами чиновники запутались и не знаютъ теперь, можно ли сѣять снотворный макъ или нѣтъ. Толкованіе запрета находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ низшаго чиновничьяго персонала, въ рукахъ лѣсниковъ, урядниковъ и сельскихъ старостъ, что конечно привело къ большимъ злоупотребленіямъ.

Когда писались Россійскіе законы, то не имѣлось въ виду, что въ будущемъ придется имѣть дѣло съ опіумомъ. Въ русскомъ законодательствѣ это не предусмотрѣно. Этимъ и объясняется, что рядомъ съ домомъ лѣсничаго, рядомъ съ канцеляріей пристава арендаторы китайцы засѣваютъ макъ.

Мировые судьи за сборъ опіума „съ большой натяжкой" судятъ по статьѣ, привлекающей виновныхъ за выдѣлку ядовитыхъ веществъ. Существующія на сей предметъ законоположенія суть слѣдующія: въ примѣчаніи къ ст. 54 Отд. IV приложенія къ 2404 ст. VI Тома Св. Закон. Граждан. Уст. Тамож., по продолженію 1876 г., указывается, что опіумъ въ числѣ другихъ предметовъ запрещенъ къ вывозу отъ насъ въ Китай, причемъ 56-ю ст. приведеннаго приложенія къ 2404 ст. задержанный при тайномъ провозѣ за границу опіумъ надлежитъ конфисковать и предавать истребленію. Затѣмъ, согласно 15 ст. правилъ для сухопутной торговли нашей съ Китаемъ, приложеннымъ къ договору, заключенному въ С.-Петербургѣ 12 февраля 1881 года, опіумъ причисленъ къ предметамъ, которые не допускаются къ ввозу или вывозу и, въ случаѣ провоза контрабандою, подлежатъ конфискаціи. Наконецъ, опіумъ причисленъ къ предметамъ по списку подъ лит. В., приложенному къ ст. 879 Том. XIII Св. Закон. изд. 1857 г. Уст. Врачебн., къ разряду ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ и употребляется только для врачеванія, который въ числѣ сихъ веществъ дозволяется статьею 899 означеннаго устава продавать нашимъ купцамъ обѣихъ гильдій лишь въ аптекѣ и по каталогамъ или требованіямъ врачей,

подъ контролемъ мѣстнаго медицинскаго начальства, совокупно съ городскою и окружною полиціями. Основываясь на этихъ законоположеніяхъ, и. д. Приамурскаго Генералъ-Губернатора генералъ-маіоромъ Барановымъ было отклонено ходатайство Пограничнаго Комиссара Южно-Уссурійскаго Края о безконтрольномъ ввозѣ и вывозѣ въ наши предѣлы опіума и, напротивъ того, подтверждено предложеніемъ Губернатору Приморской области, отъ 17 марта 1887 года за № 822, весь опіумъ, проходящій черезъ границу, конфисковывать и уничтожать, исключая тотъ, который подходилъ бы подъ указанную статью 899, томъ XIII Св. Закон. Гражд. изд. 1857 г. Уст. Врачебн. Исполненіе этого распоряженія на практикѣ встрѣчаетъ большія затрудненія и на дѣлѣ мы видимъ, что куреніе опія, весьма распространенное между китайцами въ ихъ собственной странѣ, производится въ обширныхъ размѣрахъ между ними и въ нашихъ предѣлахъ.

Разбирая приведенныя выше законоположенія относительно этого предмета, оказывается, что собственно ввозъ опіума въ наши предѣлы не воспрещенъ, такъ какъ ст. 15 правилъ сухопутной торговли съ Китаемъ безспорно относится исключительно только до одного Китая, но не для Россіи, что легко усмотрѣть изъ сопоставленія ея съ ст. 14 тѣхъ же правилъ, гдѣ поименовываются предметы, которые можно ввозить безпошлинно и часть которыхъ у насъ наоборотъ обложена пошлиной, а съ другой стороны изъ того, что въ той же ст. 15, въ которой говорится о предметахъ, запрещенныхъ къ ввозу и вывозу, заключаются такіе предметы, какъ оружіе, соль и др., ввозъ которыхъ къ намъ вовсе не воспрещенъ. Ст. 899 томъ XIII, не воспрещая ввозъ къ намъ опіума, ограничиваетъ лишь его употребленіе.

Въ виду этого мы и здѣсь встрѣчаемся съ той же ненормальной постановкой дѣла, какъ и въ вопросѣ о ханшинѣ и возбуждаемъ раздраженіе пограинчныхъ китайскихъ властей при каждомъ фактѣ конфискаціи опіума, что, въ виду единичныхъ случаевъ, истолковывается ими скорѣе, какъ произволъ.

Культурой мака для сбора опіума занимались раньше только одни китайцы, а теперь этимъ занимаются и корейцы. Это занятіе представляетъ изъ себя большую выгоду. Подъ

посѣвы мака. Китайцы снимаютъ у мѣстнаго русскаго населенія огромные участки земли, и уплачиваютъ за это большія деньги.

Какъ возростали цѣны на землю по годамъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

СРОКИ.	Арендная плата одной десятины.
Въ 1900—1905 годахъ	5— 8 руб.
„ 1906—1909 „	7— 10 „
„ 1910—1911 „	10— 15 „
„ 1912 году	50— 60 „
„ 1913 „	90—100 „

По мѣрѣ повышенія арендной платы на землю, т. е. по мѣрѣ увеличенія числа плантацій мака, опій сталъ падать въ цѣнѣ все больше и больше. Насколько шло пониженіе его цѣнности вслѣдствіе перепроизводства, видно изъ слѣдующей таблицы:

ГОДА.	Стоимость одного ляна**) опіума.	
	Сырого.	Варенаго.
Въ 1900—1905 годахъ	1 р. 50 к.—1 р. 20 к.	2 р. 50 к. 2 р. 20 к.
„ 1906—1909 „	1 р. 10 к.— 90 к.	2 р. —1 р. 75 к.
„ 1910—1911 „	75 к.— 60 к.	1 р. 50 к.—1 р. 30 к.
„ 1912 году	50 к.— 40 к.	1 р. 20 к.— 90 к.
„ 1913 „	40 к.— 35 к.	80 к.— 70 к.

По отчетамъ русскаго консула въ Чифу, вывозъ опіума изъ Приморской области въ Китай въ 1897 г. равнялся 200 пудамъ*).

О количествѣ же земли, занятой плантаціями мака, предназначаемаго для сбора опія въ одномъ только Ольгинскомъ уѣздѣ, можно судить изъ донесеній Военнаго Губернатора Приморской области и завѣдывающаго прибрежнымъ переселенческимъ подраіономъ.

*) Ульяницкій Л. Г. Макосѣяніе въ Уссурійскомъ Краѣ. Записки Приам. Отд. Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія. Вып. II стр. 268-я.

**) Китаискій фунтъ равенъ 120 русскимъ золотникамъ и дѣлится на 16 лянъ.

Года.	Количество десятинъ, засѣянныхъ макомъ.	Примѣчанія.
1906	80	Во всей области 200 дес.
1910	120	Во всей области 306 „
1911	690	
1912	3500 *)	

Высокая арендная плата за землю способствуетъ усиленной сдачѣ сельскимъ населеніемъ своихъ надѣловъ китайцамъ.

„Прельстившись высокой платой, крестьянское и казачье населеніе сдаетъ лучшія свои земли подъ посѣвы мака, уменьшая тѣмъ посѣвы хлѣбныхъ злаковъ. Бывали случаи въ Цемухинской волости, что крестьяне сдавали подъ макъ пашни съ хорошими всходами: поля, покрытыя зелеными всходами, перепахивались. Увеличеніе площади маковыхъ плантацій, такимъ образомъ, совершается въ ущербъ земледѣлію, съ такимъ трудомъ насаждаемому въ Краѣ русскимъ правительствомъ“ **).

Для посѣвовъ мака идетъ самая лучшая земля. Растенія сажаются грядками, такъ, чтобы по межамъ можно было свободно ходить. Послѣ опаденія цвѣтовъ, когда головка мака значительно утолщится, китайцы приступаютъ къ сбору опіума.

Въ это время бываетъ большой спросъ на рабочія руки. Поденная плата подымается въ цѣнѣ и доходитъ до 3 рублей въ сутки.

Сборъ опіума производится довольно примитивнымъ способомъ. Обыкновенно сборщики манзы дѣлятся на группы по три и четыре человѣка. Одинъ китаецъ идетъ впереди и надрѣзываетъ головки мака, а остальные идутъ сзади и собираютъ сокъ. У перваго въ рукахъ маленькій ножичекъ (китайское названіе да-ен-тауза), лезвіе котораго обмотано тряпками и кожей, такъ что снаружи остается открытымъ только самый его кончикъ, способный надрѣзать головку мака, но не прорѣзать ее. Манзы, слѣдующіе за этимъ человѣкомъ, имѣютъ каждый по небольшой круглой липовой коробочкѣ или бычьи рога (китайское названіе янъ-хуй-хо-цзы). На закраинахъ этихъ коробочекъ сдѣлано по

*) Тамъ-же страниц. 269.
**) Тамъ-же.

одному небольшому углубленію. Какъ только головка мака надрѣзана, изъ царапинъ тотчасъ же каплями выступаетъ чрезвычайно горькій млечный сокъ. Это и есть будущій опій. Манзы собираютъ этотъ сокъ указательнымъ пальцемъ руки и обтираютъ его о вырѣзку въ закраинѣ коробки, о которой говорилось выше. Минуты черезъ три изъ надрѣзовъ опять выступаютъ новыя капли млечнаго сока, ихъ собираетъ слѣдующій китаецъ, затѣмъ третій и т. д. Обыкновенно при одномъ надрѣзывателѣ есть три сборщика опія. Люди идутъ по межамъ въ шахматномъ порядкѣ, другъ за другомъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы, когда послѣдующій дойдетъ до мѣста предыдущаго, на головкѣ мака вновь успѣло бы достаточно собраться млечнаго сока. Вечеромъ весь маковый сокъ сливается въ одну большую берестовую коробку и оставляется на открытомъ воздухѣ. Подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей онъ начинаетъ измѣняться. Изъ молочно-бѣлаго онъ становится сперва желтымъ, потомъ бурымъ, мало по малу становится гуще и, наконецъ, принимаетъ цвѣтъ темно-коричневый (шенъ-ту). Дальнѣйшая обработка опія заключается въ варкѣ. Его варятъ для того, чтобы испарить изъ него воду. Сырой опій кипятятъ, въ мѣдномъ тазикѣ съ ручкой, не на огнѣ, а на горячихъ угольяхъ. Во время кипяченія опій часто вспыхиваетъ и горитъ синимъ искрящимся пламенемъ, но легко гасится дуновеніемъ рта. Такимъ образомъ, его варятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается плотнымъ и не приметъ блестящаго, какъ смола, коричнево-чернаго цвѣта (да-енъ-гауза).

Приборъ для куренія опія стоитъ отъ 30 до 50 рублей и состоитъ изъ подносика и масляной лампочки (енъ-тынъ) со стекляннымъ колпачкомъ, для того, чтобы случайное движеніе воздуха не загасило бы ея пламени. Вверху стекляннаго колпачка сдѣлано небольшое отверстіе, у котораго сосредоточивается весь жаръ огня. Затѣмъ, принадлежностью опіекуренія будутъ: роговая коробочка для храненія опія, щипчики для подправленія фитиля лампы, длинная игла (енъ-ченза), о которой я буду говорить ниже, и кривой ножичекъ, которымъ оскабливаютъ нагаръ внутри трубки. Этотъ нагаръ тщательно собирается въ другую коробочку и, когда его на-

берется достаточно много, его варятъ съ водою. Получается жидкость такого цвѣта, какъ слабый кофе или крѣпкій чай. Жидкость эту процѣживаютъ сквозь хлопчатую бумагу и затѣмъ подвергаютъ кипяченію до тѣхъ поръ, пока не выпарятъ всю воду. Оставшаяся густая масса—будетъ опій. Но, такъ какъ въ немъ могутъ быть постороннія примѣси въ видѣ сажи, то его одинъ не курятъ, а смѣшиваютъ съ чистымъ опіумомъ въ половинномъ размѣрѣ.

Главная принадлежность опіекуренія будетъ трубка (китайское названіе да-енъ-ченъ), длиною въ полтора фута. Трубки въ большинствѣ случаевъ—деревянныя, но нѣкоторые китайцы дѣлаютъ ихъ и изъ слоновой кости, украшаютъ серебряной рѣзьбой и цѣнятъ очень дорого. Опіекурильная трубка устроена слѣдующимъ образомъ. Сбоку ея, приблизительно на двѣ трети мундштука, имѣется отверстіе величиной съ небольшую монету, въ которое вставляется граненая или круглая головка (да-ен-тау), съ плоской, немного сфероидальной верхушкой, посрединѣ которой продѣлано маленькое отверстіе, ведущее въ мундштукъ.

Прежде чѣмъ курить трубку, надо ее приготовить. Это довольно длинная процедура. Заряженіе трубки, если можно такъ выразиться, производится слѣдующимъ образомъ. Китаецъ ложится на канъ, на лѣвый бокъ такъ, чтобы правая его рука была свободной. Зажженная лампочка, прикрытая стекляннымъ колпачкомъ, стоитъ тутъ же на подносикѣ. Нагрѣвъ немного надъ огнемъ иглу, китаецъ опускаетъ ее въ баночку съ опіемъ. Порошокъ опія и мелкіе его кусочки пристаютъ къ горячему желѣзу. Если опій не очень сухой и имѣется цѣлымъ кускомъ, то при помощи ножа отъ него отдѣляется небольшой кусочекъ, который и одѣвается на холодное остріе иглы. Очень часто манзы курятъ сырой опій и тогда они выпариваютъ изъ него воду тутъ же надъ лампой. Поддѣвъ иглой часть липкой бурой массы сырого опія, китаецъ нагрѣваетъ его надъ лампочкой. Опій пузырится и кипитъ. Курильщикъ постоянно поворачиваетъ иглу и все время навертываетъ на нее сползающіе опійные потеки. Время отъ времени китаецъ отнимаетъ опій отъ лампочки и, не снимая съ иглы, раскатываетъ его на ладони лѣвой руки. Затѣмъ,

онъ опять его нагрѣваетъ до тѣхъ поръ, пока опій не перестанетъ пузыриться и не начнетъ дымиться, что узнается по цвѣту дыма и по его запаху. Когда опій готовъ, курильщикъ, опять таки не снимая съ иглы, вновь катаетъ его на ладони и старается придать ему форму кокона съ заостренными концами. Послѣ этого, нагрѣвъ немного головку трубки и растопивъ одинъ конецъ приготовленнаго опія, китаецъ втыкаетъ иглу въ отверстіе головки и тѣмъ самымъ прикрѣпляетъ къ ея поверхности горячій опій. Затѣмъ, осторожно поворачивая иглу вокругъ своей оси, онъ вытаскиваетъ ее изъ опія. Теперь остается только головку трубки вставить въ мундштукъ – и все готово. Маленькое отверстіе, оставшееся отъ иглы въ опіи, непосредственно соединяется съ каналомъ трубки.

Во время куренія опія трубка поддерживается лѣвой рукой. Опій все время подогрѣвается на лампѣ. Онъ кипитъ, бурлитъ, дымится, сползаетъ, вспыхиваетъ и гаснетъ. Китаецъ черезъ мундштукъ сильнымъ всасываніемъ втягиваетъ въ себя дымъ. Вся забота направлена къ тому, чтобы не заплыло отверстіе, ведущее въ трубку, для чего во время куренія его все время прочищаютъ иглой.

Выкуривъ одну трубку, китаецъ заряжаетъ другую, третью и т. д., до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ себя удовлетвореннымъ. Обыкновенно въ фанзахъ мало опіекурильныхъ приборовъ и потому трубки эти постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки.

Относительно того, насколько вредно сказывается на организмѣ человѣка куреніе опіума, можно сказать, что это зависитъ исключительно отъ количества его употребленія. Въ томъ, что опій вещество наркотическое, сильно дѣйствующее– нѣтъ никакого сомнѣнія, но разсказы о его вредѣ сильно преувеличены. Мнѣ приходилось видѣть такихъ курильщиковъ опіума, которые по внѣшнему своему виду нисколько не отличались отъ другихъ людей, не курившихъ опіума. Другіе курильщики на видъ были здоровы, но цвѣтъ лица имѣли желтоватый; наконецъ, третьи, т. е. такіе, которые курили, что называется запоемъ, имѣли сильно изможденный видъ, и землистый цвѣтъ лица. Это были неврастеники,

люди слабосильные, худосочные. Всѣ они харкали мокротой съ кровью; имѣли мутные слезливые глаза, постоянно открытый ротъ, отвислыя губы. Эти несчастные отлично сознавали, что они погибшіе люди, что для нихъ нѣтъ спасенія и, чтобы заглушить это сознаніе, они спѣшили вновь накуриться и уснуть поскорѣе.

Лишь только дѣйствіе опія на организмъ начинаетъ ослабѣвать, какъ тотчасъ же появляются физическія и душевныя страданія. Больной начинаетъ чувствовать сильное натяженіе въ спинномъ хребтѣ и болѣзненныя половыя эрекціи, съ постояннымъ истеченіемъ сѣмени (это и есть главная причина изнуренія), потомъ появляются головная боль, головокруженіе, упадокъ силъ, лѣнь, апатія, отсутствіе аппетита, безсонница, тоска и, нерѣдко,—помѣшательство.

Опіекурильщики чрезвычайно боятся этого и потому, куда бы они не шли, они постоянно носятъ съ собой запасы опія. Особенная опасность грозитъ тѣмъ, которые идутъ въ далекое путешествіе или которые занимаются исканіемъ женьшеня и соболеваніемъ. Я знаю нѣсколько случаевъ самоубійства тѣхъ звѣролововъ-китайцевъ, у которыхъ нехватило опія и которые вслѣдствіе выпаденія глубокихъ снѣговъ не могли добраться до людей во время. Во время походовъ, на охотѣ китайцы опій не курятъ, а принимаютъ его внутрь въ видѣ пилюль. Нерѣдки случаи, когда опіемисты бросаютъ курить опій. Они отлично знаютъ, что сразу этого сдѣлать нельзя и что отвыкать отъ этой пагубной страсти надо постепенно. Для этого они дѣлаютъ изъ опія крѣпкую настойку на водкѣ и пьютъ ее ежедневно по одной рюмкѣ, добавляя въ бутылку каждый разъ столько же чистой водки. Такимъ образомъ, опій мало по малу разбавляется. При этомъ китайскіе лѣкаря больнымъ даютъ пить еще какое то лѣкарство. Интересно то, что почти всѣ, бросившіе курить опій, перестаютъ курить табакъ и пить водку.

Курильщики опіума часто страдаютъ головными болями, отъ которыхъ они лѣчатся крайне оригинальнымъ способомъ. Сильными щипками другъ другу они дѣлаютъ кровоподтеки: на лбу и на переносьѣ—если болитъ голова, на шеѣ—если болитъ горло, на груди—во время бронхита и кашля и на

спинѣ—во время ломоты въ костяхъ и ревматизма. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ кожа не щиплется, а натирается ногтемъ большого пальца, гладко оструганной палочкой или металлической ложкой.

На другой день кровоподтеки синѣютъ и остаются долго на тѣлѣ. Эти нащипыванія и натиранія кожи до крови имѣютъ такое же значеніе, какъ наши піявки и кровесосныя банки. Другими излюбленными китайскими способами лѣченія будутъ массажъ и согрѣваніе голаго тѣла у огня. Для массажа грудь, животъ или спина, смотря потому, что болитъ, покрывается мокрою тряпицей, по которой наносятся частые рѣзкіе удары ладонями рукъ или концами пальцевъ. При боляхъ въ животѣ или при ревматизмѣ китайцы раздѣваются и грѣются у огня. Тутъ важную роль играетъ лучистая теплота. Тѣло они нагрѣваютъ до тѣхъ поръ, пока оно не покраснѣетъ. Согрѣваніе живота у огня равносильно нашимъ грѣлкамъ съ горячею водою.

Китайская медицина въ высшей степени оригинальна. Она вся почти основана на мистицизмѣ.

Китайцы полагаютъ, что въ глазахъ каждаго человѣка есть огонь, который можно видѣть и по оттѣнкамъ, и по яркости котораго можно узнать всякую болѣзнь; они считаютъ число волосковъ на тѣлѣ, разсматриваютъ морщинки и складки кожи, находятъ какія то линіи, изучаютъ расположеніе прыщиковъ, угрей и т. п. Особенное вниманіе удѣляется пульсу. На основаніи этихъ наблюденій китайскій врачъ ставитъ свой діагнозъ.

Китайцы полагаютъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть три стихіи: огненная, водяная и воздушная. Обыкновенно одна изъ нихъ преобладаетъ. Силы эти опредѣляютъ характеръ человѣка. Въ сангвиникѣ—много огня, въ флегматикѣ—преобладаетъ вода, въ вѣтреномъ, разсѣянномъ человѣкѣ—воздухъ. Поэтому сангвиника нельзя лѣчить краснымъ порошкомъ, потому что это цвѣтъ огня, а флегматикъ не долженъ принимать лѣкарства синія и голубыя, потому что это цвѣтъ воды и т. д. Сангвинику даются въ пріемъ жидкости, флегматику—порошки. Многое изъ китайской медицины основано на символизмѣ. Напрм., страдающему болѣзнью

почекъ рекомендуется ослиное мясо, потому что слѣдъ этого животнаго похожъ на почку; на этомъ же основаніи ему прописываются въ пищу бобы и т. д.*)

Не менѣе интересны и китайскія парикмахерскія. Здѣсь они моются и чистятся. Парикмахеръ бреетъ не только голову, усы и бороду, но и все лицо, потомъ особыми лопаточками и ложечками онъ чиститъ посѣтителю носъ и уши, оправляетъ его ногти и т. д. Процедура этой чистки доставляетъ китайцамъ, видимо, большое удовольствіе. Они сидятъ съ закрытыми глазами и блаженная улыбка не сходитъ съ ихъ лица. И немудрено! Такое удовольствіе манза можетъ получить только разъ или два въ годъ, а то и того рѣже—только тогда, когда онъ выйдетъ изъ горъ и попадетъ въ какой нибудь большой китайскій поселокъ, гдѣ есть купцы, врачи, парикмахерскія и харчевни.

Азартныя игры.

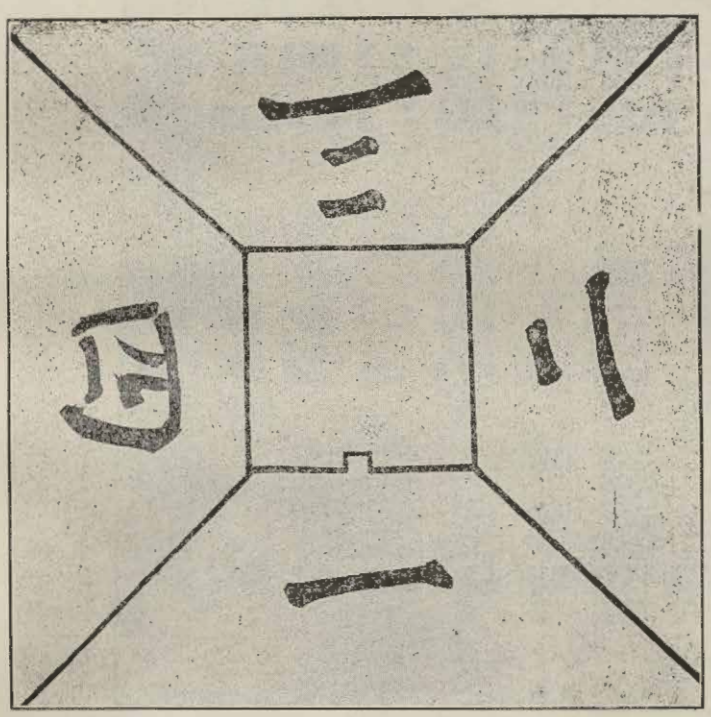
Китайцы страстные игроки. Во время игры самый тихій, скромный и выдержанный китаецъ горячится до послѣдней крайности и теряетъ самообладаніе. Ставки у нихъ доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей и нерѣдки случаи, когда они проигрываютъ не только все свое имущество, но и собственную свободу и тогда переходятъ въ разрядъ рабовъ (та-хула-цзы). Китайцы играютъ и въ земледѣльческихъ и звѣроловныхъ фанзахъ, и въ ханшинныхъ заводахъ, и на рудникахъ. Здѣсь всюду можно найти игроковъ и самыя азартныя игры. Въ городахъ, урочищахъ и, вообще, во всѣхъ большихъ китайскихъ селеніяхъ есть спеціальные игорные дома. Здѣсь манзы играютъ въ карты, банковку, тайкомъ продаютъ ханшинъ и курятъ опій. Хозяинъ дома никакого участія въ игрѣ не принимаетъ. Обыкновенно онъ только содержитъ притонъ, имѣетъ у себя игры и мѣновыя палочки, о которыхъ я буду говорить ниже. Въ пользу его съ каждаго выигрыша поступаетъ 10 процентовъ. Это его доходъ.

Обыкновенно хозяинъ игорнаго дома сидитъ въ сосѣд-

*) О врачеваніи у китайцевъ,—смотр. прекрасную статью доктора Кирилова „Медицинское дѣло въ Китаѣ въ прошломъ, отходящемъ въ область преданія и зачатки его по европейскому образцу за послѣднее время", напечатанную въ Трудахъ 1-го Съѣзда врачей Приамурскаго Края въ г. Хабаровскѣ въ 1913 г.

ней комнатѣ у сундука и мѣняетъ игральныя палочки на деньги или обратно, на извѣстную сумму отпускаетъ соотвѣтствующее число палочекъ. Игральныя палочки (китайское названіе Поу-пхе-за) представляютъ изъ себя, собственно говоря, узенькія дощечки, длиною отъ 2-хъ до 5-ти дюймовъ и шириною отъ 1-го до $1^1/_2$ сантиметра. На палочкахъ выжжены іероглифы; съ одной стороны значится фамилія содержателя игорнаго дома, съ другой стороны—цѣнность палочки отъ 5 до 50 коп. штука. Всякая игра ведется на палочки, которыя можно купить у хозяина въ неограниченномъ количествѣ и которыя по окончаніи игры мѣняются на деньги. Хозяинъ игорнаго дома обязанъ во всякое время взять свою палочку назадъ и взамѣнъ выдать деньги по ея номинальной стоимости. Самая распространенная и любимая китайская азартная игра банковка („я-бао" или „бао-хе-цзы). Она состоитъ: 1) изъ скатерти, на которой тушью нарисованъ большой квадратъ, раздѣленный діагоналями и съ нумераціей: отъ одного до четырехъ и 2) самой банковки. Банковка—это массивная мѣдная коробочка, прикрѣпленная къ четырехугольной мѣдной-же пластинкѣ и прикрываемая сверху такой-же массивной крышечкой. Въ серединѣ коробочки вкладывается костяная четырехугольная шашка, входящая въ нее почти безъ зазора. На верхней и нижней сторонахъ этой шашки прикрѣплены черная и бѣлая пластинки.

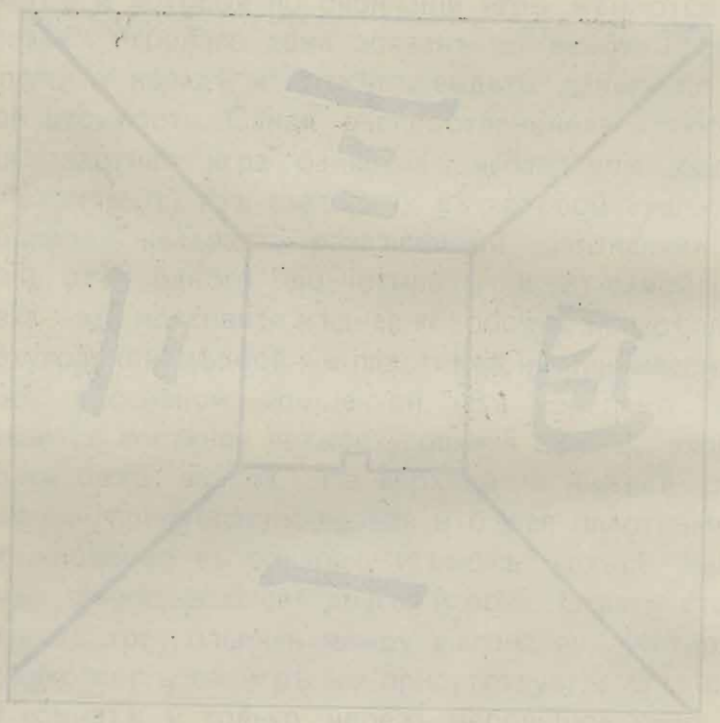
Обыкновенно въ банковку играютъ четыре человѣка, а къ нимъ „примазываются" другіе игроки. Ставки ставятся на скатерть въ треугольники между діагоналями. Интересно, что самъ банковщикъ на игрѣ не присутствуетъ. Онъ сидитъ въ другой комнатѣ и только черезъ небольшое окно подаетъ своему помощнику закрытую банковку. Банковка ставится на скатерть посрединѣ; съ нее снимается крышечка и тогда на чьей сторонѣ оказалась бѣлая пластинка, тотъ и выигралъ всѣ ставки. Иногда, согласно условію, выигрываютъ и проигрываютъ только тѣ, противъ которыхъ оказались бѣлыя и черныя кости банковки, тѣ же два партнера, которые были по сторонамъ, остаются со своими ставками нейтральными до слѣдующаго хода. При этомъ, если монеты положены были другъ на друга столбикомъ, то ставки увеличиваются втрое,

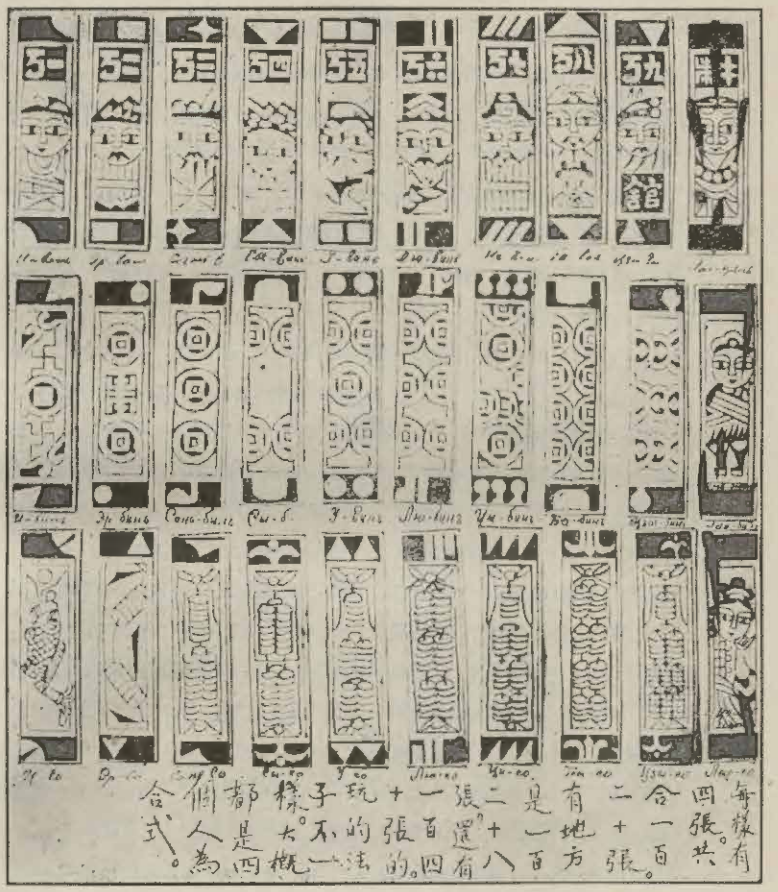


Скатерть съ іероглифами для игры въ банковку.

Nappe avec hiéroglyphes pour le jeu du pharaon.

(Стр. 150).

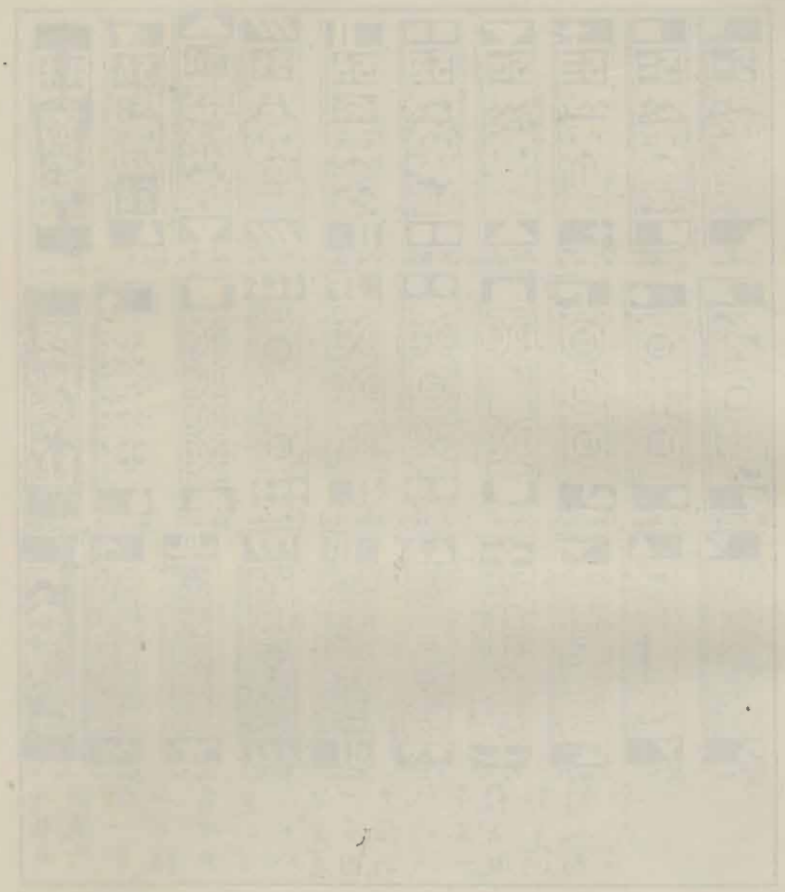




КИТАЙСКІЯ ИГРАЛЬНЫЯ КАРТЫ.

Cartes à jouer chinoises.

(Стр. 151).



если они лежали наискось такъ, что одна монета закрывала край другой, то выигрышъ увеличивался вдвое и т. д. Банковщикъ получаетъ съ выигрыша извѣстный процентъ, который онъ дѣлитъ пополамъ съ хозяиномъ игорнаго дома.

Другая азартная манзовская игра—это карты (чжи-пай). Китайскія карты представляютъ изъ себя небольшія полоски тонкаго картона, длиною въ 1 вершокъ и въ $^1/_3$ вершка шириною. Въ колодѣ ихъ 120 штукъ и сообразно рисункамъ они дѣлятся на 30 категорій; въ каждой категоріи есть по 4 одинаковыхъ карты. Въ эту игру играютъ тоже четыре человѣка, остальные, какъ и въ банковку, „примазываютъ“ свои ставки. Каждому играющему сдается по 16 картъ; сдающій получаетъ одну карту лишнюю; онъ же дѣлаетъ и первый ходъ.

Сущность игры сводится къ подбору одной масти. Пополненіе картъ производится изъ колоды.

Третья азартная игра—кости (китайское названіе сайцзы). Это три маленькихъ шестигранныхъ кубика, сдѣланные изъ кости. По сторонамъ ихъ большими точками обозначены очки—отъ одного до шести. Если кости черные, то точки дѣлаются бѣлыми, если кости бѣлыя, то точки—черныя или красныя. Играютъ въ кости опять таки только четыре человѣка, остальные присаживаются къ тому или иному игроку. Такъ какъ бросаніе костей рукою даетъ нѣкоторую возможность располагать ихъ въ желаемомъ порядкѣ, то китайцы кладутъ ихъ въ деревянную чашечку, прикрываемую сверху другой такой же чашечкой. Послѣ встряхиванія кости высыпаютъ на столъ. Выигралъ тотъ, у кого окажется большее число очковъ, при этомъ значеніе имѣютъ и комбинаціи цифръ. Выигрыши и проигрыши могутъ быть половинными, двойными или обратно.

Одною изъ самыхъ интереснѣйшихъ китайскихъ игръ будетъ рулетка сновъ (гуань-инъ). Необходимою принадлежностью игры будетъ полотнище, на которомъ тушью съ лѣвой стороны изображена нагая богиня „Инъ-хуй“, испещренная іероглифами, справа отъ нея имѣется 36 квадратовъ, заполненныхъ іероглифами того же самаго значенія. Сущность этой игры заключается въ слѣдующемъ. Китаецъ спалъ и

видѣлъ какой нибудь сонъ. Положимъ, онъ видѣлъ, что его больно отодрали за правое ухо. Онъ не забылъ сна—это хорошая примѣта!..

Тогда онъ идетъ въ игорный домъ и кладетъ свою ставку на № 31, соотвѣтствующій правому уху. Сюда же приходятъ другіе игроки, которые тоже видѣли сны. Они тоже ставятъ ставки, кто на части человѣческаго тѣла, кто на изреченія, написанныя въ клѣткахъ и по смыслу соотвѣтствующія снамъ. (Наприм. № 29 – означаетъ густой лѣсъ или деревянный шкафъ), причемъ не возбраняется занимать и нѣсколько клѣтокъ.

Вечеромъ хозяинъ рулетки (крупье), тоже на основаніи видѣннаго имъ сна, выкликаетъ только одинъ разъ іероглифы какой либо одной клѣтки. Тотъ, чья ставка была на этомъ мѣстѣ, выигрываетъ въ десять разъ больше того, что онъ поставилъ. Всѣ остальные считаются проигравшими. Тутъ тоже возможны и комбинаціи въ видѣ увеличенія или уменьшенія выигрыша и проигрыша. Для этого въ каждой клѣткѣ, кромѣ главныхъ іероглифовъ, приписаны еще и второстепенные. Въ другомъ мѣстѣ эти второстепенные іероглифы становятся на мѣсто главныхъ и обратно. Такъ, наприм., въ № 2 и № 22 слова „три пазухи“ и „колодезь и сила“ мѣняются мѣстами и значеніями.

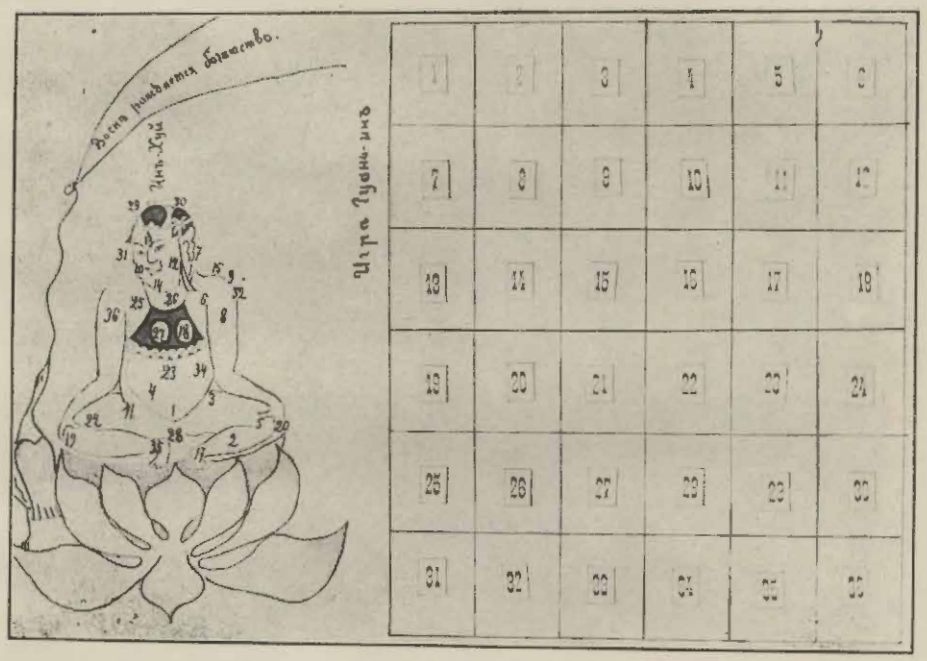
Первый изъ помѣщенныхъ здѣсь рисунковъ есть точная копія игры. Второй рисунокъ будетъ та-же игра, но только въ переводѣ на русскій языкъ. Для удобства вмѣсто надписей въ клѣткахъ и около фигуры поставлены цифры, а ниже помѣщенъ переводъ іероглифовъ, соотвѣтствующихъ сдѣланной нумераціи.

№№ клѣтокъ.	Главные іероглифы.	Іероглифы второстепеннаго значенія.
1	Море и рѣка.	Правильно послушествующій.
2	Три пазухи.	Колодезь и сила.
3	Первоначальное счастье.	Учитель мира.
4	Огненный чиновникъ.	Корень нефрита.
5	Девять чиновниковъ.	Счастливый товаръ.

Рулетка сновъ. Азартная игра Гуань-Инъ Фотографія съ подлинника. Ставки ставятся на основаніи видѣнныхъ сновъ.

Roulette des songes. Jeu de hasard chinois. Photographie prise de l'original. L'enjeu se pose en se basant sur les songes vus par le joueur.

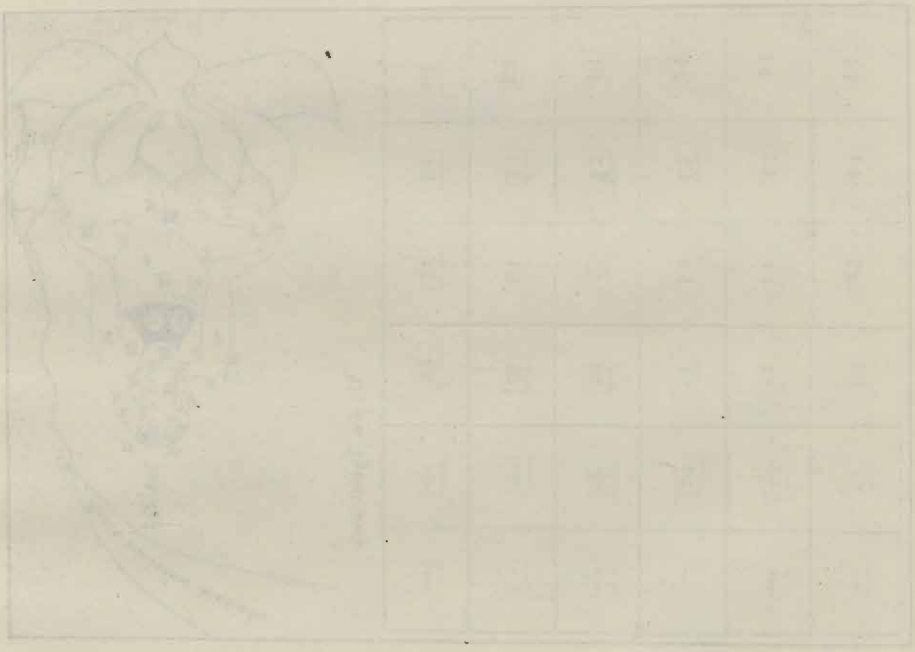
(Стр. 152).



Рулетка сновъ. Іероглифы замѣнены цифрами.

Переводы ихъ и объясненія смотр. на стр. 153.

Roulette des songes. Les hiéroglyphes ont été remplacés par des chiffres. Pour la traduction de ces hiéroglyphes voir la page 153.



№№ клѣтокъ.	Главные іероглифы.	Іероглифы второстепеннаго значенія.
6	Десять тысячъ золота.	Вѣчно живой.
7	Проникающій внутрь горы.	Небесный драконъ.
8	Деревянный шкафъ.	Густой лѣсъ.
9	Учитель мира.	Первоначальное счастье.
10	Красная весна.	Ясный свѣтъ.
11	Счастливый товаръ	Девять чиновниковъ.
12	Вѣчно живой.	Десять тысячъ золота.
13	Небесный драконъ.	Проникающій внутрь горы.
14	Драконовая рѣка.	Небесный духъ.
15	Достигающій высоты.	Первый достигающій.
16	Наверху собирающій.	Согласіе.
17	Неуклонно добродѣтельный.	Счастливый внукъ.
18	Такъ и должно.	Имѣющій пользу.
19	Черныя облака.	Сѣверная гора.
20	Черный-круглый.	Влажныя облака.
21	Первый достигшій.	Достигающій высоты.
22	Колодезь и сила.	Три пазухи.
23	Правильно послушествующій.	Рѣка и море.
24	Небесный духъ.	Драконова рѣка.
25	Блестящій жемчугъ.	Говорящій драгоцѣнность.
26	Влажные облака.	Черный круглый.
27	Говорящій драгоцѣнность.	Блестящій жемчугъ.
28	Корень нефрита.	Огненный чиновникъ.
29	Густой лѣсъ.	Деревянный шкафъ.
30	Великій міръ.	Круглая акація.
31	Согласіе.	Наверху собирающій.
32	Сѣверная гора.	Черныя облака.
33	Имѣющій пользу.	Такъ и должно.
34	Счастливый внукъ.	Неуклоннодобродѣтельствующій.
35	Ясный свѣтъ.	Красная весна.
36	Круглая акація.	Великій міръ.

Китайцы страстные игроки. Они проигрываютъ не только все свое имущество, но нерѣдко и свободу. Тогда онъ навсегда лишается права участвовать въ какихъ бы то ни было играхъ; у такого проигравшагося „хулацзы“ есть еще одинъ выходъ, къ которому рѣдко кто прибѣгаетъ. Это— „игра на мясо“. Когда китаецъ проигралъ свою свободу, онъ

снимаетъ съ себя рубашку, схватываетъ лѣвой рукой брюшину и правой однимъ ударомъ ножа отрѣзаетъ отъ живота кусокъ мяса, которое и бросаетъ на столъ—это и есть ставка. Его противникъ не имѣетъ права отказаться отъ игры, иначе его изобьютъ до смерти. Обычай этотъ освященъ вѣками. Въ фанзѣ всѣ затихаютъ, всѣ внимательно смотрятъ на играющихъ, слѣдятъ за ихъ лицами, за ихъ движеніями... Всѣ знаютъ, что готовится трагедія... Теперь идетъ игра на жизнь. Если кредиторъ проиграетъ, то обязанъ вернуть своему партнеру свободу; если онъ не согласенъ дать ему свободу, то его валятъ на спину и отъ брюшины отрѣзаютъ мяса столько, сколько рабу его удастся захватить двумя руками. Нерѣдко такая игра оканчивается смертью одного изъ раненыхъ. Я знаю одинъ такой случай, который имѣлъ мѣсто въ 1901 г. на р. Судзухэ. Послѣ игры за свободу, когда у обоихъ китайцевъ была обрѣзана брюшина, они оба рѣшили поставить на карту жизнь. Для этого они вышли изъ фанзы и на ближайшемъ деревѣ черезъ сукъ перекинули веревку съ двумя петлями. Петли эти они одѣли себѣ на шеи и стали тянуть другъ друга, подгибая подъ себя колѣни. Вопросъ заключался въ томъ, кто кого перетянетъ и кто раньше погибнетъ. Въ данномъ случаѣ банкометъ остался живъ (его привели въ чувство, обливая холодною водою), а проигравшійся удавился. Интересно, что во время этого самоубійства присутствовали всѣ игроки; они стояли вокругъ дерева и, ожидая конца, спокойно смотрѣли, кто изъ спорящихъ будетъ въ выигрышѣ. Свидѣтелями другого такого случая на островѣ Аскольдѣ были два штейгера—г-нъ Водениковъ и г-нъ Колесниковъ. Они разсказывали, что послѣ азартной игры въ банковку два китайца тоже рѣшили свести свои счеты на веревкѣ. Они одѣли чистое бѣлье, лучшее платье, одѣли на себя петли и повѣсились. Въ результатѣ оба оказались мертвыми. *)

Хунхузы.

Китайскихъ разбойниковъ въ Уссурійскомъ Краѣ можно раздѣлить на двѣ категоріи: I) хунхузскія шайки, приходящія

*) Еще объ одномъ случаѣ упоминаетъ П. В. Шкуркинъ въ своей работѣ „Китайскія азартныя игры".

изъ Маньчжуріи и II) мѣстные хунхузы*). Первые оперируютъ въ прибрежномъ раіонѣ въ заливѣ Петра Великаго, въ Посьетскомъ участкѣ, по рѣкѣ Суйфуну, по всей долинѣ рѣки Уссури и около желѣзной дороги. Далеко вглубь Уссурійскаго Края они не заходятъ и послѣ нападенія спѣшатъ поскорѣе вернуться въ Маньчжурію, чтобы избѣжать преслѣдованія со стороны русскихъ. Среди мѣстныхъ хунхузовъ правильныхъ организацій не наблюдается. Это мелкія шайки, численностью въ нѣсколько человѣкъ, состоящія изъ неимущей китайской челяди, изгнанной изъ сельскихъ общинъ. Это облѣнившійся, бродячій элементъ, работавшій ранѣе за грошевую плату у китайскихъ торговцевъ и тяготѣющія къ скорой наживѣ. Такія шайки знаютъ впередъ, у кого и чѣмъ можно поживиться. Онѣ дѣйствуютъ всегда навѣрняка и, сдѣлавъ свое дѣло, быстро разбѣгаются по фанзамъ, скрываясь среди рабочихъ китайцевъ. Дѣлежъ добычи происходитъ послѣ.

Хунхузы въ Уссурійскомъ Краѣ—обычное явленіе. Неся съ собою смерть и ужасъ, шайки ихъ бродятъ повсюду, нападая то на русскія, то на китайскія поселенія. Вездѣ, гдѣ околонизовались манзы, есть хунхузы, и—чѣмъ больше китайцевъ, тѣмъ больше хунхузовъ!..

Несмотря на то, что китайцы страдаютъ отъ нихъ сами, они всѣми мѣрами укрываютъ ихъ отъ русскихъ. Этому можно найти очень простое объясненіе. Китайца, который выдалъ хунхуза, не скрылъ его, не оказалъ ему вниманія и гостепріимства или не сообщилъ своевременно о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ полиціи и лѣсной стражи,—ждетъ мучительная смерть отъ руки мстителя, и куда бы китаецъ этотъ ни ушелъ, „дамокловъ мечъ“ всюду будетъ висѣть надъ нимъ. Никогда поэтому не слѣдуетъ довѣряться разсказамъ китайцевъ. Они часто нарочно распускаютъ слухи, чтобы ими съ толку сбить русскихъ и замести слѣды хунхузовъ. Вотъ почему, даже въ такихъ городахъ, какъ Харбинъ, Никольскъ-Уссурійскій, Владивостокъ и Хабаровскъ, всегда есть хунхузы.

Страхъ передъ хунхузами—паническій, покорность пол-

*) Правильная транскрипція будетъ Хунъ-ху-цзы.

нѣйшая, рабская! Были примѣры, когда два хунхуза, придя въ фанзу дроворубовъ, гдѣ жило около 30 человѣкъ рабочихъ китайцевъ, приказывали имъ вязать другъ друга и приказаніе это исполнялось тотчасъ же безъ всякаго возраженія. Обобравъ что нужно, разбойники развязывали только одного человѣка и уходили, нимало не опасаясь преслѣдованія со стороны обиженныхъ.

Рѣзня на островѣ Аскольдѣ и кровавое нападеніе на село Никольское (нынѣ Никольскъ-Уссурійскій) свидѣтельствуютъ о томъ, что усиленная дѣятельность китайскихъ разбойниковъ въ Уссурійскомъ Краѣ началась съ семидесятыхъ годовъ, и—чѣмъ дальше, тѣмъ больше, тѣмъ сильнѣе становились хунхузы. Въ 1906 году большая ихъ шайка, человѣкъ въ 80, оперировала въ окрестностяхъ залива Св. Ольги; въ 1907 году другая такая же шайка дѣйствовала въ истокахъ рѣки Фудзина и въ области Засучанья; въ 1908 году хунхузы напали на село Шкотово, а въ 1909 году подверглось обстрѣливанію село Владимиро-Александровское на Сучанѣ.

Русскіе, попавшіе въ руки хунхузовъ, подвергаются самымъ ужаснымъ пыткамъ. Тогда звѣрскія наклонности не имѣютъ удержу, страсти—предѣловъ! Видъ крови опьяняетъ разбойниковъ. Привязавъ плѣнника къ дереву, они подрѣзываютъ ему ногти, ломаютъ суставы пальцевъ на рукахъ и ногахъ, разрѣзаютъ ротъ, вырѣзаютъ языкъ, протыкаютъ уши, выкалываютъ глаза и т. д. И все это дѣлается медленно, съ промежутками, нарочно съ цѣлью, чтобы испытуемый не сразу умеръ, а мучился бы возможно больше. Пытка продолжается иногда въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Такія пытки не рѣдкость. Въ 1900 году такой мучительной смертью погибъ стрѣлокъ Иванъ Царевъ, а въ 1905 году изъ знакомыхъ мнѣ охотниковъ на рѣкѣ Мурени недалеко отъ озера Ханка былъ замученъ старообрядецъ Иванъ Китаевъ изъ селенія Красный Яръ, что около Никольска-Уссурійскаго. 10 іюня 1908 г. замученъ 9 лѣтній сынъ казака Шильникова, а въ январѣ 1910 года сожжены были на кострѣ два крестьянина братья Кравцовы.

Чаще всего хунхузы нападаютъ на китайцевъ; случаи грабежей русскихъ довольно рѣдки; даже въ тѣхъ случаяхъ,

когда китайцы нападали на русскія селенія, они имѣли въ виду китайскихъ купцовъ и китайскія лавки. Особенно они становятся жестокими, когда мстятъ подрядчикамъ за обиды и обсчитыванія рабочихъ. Тогда они вырѣзаютъ цѣлыя семьи, не разбирая ни пола, ни возраста. Иногда такія звѣрскія убійства женщинъ и дѣтей происходятъ и безъ всякой видимой причины. Такъ, въ семидесятыхъ годахъ погибла около г. Владивостока семья Купера, такъ была вырѣзана вся семья штурмана дальняго плаванія Гека въ бухтѣ Седими. Въ криминальныхъ хроникахъ Дальняго Востока есть много такихъ примѣровъ.

Вообще, китайцы по природѣ народъ крайне жестокій. По виду они чрезвычайно добродушны, но въ то же время въ характерѣ ихъ есть какая то затаенная страсть къ мученіямъ. Бой сверчковъ, бой пѣтуховъ, стравливанія собакъ доставляютъ имъ удовольствіе. Даже тогда, когда дерутся люди, китайцы не разнимаютъ ихъ, а еще больше подзадориваютъ ту и другую сторону. Я часто былъ свидѣтелемъ, какъ китайцы ощипывали живыхъ куръ и затѣмъ голыхъ пускали бѣгать по двору и травили ихъ собаками. Китаецъ, никогда не зарѣжетъ курицу сразу—обыкновенно операцію эту они дѣлаютъ медленно. Жизнь человѣка въ ихъ глазахъ совершенно не цѣнится, поэтому утопающаго никто никогда не спасаетъ. Въ Китаѣ обезцѣниваніе человѣческой жизни изстари шло параллельно съ увеличеніемъ населенія. Европейцевъ поражаетъ равнодушіе китайцевъ къ смерти. Я видѣлъ, какъ въ 1900 году въ Маньчжуріи казнили шестерыхъ преступниковъ. Имъ должны были отрубить головы. Китайцы стояли на колѣняхъ со связанными назади руками. Когда палачъ съ мечемъ въ рукахъ подошелъ къ одному изъ нихъ, съ другого конца крайній крикнулъ: „Иди сюда, начинай меня перваго. Я посмотрю, острый-ли у тебя мечъ!" Остальные приговоренные къ смерти въ это время пересмѣивались съ мальчишками и дразнили ихъ языками.

На побережье моря сѣвернѣе бухты Терней хунхузы никогда не заходили, потому что страна здѣсь становится пустынной и безлюдной, къ тому же они гобаивались охотничьей дружины „Пао-тоу", раіономъ дѣятельности которой въ

1900—1907 г. было все побережье отъ залива св. Владимира до рѣки Кусуна и даже еще сѣвернѣе. Дружина это собралась первый разъ въ 1880 году и съ той поры она уже болѣе не распускалась. Въ 1899 году китаецъ Чанъ-гинъ-чинъ былъ выбранъ пожизненнымъ начальникомъ охотниковъ „Чжанъ-Бао".

Въ составъ этой дружины входили всѣ вооруженные китайцы и всѣ прибрежные тазы. По мѣрѣ заселенія Края русскими, раіонъ дѣятельности дружины все болѣе и болѣе отодвигался на сѣверъ, число дружинниковъ становилось все меньше и меньше и въ 1908 году она прекратила свое существованіе. Большая часть охотниковъ ушла въ Маньчжурію, а остальные разсѣялись по всему Краю.

Въ число дружинниковъ не всѣ могли попасть. Въ нее принимались рѣшеніемъ общаго собранія только лица, извѣстныя своей честностью, храбростью и непремѣнно за поручительствомъ своихъ товарищей. У этихъ людей былъ одинъ только законъ—„Кровь за кровь", и одно только правило—„Око за око". Какъ примѣнялись эти законы, свидѣтельствуютъ двѣ кровавыя драмы, разыгравшіяся въ 1906 году около бухты Терней, близъ фанзы Дунъ-Тавайза.

У Чанъ-Чи-чина помощникомъ былъ китаецъ Лю-Пулъ. Осенью въ 1908 г. онъ былъ убитъ японцами при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Лю-Пулъ вмѣстѣ съ корейцемъ Кинъ-Ю-То шелъ берегомъ моря по намывной полосѣ прибоя. Оба они были приглашены къ тазамъ на праздникъ на р. Такэму и, такъ какъ вышли рано, то не очень торопились въ дорогѣ. У того и другого были прекрасныя ружья. Отойдя немного отъ устья р. Адимиль, Лю-Пулъ отсталъ, сѣлъ на камень и началъ переобуваться. Тутъ недалеко отъ берега стояла японская шхуна, на которой было около 30 человѣкъ экипажа. Отсутствіе попутнаго вѣтра не давало ей возможности уйти въ море.

Пока Лю-Пулъ переодѣвался, отъ шхуны отдѣлилась лодка и подплыла къ берегу. Изъ лодки вышли японцы, подошли къ Лю-Пулъ и стали съ нимъ разговаривать. Одинъ изъ японцевъ взялъ его ружье, какъ будто для того, чтобы его посмотрѣть. Лю-Пулъ, ничего не подозрѣвая, продолжалъ

перетягивать ремни обуви. Въ это время стоящій позади японецъ поднялъ большой камень и со страшной силой ударилъ его по головѣ. Грабители отобрали отъ убитаго ружье и 20 рублей денегъ. Пока одни занимались грабежемъ, другіе изъ ружья Лю-Пула открыли огонь по ушедшему впередъ корейцу, но послѣдній успѣлъ скрыться въ скалы и затѣмъ кружною тропою вернулся обратно въ Дунъ-Тавайзу.

Тамъ какъ разъ въ это время былъ начальникъ дружинниковъ Чанъ-ги-чинъ и 5 китайскихъ охотниковъ. Узнавъ о случившемся, дружинники рѣшили жестоко отомстить японцамъ. Поздно вечеромъ они, захвативъ съ собой двѣ банки керосина, сѣли въ лодки и ночью безъ малѣйшаго шума подошли къ судну. Шхуна попрежнему стояла на якорѣ на своемъ мѣстѣ. Тазы отвязали стоявшую у кормы ея лодку, затѣмъ облили шхуну съ боковъ керосиномъ и подожгли ее сразу со всѣхъ сторонъ. Большая часть японцевъ сгорѣла, тѣ же, которые успѣли выскочить изъ огня и бросились въ воду, были добиты китайцами.

Другая кровавая драма разыгралась недалеко отъ залива Пластуна по рѣкѣ Каимбэ.

Въ концѣ прошлой войны партія сахалинскихъ дружинниковъ, послѣ высадки ихъ на материкъ около мыса Золотого, направилась къ югу вдоль побережья Татарскаго пролива къ заливу Св. Ольги. Такъ какъ всѣ сахалинцы не могли помѣститься въ лодкѣ, имѣвшейся въ ихъ распоряженіи (ихъ было 14 человѣкъ), то часть ихъ (6 человѣкъ) шла берегомъ моря. Плаваніе дружинниковъ до рѣки Тавайзы, если не считать произведенныхъ ими грабежей и насилій*), прошло, кажется, безъ всякихъ приключеній. Около устья рѣки Тавайзы они увидѣли около костра двухъ орочей охотниковъ. Сахалинцы напали на нихъ врасплохъ и убили. Убійство было сдѣлано съ цѣлью грабежа. Забравъ вмѣстѣ съ другими вещами оружіе орочей, разбойники, прикрывъ трупы убитыхъ небольшимъ слоемъ песку, ушли по направленію къ югу.

Розыски пропавшихъ тазовъ долгое время были тщетными. Наконецъ, на рѣкѣ Адимилъ-Тавайза около берега мо-

*) На р. Кавангу (южнѣе мыса Плитнякъ) они вырѣзали цѣлую семью орочей, дѣтей побросали въ воду и, когда тѣ подплыли къ берегу и молили ихъ о пощадѣ, они прикололи ихъ острогою.

ря было найдено мѣсто ихъ бивака. Разбросанныя на землѣ кое какія мелкія вещи и странное поведеніе собакъ заставили искавшихъ предположить, что здѣсь было совершено убійство. Собаки съ воемъ стали рыть землю. Раскопки въ этомъ мѣстѣ обнаружили скоро одинъ трупъ и рядомъ съ нимъ и другой. Преступленіе было раскрыто. Опытный глазъ орочей не обманывалъ ихъ: убійцами были русскіе.

Въ это время, вслѣдствіе непогоды, партія сахалинцевъ успѣла добраться только до рѣки Каимбэ, гдѣ и задержалась. Немедленно собралась вся дружина и отправилась туда, гдѣ бивакировали сахалинцы. Неожиданно напали они на нихъ и перебили сразу всѣхъ тѣхъ, которые были на берегу. Сидящіе въ лодкѣ начали отстрѣливаться и хотѣли было уйти въ море, но противный вѣтеръ и сильное волненіе помѣшали ихъ бѣгству. Лодку прибивало волнами къ берегу все больше и больше. На несчастье у каторжанъ скоро изсякли всѣ патроны. Мѣткій ружейный огонь орочей и китайцевъ по кучкѣ людей, сбившихся въ лодкѣ, оказался настолько дѣйствительнымъ, что черезъ нѣсколько минутъ всѣ сахалинцы уже лежали убитыми или ранеными. Предоставленная самой себѣ лодка была прибита къ берегу. Изъ нея выскочили два человѣка и бросились бѣжать. Тазы открыли по нимъ огонь, но они успѣли скрыться. Бродя по тайгѣ, бѣглецы наткнулись на пастушескую фанзу, въ которую имѣли неосторожность зайти.

Между тѣмъ Чанъ-ги-чинъ отрядилъ шесть человѣкъ охотниковъ для поисковъ бѣглецовъ. Оба сахалинца вскорѣ были пойманы въ фанзѣ и тутъ же убиты. Всѣ трупы китайцы сбросили въ море, а лодку сожгли. Китайцевъ и тазовъ охотниковъ было около 20 человѣкъ.

1906 и 1907 г.г. были очень безпокойные. Шайки хунхузовъ бродили повсемѣстно. Тогда Чанъ-ги-чинъ оказалъ мнѣ большія услуги. Каждый разъ, какъ только заходило солнце, онъ окружалъ мой бивакъ часовыми, и кромѣ того выставлялъ еще особыхъ часовыхъ по всѣмъ тропкамъ. Его лазутчики каждый день сообщали мнѣ, гдѣ находятся хунхузы и что произошло въ окрестностяхъ за ночь.

Въ 1900 году китайцы не хотѣли пустить переселенцевъ

старовѣровъ на р. Амагу*). Чанъ-ги-чинъ далъ старовѣрамъ пропускъ и убѣдилъ китайцевъ не препятствовать русскимъ, тѣмъ болѣе, что долина р. Амагу была пустынной и находилась въ сторонѣ отъ китайскихъ охотничьихъ раіоновъ. Чанъ-ги-чинъ былъ единичная личность**); по нему нельзя судить о всѣхъ китайцахъ.

Мѣстные китайцы враждебно относятся къ русскимъ—1) потому что русскіе мало-по-малу вытѣсняютъ ихъ изъ края, 2) потому что русскіе постоянно заступаются за инородцевъ и 3) потому что прошлая неудачная война подорвала авторитетъ русскихъ властей въ краѣ. Китайцы убѣдили инородцевъ, что Уссурійскій Край принадлежитъ Китаю, что русскіе попали сюда на время случайно, такъ же случайно, какъ въ Маньчжурію и что поэтому не надо слушаться „Лоца-Мауза" (т. е. русскихъ***), а слѣдуетъ во всемъ подчиняться китайцамъ.

Въ японскую войну послѣ Мукденской катастрофы и послѣ разгрома эскадры адмирала Рождественскаго около острова Цусимы, когда ожидалась осада Владивостока—мѣстные китайцы пришли въ сильное возбужденіе. Они побросали свои работы, ходили по всѣмъ дорогамъ и тропамъ и горячо толковали о грядущихъ событіяхъ и главнымъ образомъ о томъ, гдѣ достать можно ружья и патроны. Ходячія среди большой части населенія мысли были таковы: „*Когда японцы разобьютъ русскихъ и здѣсь въ Уссурійскомъ Краѣ и когда русскіе пойдутъ въ Хабаровку, то надо помогать японцамъ, надо на пути перехватить русскихъ и бить ихъ, гдѣ только возможно. Надо сжечь всѣ деревни и перебить не только крестьянъ, но и дѣтей и женщинъ, чтобы здѣсь совсѣмъ не было русскихъ и чтобы земля снова стала китайской*".

Вообще, послѣ войны замѣтно, что китайцы перестали быть такими приниженными, какими мы знали ихъ раньше.

---

*) Свѣдѣнія эти сообщили мнѣ старообрядцы братья Черепановы и Бортниковы, живущіе тамъ и по сіе время.

**) Въ 1908 г., когда дружина разсѣялась, Чанъ-ги-чинъ ушелъ за Уссури и поселился въ Хуми-Санза. По слухамъ, въ 1913 году онъ умеръ, кажется насильственной смертью. Это вполнѣ возможно—у него было очень много враговъ среди хунхузовъ.

***) „Лоца" слово орочское—этимъ племенемъ они называютъ русскихъ „Маоцзы„—слово китайское, означающее „волосатый".

Они стали болѣе смѣлыми, чтобы не сказать дерзкими. Когда нашъ экспедиціонный отрядъ приходилъ въ ту или другую мѣстность, китайцы производили негласное разслѣдованіе, кто былъ проводникомъ, кто указалъ дорогу и т. д.

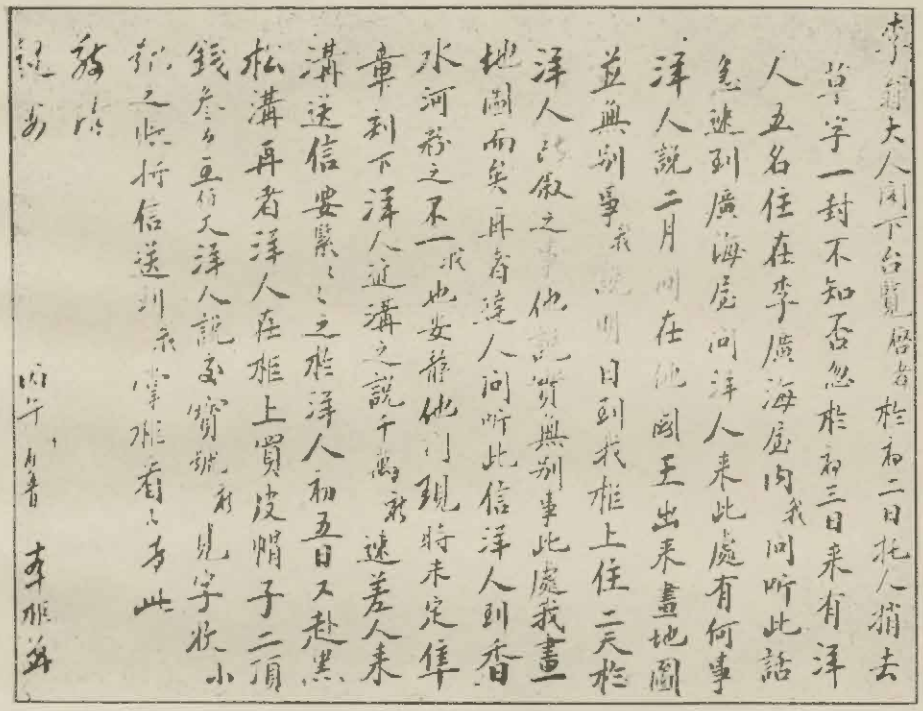
1895—1909 г. въ Анучинскомъ раіонѣ, на Иманѣ, въ Засучаньѣ и въ Зауссурійскомъ Краѣ вооружено было поголовно все манзовское населеніе. Главнымъ оружіемъ были винчестеры, маузеры и берданки; 3-хъ линейныя винтовки среди китайцевъ появляются приблизительно съ 1900 г. Оружіе это было перенесено сюда въ разобранномъ видѣ послѣ войны 1904 и 1905 годовъ, сюда же попадали и всѣ тѣ винтовки, которыя пропадали въ войскахъ во время безпорядковъ въ г. Владивостокѣ.

Насколько дѣйствительно мѣстные китайцы были убѣждены, что Уссурійскій Край принадлежитъ имъ, мы можемъ судить изъ слѣдующихъ документовъ, касающихся меня лично.

Первый документъ, случайно попавшій мнѣ въ руки, заключалъ въ себѣ китайское донесеніе о моемъ появленіи въ верховьяхъ Имана въ 1906 г.

Онъ гласилъ: *Г-нъ Ми-вень! Имѣю честь представить на Ваше усмотрѣніе нижеслѣдующее: въ этомъ мѣсяцѣ 3 числа со стороны моря вдругъ пришли* **иностранцы** *(Янь-чжень) пять человѣкъ и остановились въ домѣ Ли-танъ-куя. Узнавши это, я немедленно поспѣшилъ къ нимъ и разспросилъ иностранцевъ, какое дѣло они имѣютъ въ нашемъ мѣстѣ. Иностранцы разсказали, что во второмъ мѣсяцѣ они вышли* **изъ своего государства** *чертить карту и другихъ дѣлъ не имѣютъ. Я сказалъ имъ, чтобы на слѣдующій день они приходили бы ко мнѣ жить. 4-го числа иностранцы пришли ко мнѣ и прожили два дня. Разговаривая съ иностранцами о дѣлахъ, я дѣйствительно убѣдился, что пришли они* **въ нашу землю** *чертить карту и только. Затѣмъ инородцы, услышавъ это извѣстіе, что пришли иностранцы, встревожились. Я ихъ также успокоилъ. 5-го числа иностранцы опять отправились въ Хэй-шуй-гоу. Прочитавши письмо, передайте его прочесть г. Бинъ-у-нянь (1906 года) 10 мѣсяца 5 числа.*

Волненія среди инородцевъ, о которыхъ въ письмѣ упоминаетъ китаецъ, произошли по слѣдующей причинѣ. Упомя-



Донесеніе китайцевъ о появленіи „иностранцевъ“ (русскихъ) на р. Иманѣ.

Rapport fait par les chinois habitant la vallée de la rivière Iman et dénonçant l'arrivée de Russes (étrangers) dans leur région.

(Стр. 162).

нутый Ли-танъ-куй жестоко притѣснялъ орочей и нерѣдко подвергалъ ихъ тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Всѣ орочи съ р. Имана были его неоплатными должниками и работали на него, не покладая рукъ. Наконецъ, двое изъ нихъ изъ рода Гялондига, выведенные изъ терпѣнія, поѣхали къ русскимъ властямъ просить защиты отъ китайцевъ. Тогда Ли-танъ-куй для примѣра другимъ инородцамъ приказалъ жалобщиковъ бить палками безъ конца. Одинъ изъ этихъ орочей умеръ во время наказанія, а другой выжилъ, болѣлъ цѣлый годъ и остался калѣкой на всю жизнь. Когда орочи узнали о моемъ прибытіи, они сильно взволновались. Обо всемъ этомъ я узналъ на другой день послѣ отправки письма Ли-танъ-куя. Весной на р. Иманъ была послана полицейская стража съ казаками. Ли-танъ-куй былъ арестованъ и большая часть китайцевъ выселена въ Маньчжурію.

Второй документъ представляетъ изъ себя свободный пропускъ или открытое предписаніе, выданное мнѣ китайцами на р. Бикинѣ въ 1907 г.

Содержаніе его слѣдующее: *Настоящая записка дана отъ Дэ-Тай-я, чтобы провожали трехъ русскихъ государственныхъ чиновниковъ на собачьихъ саняхъ до Хэ-ба-гоу черезъ Туань-шаньцзы со станка на станокъ, не обращая вниманія на снѣгъ и вѣтеръ. Конечнымъ пунктомъ будетъ Си-гоу.*

Тѣсную связь съ хунхузами имѣютъ охотники и звѣроловы. Вооруженные, отлично знающіе тайгу и всѣ горныя тропы, они являются лучшими проводниками. Фанзы ихъ всегда служатъ хунхузамъ пристанищами.

Половину года китаецъ охотничаетъ, соболюетъ въ тайгѣ, въ другое время онъ работаетъ на пашнѣ, если соболеваніе не было добычливымъ, или ничего не дѣлаетъ, если ему удалось хорошо поохотиться и добыть много пушнины. Тогда бродитъ онъ изъ одного поселка въ другой, куритъ опіумъ и предается азартнымъ играмъ. Отъ китайца охотника и соболевщика до хунхуза одинъ шагъ. Сегодня онъ звѣроловъ, завтра—разбойникъ!

Борьба съ китайскими браконьерами непремѣнно повлечетъ за собою ослабленіе дѣятельности хунхузовъ. Уничтоженіе звѣровыхъ фанзъ съ запасами продовольствія, на ко-

торыя всегда опираются разбойники во время своихъ движеній по тайгѣ, заставитъ послѣднихъ уйти изъ горъ и выйти на дороги, къ деревнямъ и селамъ, а это, въ свою очередь, дастъ возможность успѣшнѣе съ ними бороться.

Въ началѣ осени манзы завозятъ въ звѣровыя фанзы запасы продовольствія, обезпечивающіе ихъ на все время охоты и соболеванія. Тогда китайскіе разбойники дѣйствительно уходятъ далеко въ горы. Совершая переходы отъ одного поселка къ другому, они пробираются цѣлиною, кружными горными тропами, обходятъ селенія, зная наперед, что найдутъ въ тайгѣ продовольствія съ избыткомъ.

Напавъ на китайцевъ въ одномъ мѣстѣ, хунхузы тотчасъ же переходятъ въ другой раіонъ, гдѣ нѣкоторое время ничѣмъ не даютъ о себѣ знать, но затѣмъ вновь нападаютъ на сосѣдей и опять уходятъ въ новыя мѣста и т. д.

Обыкновенно при появленіи хунхузовъ крестьяне собираются неохотно; они требуютъ войска, а вслѣдствіе нашей проволочки и канцелярщины войска всегда опаздываютъ, выходятъ безъ всякихъ инструкцій, вступаютъ въ распоряженіе полицейскаго чиновника, который и самъ то не знаетъ, гдѣ слѣдуетъ искать разбойниковъ и потому такія экспедиціи противъ хунхузовъ всегда безрезультатны. Стоитъ ли искать разбойниковъ, когда послѣ появленія ихъ въ данной мѣстности прошло уже нѣсколько сутокъ и хунхузы ушли отсюда, по крайней мѣрѣ верстъ за сто, если не больше!?

Нельзя не отмѣтить отсутствія взаимной поддержки у крестьянъ, живущихъ въ разныхъ селеніяхъ. Въ то время, какъ одинъ староста собираетъ охотниковъ и идетъ на обыскъ фанзъ, крестьяне другой деревни, черезъ которую бѣгутъ китайцы, смотрятъ на работу своихъ сосѣдей безучастно и посмѣиваются иронически.

Старожилы китайцы говорятъ, что въ Уссурійскомъ Краѣ раньше хунхузовъ было гораздо меньше и что ихъ теперь наплодили сами русскіе. У крестьянъ не наблюдается солидарности, нѣтъ общаго плана, нѣтъ согласія, нѣтъ взаимной поддержки. Китайцы отлично это поняли и постарались воспользоваться этой отрицательной стороной нашихъ засельщиковъ.

Весь залогъ успѣха заключается въ самомъ начальникѣ. Если онъ апатиченъ и лѣнивъ и если въ дѣло онъ не вложитъ своей души, то, при самой идеальной организаціи отряда, онъ никогда не достигнетъ цѣли. Если же онъ будетъ работать не за страхъ, а за совѣсть, если онъ будетъ энергиченъ, то и при самой слабой и даже случайной организаціи изъ мѣстныхъ крестьянъ охотниковъ такая экспедиція въ одну зиму сдѣлаетъ больше, чѣмъ воинскій отрядъ изъ трехъ родовъ оружія въ теченіе цѣлаго года. Хунхузы отлично понимаютъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и въ такихъ случаяхъ достаточно одного имени энергичнаго начальника, чтобы разбойники сами ушли бы въ другой раіонъ, который находится въ вѣдѣніи бездѣятельнаго, слабаго духомъ и апатичнаго человѣка.

Я знаю случай, когда крестьяне съ рѣки Даубихэ и рѣки Сучана выслѣдили большую шайку хунхузовъ и перестрѣляли всѣхъ китайцевъ. Около двухъ лѣтъ послѣ этого ихъ таскали по судамъ и слѣдствіямъ. Требовалось доказательство, что это дѣйствительно были хунхузы, а не охотники-промышленники звѣроловы*).

Китайскіе законы.

Строй жизни китайцевъ въ Уссурійскомъ Краѣ поражаетъ своей оригинальностью. Эта замѣчательная организація заслуживаетъ того, чтобы о ней поговорить подробнѣе. И здѣсь опять таки мы видимъ одинъ и тотъ же суровый законъ тайги *„Кровь за кровь“ и „Око за око“. „Прощенія нѣтъ“* —вотъ тезисъ, вотъ главное основаніе закона! Надо поражаться той желѣзной дисциплинѣ, которая сковываетъ членовъ этой ассоціаціи между собою. На каждой рѣ-

*) *Примѣчаніе къ страницѣ 55-й.* Когда была уже напечатана эта глава, Генеральнаго Штаба полковникъ Тихменевъ прислалъ въ даръ Гродековскому Музею Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества старинныя карты Маньчжуріи, Уссурійскаго Края, Сахалина и Амурской области. Съемки эти были произведены въ 1857 г., въ бытность его покойнаго отца первымъ губернаторомъ Приморской области, генераломъ Тихменевымъ.

Разсматривая эти карты, мы видимъ, что въ то время въ Уссурійскомъ Краѣ названія всѣхъ рѣкъ, урочищъ, горъ, стойбищъ и т. д.—были исключительно маньчжурскія и ни одного названія нѣтъ китайскаго. Такъ, наприм., р. Хоръ называется Хоре-Бира, р. Иманъ значится подъ названіемъ Нимань-Бира, Суйфунъ—Фурдань-Бира, Хунгари—Хачгарула, Уссури—Уссури-Ула, Бикинъ—Бишень-Бира и т. д.

Изъ этого мы въ правѣ заключить, что въ 1857 году китайцевъ въ Уссурійскомъ Краѣ было еще такъ мало и были они тамъ такъ недавно, что не могли маньчжурскія географическія названія замѣнить своими китайскими. Эта замѣна произошла значительно позже. *В. Арсеньевъ.*

кѣ китайцы живутъ своею жизнью, совершенно обособленной отъ сосѣдей и въ то же время удивительная солидарность царитъ между ними. Каждая долина рѣки представляетъ изъ себя отдѣльную общину (Гуанъ-и-Хуй). Въ каждой долинѣ есть свои особые законы: „*Тунъ-Дянь-Лу*“, т. е. „*Всеобще оповѣщенныя правила*“.

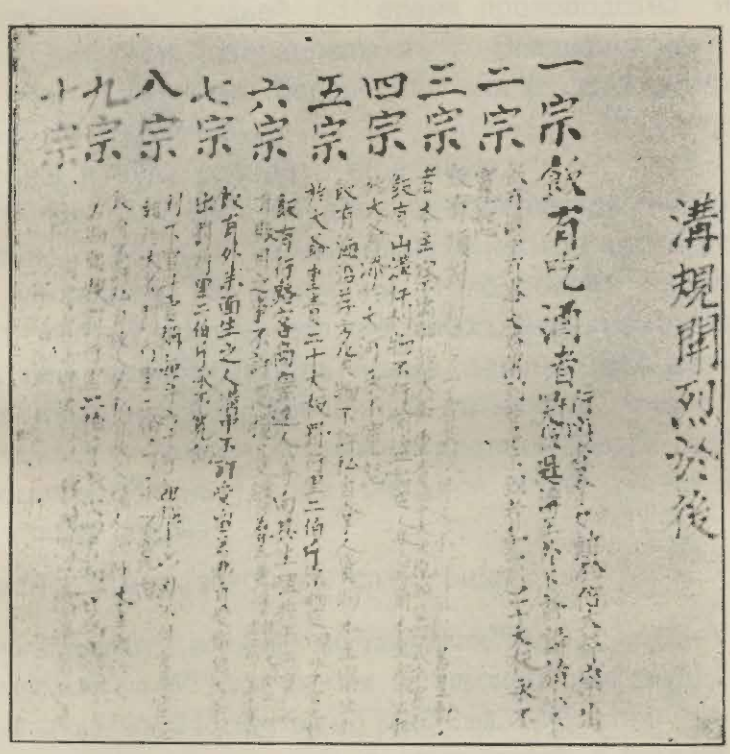
На вопросы, задаваемые китайцамъ, существуютъ ли у нихъ на родинѣ такой-же порядокъ, такой-же строй и такіе-же законы, они говорили „нѣтъ“. А на вопросы, почему же здѣсь въ Пріамурьѣ они живутъ другой жизнью, они отвѣчаютъ: „*Тамъ въ Китаѣ у насъ есть много всякихъ начальниковъ, а здѣсь въ Уссурійскомъ Краѣ начальства нѣтъ никакого*“.

И въ самомъ дѣлѣ, люди эти, поселившіеся въ глубинѣ горъ и лѣсовъ, долгое время были предоставлены самимъ себѣ. Должны же были они выработать себѣ какія нибудь правила, чтобы руководствоваться ими въ жизни. Тяжелыя условія самой жизни, борьба со стихійными силами природы, хунхузы, дикіе звѣри, все это наложило на характеръ ихъ грубый и жестокій отпечатокъ, а это послѣднее обстоятельство, какъ въ зеркалѣ, въ грубой и жестокой формѣ отразилось въ тѣхъ законахъ, которые они для себя создали.

Русскія власти хорошо знали, что въ тайгѣ много живетъ китайцевъ, но не хотѣли вникнуть въ ихъ жизнь и предоставляли имъ самимъ устраиваться и жить по своему. Казалось, что какъ будто бы русскіе и китайцы подѣлили страну между собою. Русскіе хозяйничали на Уссури, около желѣзной дороги, въ Южно-Уссурійскомъ Краѣ и на побережьѣ моря до залива св. Ольги, а китайцы—сѣвернѣе ихъ и внутри страны. Такъ продолжалось до 1907 года.

Появленіе русскихъ измѣнило только наружный обликъ страны, но не коснулось внутренней жизни китайскаго населенія. По мѣрѣ того какъ вымирали старики, въ Краѣ появлялся новый элементъ. Вновь прибывшіе китайцы селились на старыхъ мѣстахъ и удерживали старые обычаи и старые законы. Отъ русскихъ они скрывали свою организацію и усиленно прятали свои законы.

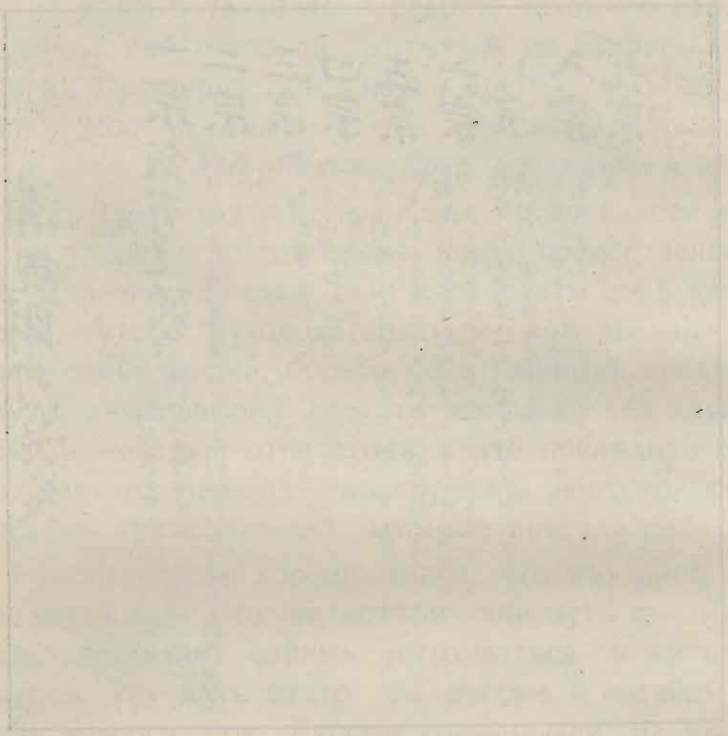
Законы эти удалось достать только три раза. Одинъ



Законы китайской организаціи „Гуанъ и Хуэй“ въ Уссурійскомъ Краѣ.

Lois promulguées par les communes chinoises „Gouan et Khouei“ habitant la région de l'Oussouri.

(Стр. 167).



разъ они добыты покойнымъ г. Пальчевскимъ, прожившимъ въ Уссурійскомъ Краѣ 26 лѣтъ. Другой разъ по счастливой случайности въ 1906 году на р. Санхобэ съ большимъ рискомъ мнѣ удалось достать два свертка этихъ законовъ. Законы были написаны на двухъ длинныхъ, широкихъ лентахъ, длиною въ 10 аршинъ каждая.

Третій разъ законы китайской организаціи были добыты иманскимъ мировымъ судьей во время производства имъ слѣдствія*). Они были отправлены въ г. Владивостокъ въ Восточный институтъ, тамъ переведены на русскій языкъ и опубликованы въ 1909 году.

Объ этомъ я буду говорить еще ниже.

Разъ въ три года со всей долины собираются китайцы около кумирни. Здѣсь они раскладываютъ костры и сжигаютъ бумажки по усопшимъ. По окончаніи этого обряда они приступаютъ къ выбору новыхъ должностныхъ лицъ, измѣняютъ, дополняютъ или вырабатываютъ новые законы. Это великій день, великій праздникъ, пріуроченный къ началу Новаго Года. Новые законы читаются вслухъ и подписываются всѣми присутствующими. Имена тазовъ пишутся послѣ китайцевъ на самомъ концѣ списка.

Содержаніе этихъ законовъ слѣдующее:

«Тунъ-дянъ-лу — всеобщее постановленіе**).

Составлено на 62 годъ (жизни на морскомъ побережьѣ) 15-го числа 1-й луны въ 24 году эры Гуанъ-Сюй. ***)

Законы одинаковы для неба и земли, людей и растеній. Въ теченіе 100 вѣковъ они смѣняются, какъ гости. Люди живутъ, какъ въ сновидѣніи, двигаясь впередъ и возвращаясь обратно. Время мчится быстро. Поле и огородъ созрѣваютъ и вянутъ, почему же не начинаютъ они цвѣсти сначала? Въ дѣйствительности природа не измѣняется, но измѣняется наше сердце. Мы томимся мелочами жизни и не замѣчаемъ, что время мчится и уходитъ безвозвратно. Мы знаемъ, что будущее можетъ нагрянуть, но истинный путь дѣйствительности (смыслъ настоящаго) скрытъ далеко. Сегодня ка-

*) Фамилію этого мирового судьи мнѣ не удалось установить.

**) Переводы этихъ документовъ сдѣланы г-номъ Шкуркинымъ (П. В.), а затѣмъ были провѣрены въ С.-Петербургѣ профессоромъ Ивановымъ.

***) 1898 годъ.

жется такъ, завтра иначе. Спроси утреннею порою у сражающихся враговъ о дорогѣ—нѣтъ у нихъ времени для отвѣта. Мы стоимъ у ограды завѣсы неизвѣстности и жаждемъ знать, что находится за нею».

Послѣ этого вступленія идетъ списокъ должностныхъ лицъ.

«Пао-тоу—Охотники (Охотничья дружина).

Пао-тоу-Да-ѣ—Начальникъ охотниковъ Чжанъ-Бао.

Пао-тоу бань-банъ—Помощникъ старшины охотниковъ.

Охотники дѣлятся на 9 отдѣленій (пай)*).

1, 4 и 6 ая дощечки—48 человѣкъ,

7-й пай—13 человѣкъ,

9-й пай—9 человѣкъ,

8-й пай—16 человѣкъ.

Среднее отдѣленіе:

2-й пай—14 человѣкъ, 3-й пай—9 человѣкъ.

Дощечки внѣшнихъ горъ, т. е. за водораздѣломъ:

1-й пай—5 человѣкъ, 2-й пай—7 человѣкъ.

Умершіе, которымъ сжигаются бумажки—14 человѣкъ».

Китайцы въ память умершихъ сжигаютъ золотыя и серебряныя бумажки (Кэнь-енъ-бао), посылая усопшимъ такимъ образомъ въ загробный міръ, якобы, золотыя и серебряныя деньги.

Лица, которыя при жизни оказали общинѣ какія либо особыя услуги, особенно почитаются. Послѣ смерти имена ихъ заносятся въ особый памятный списокъ. Имъ то и сжигаются эти бумажки.

Далѣе слѣдуютъ:

«Цзунъ-Да-ѣ—Главный старшина.

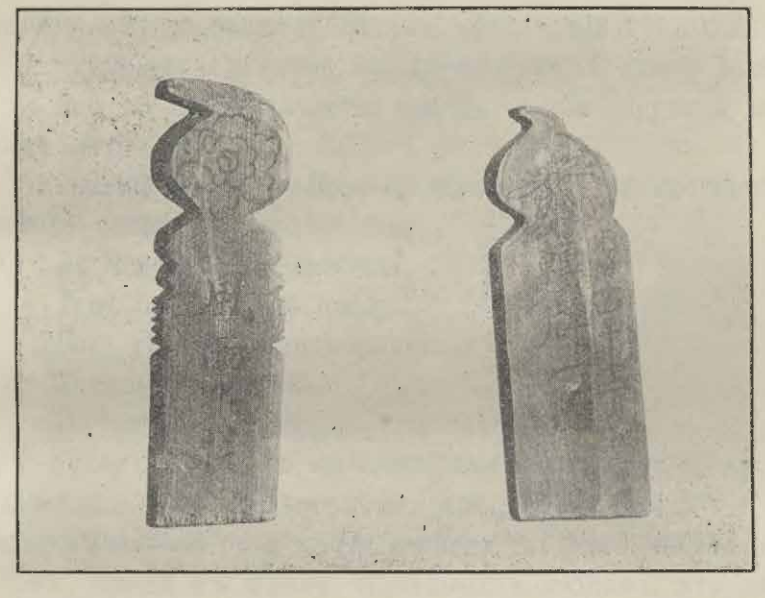
Тунъ-Цзунъ-Ли—Главный исполнитель закона, лицо соотвѣтствующее нашему прокурору.

Бань-Да-Ѣ—Два главныхъ помощника старшины.

Се-Бань-Да-Ѣ—Четыре помощника главныхъ помощниковъ старшины. Одинъ изъ нихъ назначается спеціально для сношенія съ русскими властями, когда они прибудутъ въ долину».

Когда я приходилъ въ китайское селеніе и требовалъ къ

*) Каждое отдѣленіе (пай) имѣетъ свою собственную дощечку, выкрашенную въ красный цвѣтъ. На каждой дощечкѣ іероглифически изображены годъ, номеръ пая и районъ дѣйствія.



Символъ власти главнаго исполнителя закона китайскихъ организацій—красная деревянная дощечка съ надписями „Ни вѣтеръ, ни дождь не задержатъ". Тыльная и лицевая сторона.

Symbole du pouvoir de l'exécuteur des lois promulguées par les communes chinoises établies dans la région de l'Oussouri. Ce symbole représente une planchette de bois peinte en rouge portant l'inscription suivante: Ni le vent, ni la pluie ne devront être un obstacle.

(Стр. 169).

себѣ старшину—старшина являлся. Но это былъ, значитъ, не старшина, а именно одинъ изъ Се-Бань-Да-Ѣ, которому положено вѣдать сношеніями съ иностранцами.

«Другой изъ четырехъ упомянутыхъ должностныхъ лицъ вѣдаетъ общественнымъ хлѣбозапаснымъ магазиномъ.

Минь-гуань—Три человѣка главныхъ судьей; три человѣка слѣдователей. Одинъ изъ нихъ старшина морского побережья.

Гуань—Шесть человѣкъ судей. „Желѣзная голова", т. е. обладающій лучшею памятью. Затѣмъ, „Прошедшій всѣ долины и рѣки", т. е. проводникъ, знающій всѣ окрестности, и еще 5 человѣкъ.

Всѣ 13 предназначаются для исполненія порученій должностныхъ лицъ.

Далѣе идутъ: 1) Всеобщій совѣтчикъ—лицо соотвѣтствующее нашему присяжному повѣренному.

2) Помощникъ совѣтчика.

Тунъ-ли—Главный писарь.

Банъ-тунъ-ли—Его помощникъ.

Тэхуси—Защитникъ.

По-гунъ-дао—Завѣдывающій почтой».

Въ рукахъ главнаго исполнителя закона (Тунъ-цзунъ-ли), какъ символъ власти, имѣется красная дощечка и на ней надпись: „*Фынъ-юй-бу-у*", „*Ни вѣтеръ, ни дождь не задержатъ*". Если онъ, придя въ фанзу, показывалъ людямъ эту дощечку, всѣ тотчасъ-же должны были бросать всякую работу, какъ бы она ни была спѣшной, и дѣлать то, что онъ имъ укажетъ.

У помощника исполнителя законовъ есть другая дощечка (огненная табличка) съ надписью *Хо-пай*, что значитъ „*пожарная тревога*".

Послѣ лицъ, выбранныхъ въ правленіе, начинается списокъ почетныхъ стариковъ *Да-Ѣ*. Списокъ этотъ раздѣленъ на три группы и составленъ въ порядкѣ по старшинству лѣтъ. Просматривая его, внимательный наблюдатель замѣчаетъ нѣкоторыя отступленія отъ порядка. Такъ, напримѣръ, среди стариковъ 1-й категоріи видна фамилія одного сравнительно молодого китайца. Въ Да-Ѣ онъ попалъ вслѣдствіе своего выдающагося ума. Почти въ самомъ концѣ, среди младшихъ Да-Ѣ помѣщенъ глубокій старикъ,—оказывается, что онъ тугъ на ухо и т. д.

Такимъ образомъ мы видимъ, что при составленіи списковъ Да-Ѣ взвѣшивались не только умственныя способности стариковъ, но и физическіе ихъ недостатки. Послѣднее обстоятельство имѣетъ важное значеніе, потому что на судѣ всѣ ближайшіе по окрестности Да-Ѣ участвуютъ, какъ присяжные засѣдатели.

Самый порядокъ общежитія въ долинѣ, а равно и наказанія за нарушенія правилъ общаго постановленія изложены особо на отдѣльной лентѣ.

Эти правила тоже начинаются указаніемъ времени правленія Гуань-Сюй и опредѣляютъ число лѣтъ существованія организаціи въ Уссурійскомъ Краѣ.

«Гунъ-Дянъ-лу—Правила обязательныя для всѣхъ.

1) Если злодѣй совершитъ убійство и ограбитъ покойника, то преступника закопать живымъ въ землю. Прощенія нѣтъ никогда.

2) Если кто украдетъ въ отсутствіе хозяина изъ его дуй-фанзы мѣха, панты и жень-шень или продовольствіе, то преступника связать и бросить въ рѣку. Прощенія быть не можетъ.

3) Если кто будетъ посланъ съ срочной запиской и онъ по своей надобности задержится гдѣ нибудь въ дорогѣ, то бить его палками безъ конца. Прощенія нѣтъ».

Этимъ объясняется удивительная быстрая передача всякихъ извѣстій, касающихся общественной безопасности. Вотъ почему, какъ только нашъ отрядъ показался въ низовьяхъ долины, вверху уже всѣ китайцы подробно знали о численности отряда и о направленіи его движенія.

«4) Каждый долженъ охранять свой домъ, нельзя передавать его охрану другимъ. Каждый долженъ ходить по собственной звѣровой тропѣ, гдѣ у него стоятъ ловушки. Если кто пойдетъ ловить соболя по чужой тропѣ, то хозяинъ ея можетъ того безнаказано убить, хотя бы былъ уже и большой снѣгъ въ лѣсу.

5) Если торгующій въ горныхъ долинахъ имѣетъ мѣха, жень-шень и панты и кто-либо украдетъ, и кто-либо сообщитъ Да-Ѣ, то бросить преступника въ рѣку. Прощенія нѣтъ.

6) Если пьяный (или поступавшій раньше дурно) злодѣй возьмется за ножъ или ружье и кто либо извѣститъ объ этомъ Да-Ѣ, то дать виновному 40 ударовъ большими палками (та-банъ) и выгнать его изъ долины. Прощенія нѣтъ».

Палки (Та-банъ) всегда находятся въ кумирнѣ. Тутъ-же производятся и наказанія. Преступника кладутъ лицомъ на землю, спиною кверху. Руки и ноги растягиваютъ и привязываютъ веревками къ кольямъ. Удары наносятся по спинѣ, поясницѣ, ногамъ и ягодицамъ. При небольшомъ числѣ ударовъ наказуемаго не привязываютъ, а держатъ руками за ноги и голову.

На палкахъ тоже сдѣланы надписи:

«Да-Цинъ'ской династіи, 3 числа 12 мѣсяца 24 года правленія императора Гуанъ-Сюй. Палка перваго разряда. Нужно бить безъ милосердія.

Да-Цинъ'ской династіи, 19 числа 10 мѣсяца 21 года правленія императора Гуанъ-Сюй. Палка перваго разряда. Бить нужно безъ милосердія. Всѣ люди должны всегда помнить объ этомъ.

Да-Цинъ'ской династіи, 25 числа 3 мѣсяца 27 года правленія императора Гуанъ-Сюй. Деревня Цзи-синь-гоу. Палка второго разряда. Совершившаго преступленіе нужно бить до смерти*).

7) Если въ долинѣ что либо случится, требующее созыва схода, и Да-Ѣ позоветъ всѣхъ, то, кто не придетъ, дать 40 ударовъ большими палками. Прощенія нѣтъ.

8) Если у кого-либо есть собственный домъ или хлѣбъ, то никто изъ постороннихъ не можетъ ихъ тронуть. Если тронетъ и хозяинъ замѣтитъ и сообщитъ Да-Ѣ, то дать преступнику 20 ударовъ большими палками и взятое возвращается хозяину. Прощенія нѣтъ.

9) Если на берегу моря будетъ складъ товаровъ, то нельзя тайно брать. Если хозяинъ замѣтитъ и сообщитъ Да-Ѣ, то укравшему дать 20 ударовъ большими палками и наложить штрафъ въ 200 фунтовъ. Нѣтъ прощенія.

Штрафы поступаютъ въ общественный хлѣбо-запасный магазинъ.

10) Если придетъ прохожій гость, купецъ—манза, то съ нимъ слѣдуетъ обращаться мягко и справедливо. Если за нимъ нѣтъ дурного дѣла, если онъ уплачиваетъ счета, то нельзя ему дѣлать ничего худого. Если кто поступитъ зло и о томъ узнаетъ Да-Ѣ,

*) Переводы этихъ надписей сдѣланы окончившимъ Восточный институтъ капитаномъ Д. Д. Гнѣдичъ, которому и приношу искреннюю благодарность. *В. Арсеньевъ.*

то на того налагается штрафъ въ 200 фунтовъ товаровъ. Прощенія нѣтъ.

11) Если изъ другихъ мѣстъ появится никому неизвѣстный человѣкъ, то ему нельзя ночевать въ долинѣ Если же онъ самовольно останется ночевать и хозяинъ не дастъ знать Да-Ѣ, то виновный штрафуется на 200 фунтовъ. Прощенія нѣтъ.

12) Утверждается мѣра въ 60 цзинь (фунтовъ); каждый цзинь въ 16 ланъ. Если у кого будетъ невѣрный фунтъ или мѣра, то Да-Ѣ штрафуетъ того на 200 фунтовъ. Прощенія нѣтъ.

13) Воспрещается самовольно пускать палы. Если кто пуститъ огонь и сгорятъ вещи и хозяинъ сообщитъ Да-Ѣ, то виновный штрафуется въ пользу потерпѣвшаго. Если потерпѣвшій даетъ ложное показаніе о сгорѣвшихъ вещахъ, то и онъ штрафуется на 200 фунтовъ.

Если кто будетъ пускать палъ послѣ общественнаго опаливанія 1 числа 4 луны, то дать ему 20 ударовъ большими палками.

Закапываніе живыхъ людй въ землю имѣетъ различныя степени наказанія въ зависимости отъ того, будутъ ли обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину преступника. Въ первомъ случаѣ въ могилѣ дѣлается обширный по размѣрамъ срубъ, чтобы закапываемый не сразу умеръ. Иногда при смягченіи вины въ головахъ преступника ставится зажженый фонарь, чтобы огонь горѣлъ на счетъ кислорода воздуха и, слѣдовательно, чтобы углекислота скорѣе произвела бы свое дѣйствіе на умирающаго.

Согласно ритуала, передъ самымъ совершеніемъ казни въ могилу входятъ двое старшихъ судей и обращаются къ людямъ съ рѣчью, что, если народъ находитъ, что они осудили человѣка неправильно, то пусть ихъ самихъ тотчасъ закопаютъ въ этой могилѣ вмѣсто осужденнаго. Обычай требуетъ, чтобы они трижды сказали это и только послѣ этого они выходятъ наверхъ, а вмѣсто нихъ вводится въ могилу преступникъ и приступаютъ къ совершенію казни. Деревянный срубъ заколачивается сверху толстыми досками и засыпается землею. Во второмъ случаѣ, т. е. при уменьшеніи вины, копается только одна яма и никакого сруба не дѣлается. Закапываемаго кладутъ на спину лицомъ вверхъ, исполнители держатъ его за ноги и за руки деревянными

развилками. При особо уменьшающихъ вину обстоятельствахъ преступнику за полчаса до казни даютъ пить ханшинъ и опій.

Закапываніе живыхъ людей въ землю не отошло въ область преданій. Случаи такой казни у китайцевъ въ Уссурійскомъ Краѣ имѣютъ мѣсто и по сіе время.

Такъ, въ 1903 году на р. Санхобэ было закопано три человѣка. Въ 1905 году на рѣкѣ Такэмѣ—2 человѣка. Въ 1906 году на р. Фудзинѣ я немного не засталъ погребенія двухъ человѣкъ, я опоздалъ на двое сутокъ. Здѣсь въ оврагѣ, недалеко отъ фанзы Iолайза, былъ похороненъ одинъ китаецъ и одинъ молодой, красивый таза. Погребеніе было совершено вечеромъ. Отецъ таза очень жалѣлъ своего сына. Ночью онъ вмѣстѣ съ другими двумя инородцами пришелъ къ могилѣ и раскопалъ ее. Сынъ его былъ еще живъ, но въ безсознательномъ состояніи. Тазы засыпали яму и унесли умирающаго на рукахъ въ горы. Черезъ двое сутокъ больной умеръ, не приходя въ сознаніе. Тогда ночью они снова отнесли его на старое мѣсто и опять закопали въ ту же могилу.

Не слѣдуетъ думать, что законы разныхъ долинъ одинаковы. Каждая община, сообразуясь съ мѣстными особенностями жизни, вырабатываетъ свои особые законы, часто совершенно отличные отъ законовъ сосѣдей долины. На рѣкѣ Иманѣ, среди другихъ наказаній, было обливаніе водою зимою голаго человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не превращался въ кусокъ льда. Такому наказанію въ 1902 г. были подвергнуты два ороча Гулунга и Серемага изъ рода Гялондига (стойбище Вагунбэ) за то, что ѣздили съ жалобой на китайцевъ къ русскому начальству.

Денежные штрафы имѣли широкое примѣненіе въ Зауссурійскомъ Краѣ на р.р. Iодзыхе, Санхобе, Кема, Кумуху и Кусунѣ. Для этого требовалось поручительство сторонніхъ лицъ и согласіе пострадавшихъ.

Какъ рѣшались такія дѣла, можно судить изъ слѣдующихъ двухъ документовъ:

1) Договоръ о вознагражденіи. Китаецъ по фамиліи Лю-Хунъ-цзюнъ въ дер. Яо-цзэ-хэ убилъ сына китаянки Чунъ Ши Лянъ

Сянъ'а По обсужденіи этого случая, группа китайцевъ рѣшила обязать Лю Хунъ-цзюнь'я уплатить матери убитаго 800 дяо. Причемъ въ настоящее время убійца долженъ уплатить 100 дяо, а остальныя 700 дяо осенью. Кромѣ того, они условились, въ случаѣ неуплаты этихъ денегъ виновнымъ, уплатить ихъ самостоятельно (слѣдуютъ подписи).

Этотъ договоръ подписанъ 32 китайцами.

21 числа 12 мѣсяца 31 года правленія императора Гуанъ Сюй.

2) Китаецъ Сюй Цинъ-гэ побилъ и нанесъ раны китайцу Цай-Си. Старшины разсмотрѣли это дѣло и, обязавъ виновнаго уплатить пострадавшему 120 дяо, рѣшили кончить на этомъ дѣло. Въ доказательство чего написано это письмо, которое подписали: Чжанъ Цинъ-гунъ, Ли Чанъ, Ванъ Пинъ-хуй, Лю Гуанъ-дэ, Сюэ Фу, Чжэнь Хуай-Мао, Цзи Ва, Лю Эръ и Ци Эръ.

12 числа 2 мѣсяца 30 года правленія императора Гуанъ-Сюй*).

Въ законахъ на рѣкахъ Санхобе и Такемѣ особенно развитъ былъ остракизмъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если виновнаго изгоняютъ совсѣмъ изъ общины, то отъ него берутъ подписку въ томъ, что онъ черезъ 12 часовъ уйдетъ изъ долины и никогда назадъ не вернется.

Примѣромъ такой подписки можетъ служить слѣдующій документъ**).

Гуанъ-Сюй 30 года 6 мѣсяца 16 числа.

Я Джань-Ди-Шень, живущій на восточныхъ границахъ русскаго побережья (Хай-хэ) въ мѣстности Сан-хобэ-гоу, былъ главою многихъ преступленій. Отнынѣ мнѣ вѣчно не будетъ позволено войти въ долину Санхобэ, гдѣ столько я сдѣлалъ зла. Подчиняюсь рѣшенію судей Да-Ѣ и прикладываю свою руку (вмѣсто печати).

Главный старшина утвердилъ этотъ приговоръ.

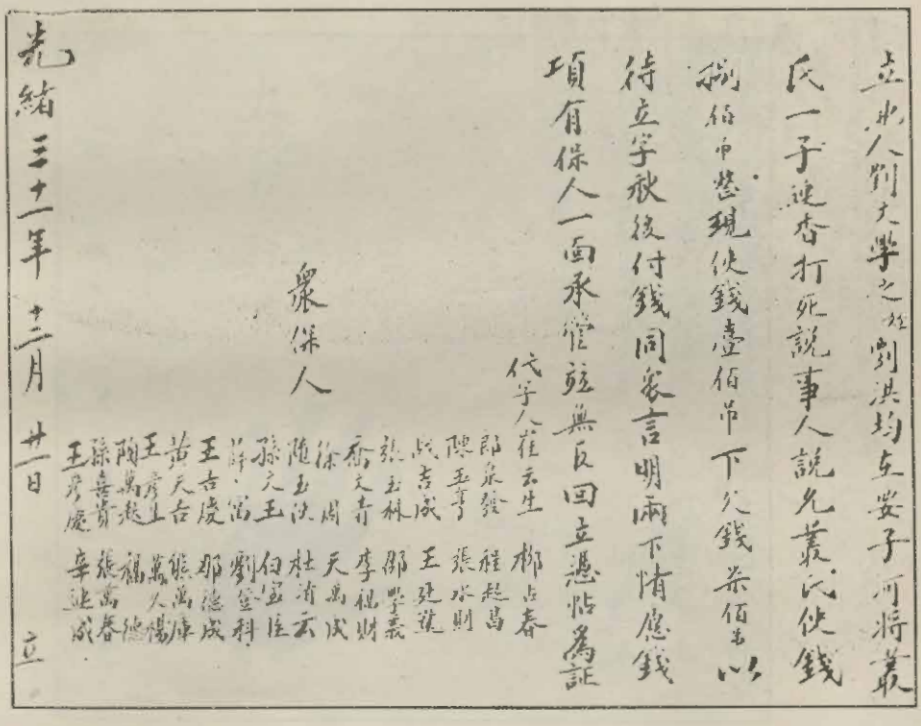
Писалъ Чжань-Чанъ-Шань по прозвищу Сы вань.

Старшины: Чжань-Бао-Тунъ, Лю-Лао-Цзинъ, Си-фу, Лю-Кай, Чжанъ-Сунъ, Сунъ-Пинъ-Нань.

Изгоняемому намазываютъ ладонь руки тушью и онъ прикладываетъ ее къ постановленію. Всѣ складки ладони, до мельчайшихъ подробностей, остаются на бумагѣ такъ, что

*) Переводы этихъ документовъ сдѣланы окончившимъ Восточный Институтъ капитаномъ Д. Д. Гнѣдичъ.

**) Подписка эта была дана китайцемъ Чжань-ди-шень на р. Санхобэ въ Зауссурійскомъ Краѣ въ 1903 году.



Рѣшеніе китайскаго суда объ убійствѣ мальчика.

Arrêt de la justice chinoise concernant le meurtre d'un enfant.

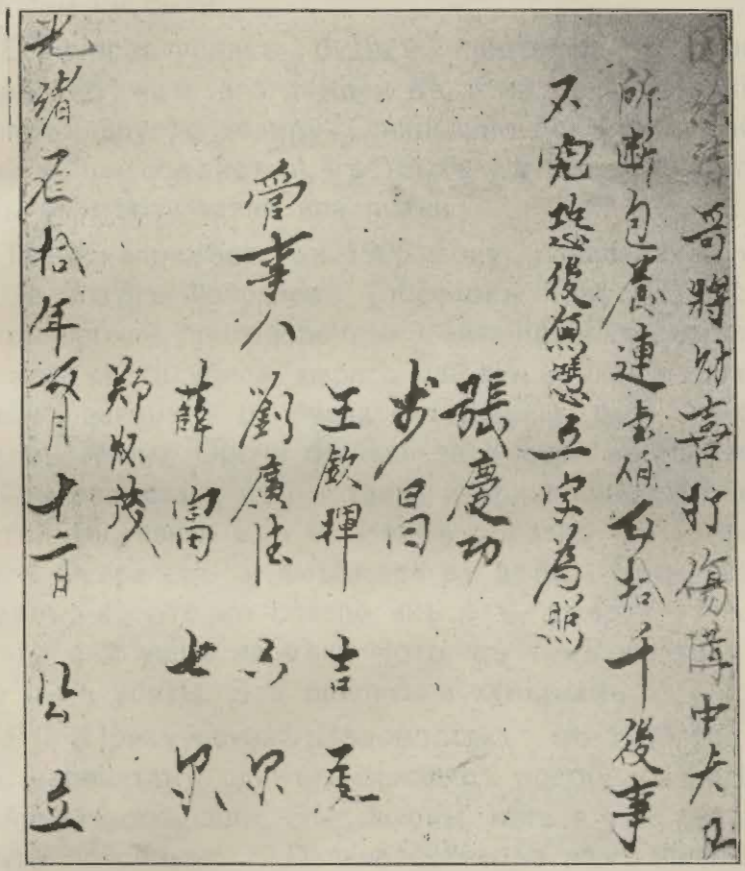
(Стр. 173—174).

Документъ объ изгнаніи изъ долины (Остракизмъ).

Document condamnant au banissement.

(Стр. 174).

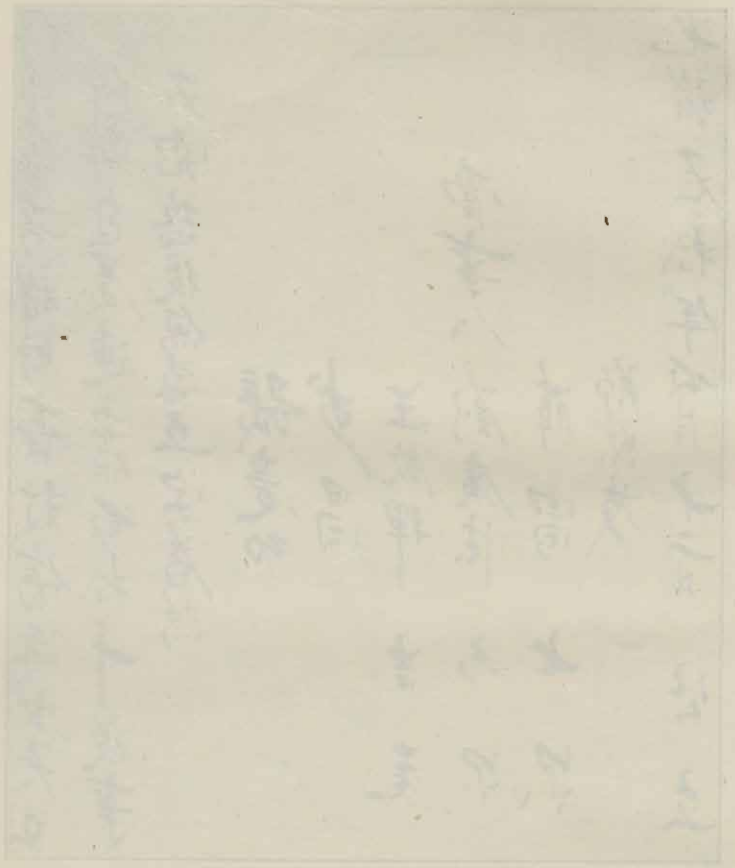
I (предис).	4	по 1912 годъ	по 1910 годъ
22	26	Въ концѣ апрѣля или началѣ мая	Въ концѣ марта или началѣ апрѣля
70	26	соху	плугъ
76	18	плугъ	соха корейскаго типа
154	1, 11, 16	брюшина	брюшной покровъ
154	3	кусокъ мяса	„кусокъ мяса“
—	12	мяса	„мяса“
94	второй рисунокъ	Pecten maximas	Pecten maximus.
202	17	Монголія	Сѣверная Монголія.



Рѣшеніе китайскаго суда о денежномъ вознагражденіи за нанесеніе ранъ.

Arrêt rendu par la justice chinoise et condamnant à payer une amende pour blessure.

(Стр. 174).



во всякое время можно точно установить, кому именно принадлежитъ рука, оставившая свой отпечатокъ (Дактилоскопія).

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство. Всякій человѣкъ, пришедшій въ долину, хотя бы только на однѣ сутки, долженъ подчиняться всѣмъ ея законамъ, какъ бы суровы они ни были.

Если преступникъ будетъ приговоренъ къ наказанію, ему не избѣжать его даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ ушелъ въ другую долину. Спеціально посланные найдутъ его всюду и при содѣйствіи мѣстныхъ Да-Ѣ онъ будетъ доставленъ къ мѣсту казни или пытки.

Такъ, напримѣръ, въ 1905 году начальникъ иманскаго участка есаулъ Февралевъ (поселокъ Графскій) освободилъ троихъ орочей, приговоренныхъ китайцами къ смертной казни. Они изъ мести убили своего цай-дун'а (кредитора). По долиннымъ законамъ р. Имана ихъ должны были закопать живыми въ землю. Орочи бѣжали за Уссури въ Маньчжурію, но китайцы разыскали ихъ и тамъ, и при посредствѣ мѣстныхъ властей доставили ихъ на Иманъ обратно. Объ этомъ узналъ есаулъ Февралевъ и вмѣшался въ дѣло. Орочи были освобождены, но это не спасло ихъ отъ смерти. Несмотря на то, что они ушли на рѣку Ното, въ томъ же году они всѣ трое были убиты. Это приписали хунхузамъ.

Въ „Приамурскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1905 году за № 26 былъ напечатанъ одинъ экземпляръ подобнаго рода правилъ китайской ассоціаціи. Эти законы, какъ я уже сказалъ, были добыты покойнымъ г. Пальчевскимъ на рѣкѣ Иманѣ. Они были написаны на листѣ красной бумаги и наклеены на стѣнѣ въ фанзѣ главнаго писаря Цзунъ-ли.

Просмотрѣвъ ихъ и сравнивъ съ напечатанными выше, читатели увидятъ, что они во многомъ отличаются отъ законовъ, добытыхъ мною въ долинѣ рѣки Санхобэ въ 1906 году.

Гуанъ-Сюй 22 лѣтъ*) февраля 13 дня.

Законы общественнаго правленія.

§ 1. Карточная игра на деньги разрѣшается съ 1-го по 20-е января, а на съѣстное—съ 15-го августа по 15-е марта. Въ по-

*) 1896 годъ.

слѣднемъ случаѣ выигрышъ уплачивается натурою и сообща съѣдается; хозяинъ долженъ продавать все требуемое игрокамъ на деньги.

За игру не на съѣстное хозяинъ подвергается оштрафованію 1 быкомъ и 15 пудами муки.

§ 2. За продажу соболя не своему цай-дуну (т. е. кредитору, хозяину) виновный подлежитъ 40 палкамъ и возвращенію соболя по принадлежности.

§ 3. За несдачу добытаго жень-шеня своему цай-дуну виновный подвергается 40 палкамъ и изгнанію съ Имана.

§ 4. За тайную отъ цай-дуна куплю пантовъ—40 палокъ.

§ 5. Прохожій имѣетъ право проживать въ каждой фанзѣ по 3 сутокъ безплатно, а затѣмъ обязанъ платить 40 копѣекъ, а за первые три дня новаго года—по 5 рублей.

§ 6. За драку и ругань—40 палокъ и 7 пудовъ провизіи.

§ 7. Раненый ружьемъ или ножемъ долженъ находиться подъ наблюденіемъ Да-Ѣ 18 дней и, если умретъ, виновный подвергается погребенію заживо. Хозяинъ-же, упустившій убійцу, наказывается 20 палками и 15 пудами муки.

§ 8. За обманъ—40 палокъ.

§ 9. Членъ артели, укравшій чужую вещь, долженъ быть немедленно обличенъ и представленъ на судъ для наказанія 40 палками и 13 пудами муки.

§ 10. Орочены обязаны возить манзъ на лодкахъ по слѣдующей таксѣ: за 2-хъ человѣкъ съ 30 пуд. груза:

до уроч. Чеизa	(85	верстъ отъ устья р. Има)	18 р.
„ „ Мяо-линъ	(120	„ „	) 24 р.
„ „ Каратунъ	(144	„ „	) 30 р.
„ фанзы Ли-чин-фу	(280	„ „	) 42 р.
„ уроч. Сида-Тунъ	(389	„ „	) 72 р.

§ 11. За обвѣшиваніе на безмѣнѣ—20 палокъ и 7 пудовъ провизіи.

§ 12. За кражу въ китайской фанзѣ—40 палокъ и изгнаніе изъ Имана.

§ 13. За кражу въ балаганѣ—40 палокъ.

§ 14. За ссору изъ-за загнанной собаки—40 палокъ.

§ 15. За куплю—продажу большой рысьей шкуры тайно отъ цай-дуна—40 палокъ и возвратъ шкуры по принадлежности.

§ 16. Работникъ и половинщикъ („кулаширъ“) за оставленіе

хозяина ранѣе одного года не только ничего не получаетъ, но обязанъ вознаградить хозяина.

§ 17. За напрасный сборъ общества Да-Ѣ обязаны возмѣстить убытки.

§ 18. За несвоевременное совершеніе священныхъ обычаевъ (кхету)—работнику 40 палокъ, а хозяину—13 пудовъ провизіи штрафа.

§ 19. Китаецъ, не вернувшій тазу отобранное у него ружье къ 15 апрѣля, подвергается штрафу.

§ 20. Для проживанія свыше 3-хъ дней, неизвѣстный хозяину прохожій долженъ представить поручителя, что однако не избавляетъ хозяина отъ отвѣтственности за проступки проживающихъ у него.

§ 21. Каждая артель обязана имѣть проводника за плату 4 рубля сверхъ пая добычи.

Провинившійся Да-Ѣ ставится на колѣни на время сгоранія „сяна“ (курительной свѣчи изъ гнилушки, длиною въ $^1/_2$ аршина) и кромѣ того:

за 1 вину—штрафъ.
„ 2 вины - штрафъ и палка.
„ 3 „ —палки.
„ 4 „ —палки.
„ 5 „ —палки.
„ 6 „ —палки.

Провинившійся судебный писарь (Цунъ-ли) ставится на колѣни на время сгоранія 3 „сяновъ“ и штрафуется быкомъ.

Документы, попавшіе въ руки Иманскаго мирового судьи и переведенные студентомъ Восточнаго института И. И. Пѣтелинымъ*), представляютъ изъ себя два свитка изъ краснаго кумача, длиною: одинъ—около четырехъ саженей, а другой—около 3-хъ. Свитки исписаны съ одной стороны китайскими іероглифами и представляютъ изъ себя списокъ участниковъ и правила названнаго общества. Длинный свитокъ содержитъ перечень фамилій участниковъ общества. Перечню предшествуетъ нѣчто въ родѣ воззванія, приглашающаго участниковъ жить въ дружбѣ и оказывать взаимную помощь,

*) Извѣстія Восточнаго института томъ XXIX вып. III-й 1908—9 г.г.

какъ завѣщано легендарными китайскими героями мифологическаго міра. Это воззваніе гласитъ слѣдующее:

«Послѣ Пань-гу (такъ называемаго китайскаго Адама) царствовали три императора (Сань-хуанъ), а затѣмъ пять императоровъ (У-ди; съ 2852 по 2205 до Р. Х.). Во времена же удѣльныхъ княжествъ (при Чжоуской династіи, царствовавшей съ 1122 по 255 годъ до Р. Х.) отличались (взаимною дружбою) Цзо-Ботао и Янъ-цзюэ-ай. При Ханьской династіи (съ 206 года до Р. Х. по 220 годъ послѣ Р. Х.) прославились Лю-Бэй, Гуань-Юй и Чжан-фэй. Всѣмъ извѣстно, что среди пяти общественныхъ отношеній (у-лунь) считается также дружба. Что же касается дружбы, то она является добродѣтелью человѣка. Хотя наши люди, заключившіе это братство, не осмѣливаются приравнивать себя по проницательности къ прежнимъ мудрецамъ, но все же они могутъ хотя бы нѣсколько приближаться къ древнимъ. Такъ какъ единодушіе Гуань-Чжун'а и Бао-Шу'я привело къ большому успѣху, и дружба Линь-Сянъ-жу и Лянъ-по не знала недоразумѣній, то потомки ихъ называются святыми и мудрыми. Хотя члены нашего братства не осмѣливаются приравнивать себя къ братскому союзу, заключенному въ мѣстности Тао-юань (выше упомянутыми Лю-Бэ'емъ, Гуань-Ю'емъ и Чжанъ-Фэй'емъ), но все же они не должны подражать союзу Сунь-Бин'я и Панъ-Цзюан'я (которые впослѣдствіи сдѣлались злѣйшими врагами»*).

За воззваніемъ идетъ перечень именъ, которыя раздѣлены на тринадцать категорій или разрядовъ (*най*-собствен. „дощечка") по возрасту лицъ.

Первому лицу первой категоріи—79 лѣтъ, а послѣднему лицу 13-й категоріи—20 лѣтъ. Старшій членъ старшаго разряда пользуется званіемъ *цзунъ-лаода*, атамана, а первыя лица прочихъ разрядовъ называются *Да-Ъ* или старшинами. При именахъ обозначены возрастъ и мѣсяцъ и день рожденія, носящаго данное имя. При именахъ нѣкоторыхъ участниковъ обозначены должности, которыя занимаютъ данныя лица въ обществѣ.

Изъ такихъ должностей отмѣтимъ атамана, старшихъ

*) Полумифическіе и полуисторическіе герои: Гуань, Чжунъ, Ба-Шуй, Линь Сянъ-жу, Лянь-По, Сунь Бинь и Панъ Цзюай жили во времена Чжоу'ской династіи.

каждаго разряда, помощниковъ ихъ, судей, различныхъ старостъ и писарей. Всѣхъ участниковъ общества—болѣе трехсотъ.

Разсматривая именной списокъ членовъ можно прійти къ заключенію, что *общество Гунъ-и-хуэй основано лѣтъ 50—55* тому назадъ нѣсколькими лицами—можетъ быть, около 10. Съ теченіемъ времени къ основателямъ общества примкнули ихъ братья, сыновья, родственники и близкіе знакомые, и такимъ образомъ численный составъ общества достигъ указанной величины.

Второй изъ упомянутыхъ свитковъ представляетъ изъ себя 36 законовъ общества *Гунъ-и-хуэй*. Такъ какъ многіе изъ нихъ представляютъ интересъ въ различныхъ отношеніяхъ, то ниже приводится полный переводъ всего этого свитка.

Законъ 1-й.

Братья нашего округа должны знать, что по изданнымъ старшинами (Да-Ъ) нашего округа законамъ каждый годъ на одинъ мѣсяцъ разрѣшается открывать игорные дома, въ которыхъ можно играть въ карты, въ кости и пластинки съ залоговымъ обезпеченіемъ. Игорные дома могутъ открываться только людьми, принадлежащими къ отдѣленіямъ братства. Не разрѣшается открывать игорные дома пришельцамъ, а также—тайные игорные дома. Писцы и завѣдующіе игорными домами также не могутъ быть изъ пришельцевъ. Кто же нарушитъ эти окружныя правила, у того конфискуется имущество въ количествѣ 400 китайскихъ фунтовъ*), отбирается одна жирная свинья, и сверхъ того, виновный подвергается двадцати ударамъ бамбукомъ. Если же такой тайный игорный домъ просуществуетъ больше одного дня, то все имущество конфискуется въ пользу общества Гуань-и-хуэй. Открытіе игорныхъ домовъ разрѣшается съ 15-го числа 11-го мѣсяца, а закрываются они въ 12-мъ мѣсяцѣ 15-го числа. Не разрѣшается также открывать тайные игорные дома работающимъ въ лѣсу и десятникамъ. Виновные въ этомъ подлежатъ допросу и суду по

*) Цзинь или гинь—16 вѣсовыхъ ланъ.

окружнымъ правиламъ и законамъ. Не разрѣшается открывать игорные дома также въ стойбищахъ инородцевъ («да-цзы») *).

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 2-й.

Въ округѣ общества Гуанъ-и-хуэй существуетъ законъ, что всякій, кто проникнетъ въ складъ темною ночью съ цѣлью похищенія собольихъ шкурокъ, подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Не должно быть никакого снисхожденія.

Законъ 3-й.

Всякій, кто выкопаетъ корень жень-шень, будетъ ли этотъ жень-шень горный или искусственно культивированный, подлежитъ смерти черезъ утопленіе въ рѣкѣ.

Ни въ коемъ случаѣ не прощать.

Законъ 4-й.

Всякій, кто украдетъ оленьи рога (панты), будетъ ли это въ горныхъ заимкахъ или въ посадѣ, подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 5 й.

Всякій, кто украдетъ собольихъ шкурокъ въ количествѣ до пяти штукъ, подлежитъ наказанію сорока палочными ударами и изгнанію изъ нашего округа. Кто же украдетъ ихъ болѣе пяти штукъ, тотъ подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Не должно быть никакого снисхожденія.

Законъ 6-й.

Всякій, кто украдетъ небольшое количество корня жень-шеня, подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ на-

*) Въ просторѣчіи китайцы называютъ дадзами всѣ монгольскія и тунгусско-маньчжурскія племена. Это слово происходитъ отъ стариннаго названія монголовъ „даданъ“ (татары). Въ Приморской области это слово (тазы) заимствовали также русскіе, назвавъ этимъ именемъ орочское племя удэhе. (Ред. Вост. инст.).

шего раіона. Кто же украдетъ большое количество его въ посаженномъ или засѣянномъ видѣ или просто подберетъ уже собранные корни, тотъ по нашимъ окружнымъ правиламъ подлежитъ зарытію живымъ въ землю.

Ни въ коемъ случаѣ не прощать.

Законъ 7-й.

Всякій, кто украдетъ деньгами или имуществомъ до 100 рублей, подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 8-й.

Всякій, кто имѣетъ свѣдѣнія о разбойникахъ или ворахъ, или только слышитъ о нихъ, но не доноситъ о томъ, является виновнымъ по одному закону съ разбойниками.

Ни въ коемъ случаѣ не прощать.

Законъ 9 й.

Если наемный охотникъ достанетъ шкуры. то онъ долженъ передать ихъ своему хозяину и только на другой день (т. е. съ разрѣшенія хозяина) можетъ пустить шкуры въ продажу. Кто же нарушитъ этотъ законъ, у того отбирается находка, и виновный подвергается наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Законъ 10 й.

Если товарищи, отправляющіеся на промыслы въ горы, найдутъ что-нибудь, то они должны объ этомъ заявить хозяину. Отнюдь не разрѣшается перепродавать находку секретнымъ образомъ. У всякаго, нарушившаго данный законъ, отбирается находка, и виновный подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Законъ 11-й.

Если инородцы (да-цзы) вмѣстѣ съ членами братства достанутъ панты, то не разрѣшается имъ присваивать ихъ однимъ; не разрѣшается также эти оленьи рога секретно продавать. Виновный въ покупкѣ ихъ платитъ тройную ихъ стоимость, панты отбираются, а виновные да-цзы подлежатъ сорока палочнымъ ударамъ.

Законъ 12-й.

Всякому путешественнику, приходящему въ округъ или покидающему его, разрѣшается три дня жить безплатно; послѣ же трехъ дней всякій платитъ за ночлегъ и харчи по 40 копѣекъ въ день. За время же праздниковъ Новаго Года взыскивается особо 15 рублей.

Родственники и друзья принимаютъ мѣры къ взаимному соблюденію этого закона.

Законъ 13-й.

Строго запрещается заводить ссоры, драться и бранить площадной бранью. У всякаго виновнаго въ этомъ отбирается на 200 китайскихъ фунтовъ имущества и, сверхъ того, виновный наказуется 40 ударами бамбукомъ.

Законъ этотъ строго соблюдается.

Законъ 14-й.

Всякій, кто ружьемъ или палкою ранитъ человѣка, или же ножемъ нанесетъ раны, но не смертельныя, подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа. Всякій, кто скроетъ такого злодѣя, также является виновнымъ. Виновный въ нанесеніи тяжелыхъ и серьезныхъ ранъ кормитъ и лѣчитъ потерпѣвшаго въ теченіе 18 дней. Послѣ полнаго выздоровленія раненаго у виновнаго конфискуется на 400 китайскихъ фунтовъ имущества, и виновный наказуется 20 палочными ударами.

Законъ этотъ строго соблюдается.

Законъ 15-й.

Не разрѣшается никому заниматься сплетнями, пересудами и злословіемъ. Виновные въ этомъ подлежатъ наказанію 40 палочными ударами.

Законъ 16-й.

Всякій, кто узнаетъ, что его товарищъ заболѣлъ, долженъ объ этомъ извѣстить кого слѣдуетъ. Если же случится, что товарищъ скоропостижно умретъ, то тѣло должно быть доставлено въ поселокъ для освидѣтельствованія. Всякій, виновный въ нарушеніи даннаго закона, подлежитъ наказанію 40 палочными ударами и изгнанію изъ округа.

Ни въ коемъ случаѣ не должно быть изъятій изъ этого закона.

Законъ 17-й.

Всякій, выбывающій изъ раіона или же прибывающій, можетъ имѣть на одной лодкѣ имущества или товаровъ въ количествѣ 1000 фунтовъ по дадзовскимъ вѣсамъ. До мѣстности Чэнъ-цзы полагается плата (конечно, въ пользу общества Гунъ-и-хуэй) въ три лана шкурками или серебромъ; до мѣстности Мяо-лин'а—четыре лана, до мѣстности Ха-ли-тунъ—пять ланъ; до мѣстности Си-нань-ча—семь ланъ; до мѣстности Си-да-тунь—десять ланъ. Во всѣхъ случаяхъ—шкурками или серебромъ.

Законъ 18-й.

Мѣра для вѣса сыпучихъ тѣлъ должна быть вѣсомъ 70 китайскихъ хали-тун'скихъ (см. зак. 17) фунтовъ. У всякаго виновнаго въ нарушеніи этого закона конфискуется на 200 фунтовъ имущества, виновный наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 19-й.

Всякому, кто останавливается на ночлегъ, будетъ ли то мань (т. е. мань-цзы—китаецъ), да (да-цзы—инородецъ) или мяо-пи-цзы („съ накрашенной кожей"—очевидно, русскій), работникъ или

купецъ, дозволяется только занимать помѣщеніе, но не разрѣшается ломать и портить вещи и домашнюю утварь. Всякій виновный въ нарушеніи даннаго закона подлежитъ 40 ударамъ бамбукомъ.

Законъ 20-й.

На рыбалкахъ да-цзы и вообще случайнымъ пришельцамъ не разрѣшается тайнымъ образомъ заниматься рыболовствомъ. Всякій виновный въ этомъ наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 21-й.

Не разрѣшается останавливать и требовать старые долги съ людей, везущихъ пассажировъ на грузовыхъ дадзовскихъ лодкахъ, а зимой—на грузовыхъ саняхъ. Всякій виновный въ этомъ подлежитъ сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 22-й.

Имѣть въ поселкѣ собакъ—очень важное дѣло. Если кто-нибудь попроситъ ихъ на нѣкоторое время въ пользованіе, то нужно всегда на этотъ счетъ составить условіе. Если же условіе не было составлено, и собаки убѣгутъ или околѣютъ, то хозяинъ ихъ не имѣетъ права требовать вознагражденія. Всякій виновный въ нарушеніи даннаго закона подлежитъ сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 23-й.

Если да-цзы достанетъ рысью шкуру, то онъ долженъ передать ее своему хозяину, но не разрѣшается эту шкурку отдавать за свой старый долгъ. Кто же самовольно совершитъ такой проступокъ, тотъ подлежитъ сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 24-й.

Если хозяинъ какой либо заимки наметъ работниковъ за деньги или только за харчи, то хозяину не разрѣшается въ половинѣ года расчитывать таковыхъ, а онъ долженъ держать ихъ до

осени, такъ какъ до этого времени нельзя учинить точный расчетъ жалованья. Если же они проживутъ и за новый годъ, то платятъ за это тридцать рублей.

Сообщается лишь для руководства.

Законъ 25-й.

Хозяину, нанявшему работника за деньги или ничего, не разрѣшается въ половинѣ года расчитывать таковыхъ. Виновный въ нарушеніи сего закона подлежитъ суду и отвѣтственности, какъ по предыдущему закону.

Законъ 26-й.

Да-цзы и китайцы, имѣющіе между собою тяжбы, должны всегда обращаться за разрѣшеніемъ ихъ къ старшинамъ округа. Издержки и содержаніе арестованнаго падаютъ на счетъ проигравшаго тяжбу.

Законъ 27-й.

Въ предѣлахъ округа запрещается составлять тайное панибратство или родство. Если хозяинъ дома знаетъ о заключенномъ у него братствѣ и не извѣщаетъ объ этомъ кого слѣдуетъ, то конфискуется у него на 400 фунтовъ имущества, и виновные въ тайномъ панибратствѣ и родствѣ наказуются—каждый 20 ударами бамбукомъ.

Законъ 28-й.

Если да-цзы долженъ кому нибудь и платитъ за это товаромъ, то товаръ считается по цѣнамъ округа. Требовать у него ружье можно только до шестнадцатаго числа третьяго мѣсяца. Послѣ этого срока можно взять его ружье только въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ другихъ вещей.

Это сообщается лишь для руководства.

Законъ 29-й.

На заимкахъ, въ посадѣ или устьѣ рѣки—нанимающій ра-

ботника долженъ имѣть поручителей. Если по прибытіи рабочихъ на мѣсто службы происходитъ какое-нибудь преступленіе, то отвѣчаетъ хозяинъ.

Наказаніе должно быть по закону и безъ промедленія.

Законъ 30-й.

Посторонніе (вай-цзя—внѣшняго дома), праздные люди (фу-ла-цза)*) и бродячіе (гэ-лу) разныхъ мѣстностей (да-цзы) отличаются хитростью и корыстолюбіемъ и причиняютъ хозяину разныя непріятности. Теперь рѣшено, что на будущее время, если хозяинъ принимаетъ такихъ людей, заключается взаимное условіе по закону. Если они занимаютъ общее помѣщеніе, то получаютъ половину расходовъ. Если же они занимаютъ большія помѣщенія, то харчей не получаютъ. Подрядчикъ платитъ два лана хорошимъ серебромъ и два лана менѣе доброкачественнымъ. Хозяинъ не обязанъ давать имъ разные товары, онiй или какія нибудь другія деньги. Всѣ доходы и расходы дѣлятся по наямъ. У нарушающаго этотъ законъ конфискуется на четыреста фунтовъ имущества, и онъ подвергается сорока ударамъ бамбукомъ.

Законъ 31-й.

Если работники, отправившіеся въ горы, вслѣдствіе большого снѣга или болѣзни не могутъ вернуться назадъ, то хозяинъ обязанъ послать на розыски и помочь имъ возвратиться. У хозяина, виновнаго въ нарушеніи сего закона, конфискуется на двѣсти китайскихъ фунтовъ имущества и, кромѣ того, виновный подвергается наказанію 20 ударами бамбукомъ.

Законъ 32-й.

Въ зимнее время путешественникамъ и купцамъ не разрѣшается на саняхъ возить водку для продажи ея въ горахъ. Раз-

*) Фу-ла-цза, по объясненію мѣстныхъ китайцевъ, означаетъ то же самое, что цанъ-цза въ Тяньзинѣ и да-сянь-эръ-дн въ Пекинѣ, т. е. бездѣльникъ, праздный человѣкъ. Такіе люди бываютъ обыкновенно въ игорныхъ домахъ и прислуживаютъ игрокамъ.

(Ред. Вост. Инст.).

Примѣчаніе. У таежныхъ китайцевъ люди задолжавшіеся, обанкротившіеся, проигравшіе свою свободу также называются Да-фу-ла-цза.

В. Арсеньевъ.

рѣшается имѣть только для своей надобности водки до 10 фунтовъ. У кого же будетъ водки болѣе 10 фунтовъ, тотъ считается виновнымъ. У виновнаго конфискуется на двѣсти китайскихъ фунтовъ имущества, и онъ наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 33-й.

Всякій путешественникъ или купецъ, проѣзжающій черезъ раіонъ, платитъ за стоянку и ночлегъ въ день въ гостинницѣ отъ мѣстности Коу-цзы до Чэнъ-цзы (см. зак. 17) или Бань-ла-во-цзя —40 копѣекъ, до Мяо-эръ-лина (см. законъ 17)– 50 копѣекъ; до Цинъ-цзу-га-ла-тун'а—60 копѣекъ; до мѣстностей Тай-цзя-бѣ, Сибэй-ча, Сянъ-шуй-хэ-цзы, Лао-лю-шан'а—70 копѣекъ; до Хо-шигоу-цзы—80 копѣекъ; до Си-да-тун'а (см. зак. 17)—1 рубль; до Ша-хэ-цзы—1 р. 20 коп.; до мѣстности Кунъ-лунъ-бѣ, Саньча-цзы—1 руб. 20 коп. Если же проѣзжающій доѣдетъ до границы раіона, то онъ можетъ остановиться въ двухъ верстахъ за границею.

Просимъ извинить нашихъ друзей.

Законъ 34-й.

Никакому купцу—ни въ посадѣ, ни за границей его, ни богатому, ни бѣдному не разрѣшается въ горахъ продавать товары или производить куплю-продажу собольихъ шкурокъ. У виновнаго въ нарушеніи сего закона конфискуется на двѣсти китайскихъ фунтовъ имущества, отбирается одна жирная свинья и, кромѣ того, виновный наказуется двадцатью ударами бамбукомъ.

Не должно допускать изъятій изъ этого закона.

Законъ 35-й.

Въ округѣ купцамъ, имѣющимъ старые долги за инородцами (да-цзы), разрѣшается отправляться въ горы и требовать свои долги. Но отнынѣ впредь уже не разрѣшается, по старому, кредиторамъ отправляться къ инородцамъ, да-цзы, и требовать новые долги. Только, когда да-цзы съ санями возвращается съ охоты домой, можно требовать съ него долгъ. Если да-цзы не имѣетъ дома, то

долгъ разрѣшается требовать только на рѣкѣ. У виновнаго въ нарушеніи сего закона конфискуется находящагося при немъ имущества на двѣсти китайскихъ фунтовъ, отбирается одна жирная свинья, и виновный наказывается двадцатью ударами бамбукомъ.

Законъ 36-й.

Если да-цзы долженъ китайцу деньги, будетъ ли то большая или малая сумма, то не разрѣшается китайцу стрѣлять изъ ружья, а также снимать съ должника одежду. У виновнаго въ нарушеніи этого закона конфискуется имущества на двѣсти китайскихъ фунтовъ, отбирается одна живая свинья, и виновный наказывается двадцатью ударами бамбукомъ.

Въ 33-й годъ правленія Гуанъ-Сю'я 4-го числа 3-ей луны (т. е. 15 марта 1906 года).

Подлинные законы тщательно скрываются отъ русскихъ и хранятся или въ кумирнѣ или у главнаго старшины Цзунъ-Дать, а выдержки изъ нихъ даются на руки главному писарю и исполнителю закона.

Интересно, что въ этихъ законахъ нигдѣ ни слова не говорится о бракѣ, женщинахъ и дѣтяхъ. Это потому, что китайскихъ женщинъ въ Краѣ нѣтъ вовсе, а орочскія и гольдскія женщины, отобранныя отъ инородцевъ силою, поступаютъ къ китайцамъ въ качествѣ наложницъ. Видно, что китайцы совсѣмъ не хотѣли считаться съ этимъ вопросомъ и умышленно обошли его молчаніемъ.

Затѣмъ, въ статьѣ о работникахъ говорится, что въ случаѣ ихъ самовольнаго ухода отъ хозяевъ ранѣе срока, не хозяева вознаграждаютъ работниковъ, а наоборотъ, работники своего хозяина. Это правило явилось слѣдствіемъ недостатка въ рабочихъ рукахъ.

Изложенные выше законы помѣчены годами 1896—1906 г.г.

Было бы ошибочно думать, что въ настоящее время организаціи эти исчезли. Они стали еще сложнѣе. Теперь общества Гуанъ и Хуй, находящіяся въ Краѣ, тѣсно переплетаются съ различными торговыми ассоціаціями, какъ это мы увидимъ ниже.

Китайскія организаціи въ городахъ.

Съ 1910 года русское правительство начинаетъ принимать энергичныя мѣры къ борьбѣ съ китайскимъ засильемъ въ Уссурійскомъ Краѣ. Учреждаются новыя лѣсничества и увеличивается лѣсная стража. Какъ только китайцевъ начали прижимать въ тайгѣ, они всѣ бросились на мелочную торговлю, на торговлю въ развозъ и на скупку пушнины у инородцевъ.

Надо поражаться, съ какою быстротою они сумѣли организовать это дѣло. Тутъ наблюдается правильная организація, цѣлая система, мало замѣтная со стороны для простого глаза. Въ настоящее время нѣтъ ни одной деревни, въ которой не было бы китайской лавки. Лавки эти не есть самостоятельныя торговыя единицы. Получая изъ городовъ отъ главныхъ фирмъ лежалые товары и всякую заваль, они успѣшно сбываютъ ее по высокой цѣнѣ въ провинціи какъ за наличныя деньги, такъ и въ обмѣнъ на предметы охоты, даже на овощи, зерновые продукты и проч.

Свидѣтельства на право скупки пушнины китайцамъ выдаетъ Владивостокская городская управа. Какое отношеніе городская управа имѣетъ къ пушному промыслу во всей Приморской области, сказать трудно!?... Это недоразумѣніе, оставшееся отъ прежнихъ лѣтъ. На самомъ дѣлѣ подъ личиной торговца въ разносъ и скупщика пушнины, въ китайцѣ всегда скрывается хищникъ. Разъ только онъ ѣдетъ съ продовольствіемъ и съ инструментами въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ инородцевъ или гдѣ невозможно заниматься скупкой мѣховъ — онъ будетъ хищникъ-соболевщикъ. Эти хищники прежде всего стараются оградить себя со стороны чиновъ лѣсной стражи и поэтому всегда запасаются разнаго рода рекомендательными письмами и промысловыми свидѣтельствами. Подъ покровомъ этихъ документовъ китайцы ѣдутъ въ самые глухіе таежные раіоны и тамъ на свободѣ занимаются охотой и звѣроловствомъ.

Торговые интересы китайцевъ въ городахъ тѣсно связаны съ морскими ихъ промыслами и съ дѣятельностью

въ тайгѣ соболевщиковъ. Связь эта въ значительной степени поддерживается при помощи морского каботажа.

Китайскій каботажъ въ Уссурійскомъ Краѣ особенно развитъ въ заливѣ Петра Великаго (въ раіонѣ: Посьетъ и зал. Америка).

Съ высокихъ горъ, окаймляющихъ Владивостокъ, наблюдателю открывается далекій видъ въ море. Въ ясную погоду отсюда видно, какъ все это море до самаго горизонта пестритъ парусами. Это китайскія шаланды (шхуны) и шампунки (шлюпки). Всѣ онѣ, какъ бы сговорившись, двигаются въ одномъ направленіи—онѣ идутъ по вѣтру или лавируютъ противъ вѣтра—всѣ онѣ везутъ китайцевъ и ихъ грузы.

Изъ Сучанскаго, Судзухинскаго, Шкотовскаго прибрежныхъ раіоновъ китайцы постоянно отправляютъ свои шаланды на городской рынокъ съ мѣхами, опіумомъ, оленьими жилами и хвостами, со шкурами звѣрей, съ овощами, зерномъ, дровами, табакомъ, морской капустой и т. п. Доставленные въ городъ грузы эти немедленно забираются торговыми фирмами и пускаются въ оборотъ, а шаланды, получивъ отъ нихъ обмѣнный грузъ и новыя инструкціи, уходятъ опять на побережье и такъ продолжаютъ работать до глубокой осени, пока не закроется навигація.

Съ 1907 г. принимается рядъ мѣръ къ ограниченію и упорядоченію китайскаго каботажа. Прежде всего ихъ старались зарегистрировать и обложить денежными взносами, съ выдачей билета на право плаванія въ русскихъ водахъ.

Мѣра эта дала небольшой доходъ русской казнѣ, но по существу оказалась слабымъ палліативомъ. Большая часть китайскихъ шаландъ не заходила во Владивостокъ вовсе и потому совершенно не нуждалась въ билетахъ.

Согласно статьѣ 197 Устава Торговаго, на русскомъ суднѣ дозволяется имѣть иностранныхъ матросовъ не болѣе четвертой части. Закономъ 22 января 1911 г. разрѣшено временно, до перваго января 1913 г., на судахъ, совершающихъ рейсы между портами Тихаго Океана и прилегающихъ къ нему морей, имѣть въ числѣ судовой команды иностранныхъ подданныхъ въ количествѣ, не превышающемъ половины численности всего экипажа на данномъ суднѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ было объявлено воспрещеніе перевозки безбилетныхъ китайцевъ и ихъ грузовъ на пароходахъ, китайцы понизили фрахтъ и шхуны ихъ стали еще лучше работать.

Надо имѣть въ виду, что большая часть китайскаго груза перевозится не на пароходахъ, а на шаландахъ; китайцы лично сами также предпочитаютъ ѣздить на шаландахъ подъ видомъ матросовъ. На пароходахъ ѣздятъ, главнымъ образомъ, купцы и подрядчики, имѣющіе на рукахъ документы.

Какъ только начались стѣсненія, находчивые китайцы тотчасъ же приспособились. Они подняли русскіе флаги и наняли подставныхъ лицъ изъ числа русскихъ безработныхъ, которыхъ всегда есть достаточно въ любомъ портовомъ городѣ. За ничтожную плату, даже за бутылку водки, такой безработный встрѣчаетъ шаланду, когда она подходитъ къ берегу, заявляетъ властямъ, что судно это принадлежитъ ему, что именно онъ хозяинъ груза и что пріѣхавшая на шаландѣ партія китайцевъ его матросы. Затѣмъ матросы эти снова превращаются въ пассажировъ, сходятъ на берегъ и увозятъ свои товары.

Изъ числа всѣхъ китайскихъ шаландъ, плавающихъ въ русскихъ водахъ, надо считать, что не болѣе одной трети дѣйствительно принадлежитъ русскимъ, остальныя—всѣ китайскія.

Со свойственной китайцамъ способностью всегда сорганизовываться для взаимной поддержки другъ друга, уссурійскіе манзы, живующіе въ городахъ, объединились и образовали общества взаимопомощи и торговыя общества, которыя имѣютъ здѣсь и политическое значеніе.

Общества эти существуютъ не только въ городахъ, но и во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ населенныхъ центрахъ, гдѣ только есть лавки китайцевъ, а именно: въ Посту Св. Ольги, на р. Сучанѣ, въ Шкотовѣ, въ Посьетѣ, въ Барабашѣ, въ Новокіевскѣ, въ Черниговкѣ, въ Спасскомъ, въ Лутковкѣ, на р. Иманѣ, въ Анучинѣ и т. д. Членами этихъ обществъ состоятъ всѣ богатые китайцы и всѣ мѣстные торговцы. Изъ своей среды они выбираютъ правленіе, состоящее изъ предсѣдателя, его помощника, писаря и казначея. Обще-

ства эти имѣютъ свою полицію, черезъ которую они держатъ въ своихъ рукахъ все инородческое населеніе, всю торговлю и таксируютъ цѣны на всѣ предметы первой необходимости и звѣриный промыселъ.

Съ русской точки зрѣнія, общества эти существуютъ въ помощь русской полиціи и для борьбы съ хунхузами, а съ китайской точки зрѣнія они существуютъ: 1) для разбора уголовныхъ дѣлъ и такихъ дѣлъ, которыя такъ или иначе затрогиваютъ ихъ общественные интересы, 2) для сбора налоговъ, предназначаемыхъ для усиленія денежныхъ средствъ, 3) для торгово-промышленныхъ цѣлей и 4) для того, чтобы въ экономической борьбѣ создать противовѣсъ русскимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ существуютъ эти общества!?

Развѣ недостаточно для иностранцевъ консульской помощи и русскихъ властей? Съ одной стороны, мы дѣлаемъ попытки къ искорененію китайскаго засилья и къ обрусѣнію мѣстныхъ инородцевъ, а съ другой стороны—поощряемъ дѣятельность китайскихъ обществъ и тѣмъ даемъ китайцамъ полную возможность жить своей жизнью и не считаться съ русскими законами.

„Бывшій Приамурскій Генералъ-Губернаторъ Духовской, признавая существованіе такихъ китайскихъ обществъ ненормальнымъ и несогласнымъ съ законами Россійской Имперіи и вреднымъ въ административномъ и политическомъ отношеніяхъ, рѣшилъ ихъ уничтожить и потому съ введеніемъ въ Краѣ судебныхъ установленій въ 1897 г. они окончательно должны были быть упразднены. Однако эти общества продолжаютъ существовать тайно и по сіе время*).

Основаніе Владивостокскаго Общества Взаимопомощи относится къ 1881 году, оффиціально же оно стало извѣстнымъ съ 1907 года. Хабаровское Общество основано было въ 1889 г. и Никольскъ-Уссурійское открыто въ 1908 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ 1909 г. общество это получило изъ Пекина отъ Министерства Труда, Торговли и Земледѣлія (Кунъ-гунъ-танъ-бу) печать (Гуань-фань) съ надписью:

*) Л. Г. Ульяницкій Историческій очеркъ возникновенія въ г. Хабаровскѣ Китайскаго Общества.

„Швонъ-чинза Хвой-танъ у цзунъ-хуй".

Уставы этихъ трехъ обществъ написаны на русскомъ и китайскомъ языкахъ. Однако, русскій переводъ умышленно сдѣланъ неточно. Общества эти обязаны были о дѣятельности своей ежегодно представлять отчеты въ Китай въ Министерство Торговли, Труда и Земледѣлія. Давать отчеты передъ русскими властями заставляетъ ихъ лишь одна необходимость, желаніе оградить себя отъ вторженія во внутреннюю жизнь общества русскихъ чиновниковъ и опасенія, какъ бы, изъ за непредставленія отчетовъ, общества не закрыли.

Всѣ китайскія торговыя общества въ Уссурійскомъ Краѣ находятся въ полнѣйшей зависимости отъ Шанхайскаго Объединеннаго Общества Коммерсантовъ (Лянъ-хво-хуй), откуда они и получаютъ всѣ директивы. Это же Шанхайское общество устанавливаетъ цѣны на сырые продукты въ Приамурьѣ, и искуственно повышаетъ и понижаетъ ихъ въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Дѣятельность обществъ взаимопомощи и всѣхъ вообще торговыхъ ассоціацій тѣсно связана съ политическими обществами (Гуанъ-и-хуй) и не ограничивается одними городами, а распространяется по всему Краю, гдѣ только есть китайцы, будь то земледѣльцы, купцы, охотники, искатели женьшеня или промышленники на берегу моря*). Эти отвѣтвленія вырабатываютъ свои правила, обязательныя для всѣхъ, живущихъ въ данной мѣстности и играютъ крупную роль въ общественной жизни уссурійскихъ манзъ, далеко заходя за предѣлы взаимопомощи и торговли. Въ нужный моментъ эти организаціи всѣ сразу объединяются въ совмѣстной работѣ и тогда выступаютъ, какъ компактная сила объединеннаго общественнаго мнѣнія, съ которыми русскимъ властямъ, такъ или иначе, а приходится считаться. Протесты и выступленія на мѣстахъ всегда находятъ отклики и въ другихъ пунктахъ по всему Краю, во всѣхъ городахъ, и даже въ самомъ Китаѣ. Китайцы, подчиняясь необходимости представлять отчеты русскому правительству, въ то же время парализуютъ всякое его активное вмѣшательство во внутреннюю свою жизнь, выставляя заслономъ на русской территоріи свою

*) Смотр. схему въ концѣ книги.

(китайскую) полицію, русской же властью санкціонированную, а слѣдовательно и стоящую въ глазахъ мѣстной администраціи внѣ всякихъ подозрѣній. Это чудовищная аномалія!— Государство въ государствѣ!? Вслѣдъ за китайской полиціей отчего бы не пригласить и китайскія войска для защиты насъ отъ тѣхъ же китайцевъ, отчего бы не пригласить японскую полицію для защиты насъ отъ японцевъ и отчего бы не дѣйствовать въ томъ же духѣ по отношенію ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ? Ложное положеніе вещей, созданное такимъ международнымъ раздвоеніемъ государственной власти въ Уссурійскомъ Краѣ, подрываетъ нашъ престижъ передъ тѣми же китайцами и въ глазахъ туземныхъ инородцевъ.

Тѣ многочисленныя китайскія ассоціаціи, которыя разбросаны по всему Уссурійскому Краю, по моему твердому убѣжденію, являются ничѣмъ инымъ, какъ автономными отвѣтвленіями тайной и внѣшней политики Китая, вылившейся въ формы обществъ торговаго и взаимопомощи (Шанхайское Объединенное Общество Коммерсантовъ).

Въ томъ, насколько хорошо поставленъ у китайцевъ шпіонажъ за дѣйствіями русскаго правительства, я имѣлъ случаи убѣдиться много разъ на себѣ лично. Такъ, напр., всѣ перемѣны и мѣропріятія правительственныхъ центральныхъ учрежденій въ Краѣ, касающіяся китайцевъ и даже меня лично, я узнавалъ отъ тѣхъ же самыхъ китайцевъ раньше, чѣмъ получалъ почту. Ясно!—Свѣдѣнія эти исходили изъ китайскихъ торговыхъ фирмъ, находящихся въ мѣстахъ расположенія этихъ учрежденій.

Допуская самостоятельную торгово-промышленную дѣятельность китайцевъ на нашей территоріи, мы только усиливаемъ ихъ и тѣмъ приносимъ непоправимый вредъ русскимъ интересамъ. Тутъ многихъ рѣшеній быть не можетъ, тутъ есть только одинъ исходъ—это разрушеніе всякихъ политическихъ и торговыхъ китайскихъ ассоціацій.

Китайцы захватываютъ Край экономически и потому способъ борьбы съ ними долженъ быть тотъ же самый!

Заключеніе.

Вопросъ о томъ, допускать ли китайцевъ въ Приамурскомъ Краѣ заниматься промыслами и земледѣліемъ наравнѣ съ нашими крестьянами, вызвалъ въ русскомъ обществѣ живой обмѣнъ мнѣній и раздѣлилъ эти мнѣнія на два лагеря. Одни стояли за допускъ китайцевъ въ Приамурье, другіе были противъ этого.

Предполагалось, что китайцы идутъ впереди русскихъ и очищаютъ отъ лѣса обширныя площади и тѣмъ подготовляютъ землю для переселенцевъ. Это совершенно невѣрно. Въ глубинѣ горъ и лѣсовъ китайцы никогда земледѣліемъ не занимаются; земледѣльческія фанзы ихъ находятся всегда въ долинахъ и при томъ въ мѣстахъ чистыхъ и открытыхъ, гдѣ достаточно есть пахотной земли и гдѣ не бываетъ большихъ наводненій. Предполагалось, что мѣстъ удобныхъ для заселеній съ избыткомъ хватитъ и для русскихъ, и для арендаторовъ-китайцевъ. На самомъ же дѣлѣ земли годной для хлѣбопашества вовсе не такъ много, какъ это кажется съ перваго взгляда. Въ настоящее время въ Уссурійскомъ Краѣ весь земледѣльческій фондъ уже исчерпанъ и, если остались еще кое гдѣ въ горахъ незанятыми небольшіе хуторные участки, то русскому правительству для будущихъ русскихъ колонистовъ держать ихъ еще нѣкоторое время незаселенными, пожалуй, будетъ выгоднѣе, чѣмъ пускать туда хищниковъ китайцевъ и корейцевъ*).

Было бы ошибочно думать, что такъ называемый „желтый вопросъ“ заключается только въ конкуренціи русскаго рабочаго съ китайскимъ „кули“. Въ настоящее время на Востокѣ происходитъ экономическая борьба „желтыхъ“ (китайцевъ, корейцевъ и японцевъ) съ русскими. Эмиграція китайцевъ въ Уссурійскій Край, начавшаяся въ половинѣ XIX столѣтія, значительно обогнала русскую колонизацію. Съ появленіемъ русскихъ Край этотъ какъ бы началъ пробуждаться къ культурной работѣ; понадобились рабочія руки и такими рабочими естественно явились китайцы. Послѣ войны 1904—5 г.г. великая волна русскаго переселенія хлынула въ Приамурскій Край

*) Вопросу о массовомъ переселеніи корейцевъ въ Уссурійскій Край въ ближайшемъ будущемъ посвящается особая работа.

и съ этого времени число русскихъ переселенцевъ начинаетъ брать верхъ надъ численностью въ странѣ китайскихъ эмигрантовъ.

Недостаточно было только перевести крестьянъ изъ Европейской Россіи въ Приамурье, надо было ихъ еще устроить, надо было надѣлить ихъ землей и дать имъ заработки. А чтобы дать имъ эти заработки, надо было отнять ихъ отъ китайцевъ. О конкуренціи нашего мужика съ катайскимъ рабочимъ не могло быть и рѣчи и потому правительственная власть должна была прійти на помощь переселенцу.

Разсчитывать на обрусеніе китайцевъ не приходится. Скажу болѣе—это было бы наивно! Извѣстно, что всѣ „желтые" туго поддаются ассимилированію со стороны европейцевъ. Въ этомъ отношеніи они обладаютъ какой то особенной агрессивной силой. Я ни разу не видѣлъ обрусѣвшаго китайца, я видѣлъ крещеныхъ китайцевъ, но не обрусѣвшихъ. О томъ, что китаецъ христіанинъ, я узнавалъ только тогда, когда онъ самъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ. Ни въ строѣ жизни, ни въ обычаяхъ, ни въ одеждѣ, ни въ привычкахъ христіанинъ китаецъ не измѣняется. И какія бы усилія не примѣнялись, китаецъ навсегда останется китайцемъ. И съ какой стати хлопотать о китайцахъ, когда есть свои туземные инородцы, о которыхъ надо позаботиться! Случаи избіенія орочей палками до смерти и замораживаніе нагихъ людей на льду, имѣвшіе мѣсто на р. Иманѣ въ поселкахъ Вагунбе и Сяньшихеза въ 1902 году могутъ подтвердить вышеприведенное положеніе. Китаецъ Ли-танъ-куй (впослѣдствіи арестованный) былъ палачемъ. На слѣдствіи выяснилось, что въ 1900 г. онъ былъ крещенъ и носилъ русское имя и фамилію—Алексѣй Горшковъ. Такихъ примѣровъ можно привести очень много.

Разрѣшеніе желтаго вопроса въ Приамурскомъ Краѣ много зависитъ отъ того, насколько, вообще, наша политика на Дальнемъ Востокѣ будетъ устойчивой. Къ сожалѣнію, до сего времени она была очень неустойчива. „*Сегодня кажется такъ, завтра—иначе*"... Выраженіе это, взятое изъ законовъ

китайскихъ организацій въ Уссурійскомъ Краѣ*), болѣе чѣмъ примѣнимо къ нашей дальневосточной политикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: То слышишь, что Приамурье безполезная для насъ колонія, что она даже вредна государству, что ее слѣдуетъ уступить кому нибудь изъ сосѣдей и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Общіе толки, статьи въ газетахъ—все направлено въ эту сторону, то вдругъ начинаемъ отстаивать интересы свои въ Кореѣ и Маньчжуріи и дѣло доходитъ до кровопролитной войны. То же самое повторилось и съ таможней. То она учреждается, то вновь открывается порто-франко, то одни товары облагаются пошлиной, то другіе. То же самое случилось и съ вопросомъ относительно труда „желтыхъ". То китайцы нужны намъ, то вдругъ оказывается, что ихъ гнать слѣдуетъ. До 1906 г. вредны были китайцы и полезны корейцы, потомъ обратно, началось преслѣдованіе корейцевъ и покровительство китайцамъ. Такъ продолжалось до 1910 г. Кто поручится, что года черезъ два не начнется покровительство другимъ сосѣдямъ—японцамъ. Такіе эксперименты чрезвычайно тяжело отзываются на Краѣ.

Даже въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда принимались мѣры противъ китайскаго и корейскаго засилья, онѣ были безсистемны и непланомѣрны. Когда говорили, что китайцы и корейцы расхищаютъ лѣсныя богатства и потому ихъ надо выселять, тогда гнали ихъ не только изъ тайги, но и изъ городовъ и съ заводовъ; когда же говорили, что на заводахъ рабочіе нужны и выселять ихъ не слѣдуетъ, тогда оставляли ихъ не только въ промышленныхъ предпріятіяхъ и на заводахъ, но и въ тайгѣ, т. е., если гнали китайцевъ, то гнали огуломъ и никакого различія между рабочими въ городахъ, на заимкахъ у крестьянъ, на заводахъ и хищниками въ тайгѣ не дѣлалось. Только съ 1911 года борьба съ китайскимъ засильемъ принимаетъ болѣе планомѣрный характеръ.

Я считаю, что „желтый вопросъ" до тѣхъ поръ не будетъ разрѣшенъ, пока все китайское населеніе не будетъ раздѣлено на четыре категоріи:

I) Китайскіе охотники и звѣроловы.

II) Китайцы арендаторы земель у русскихъ крестьянъ.

*) Смотр. страницу 167—168.

III) Китайскіе рабочіе (кули) на заводахъ и въ различныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ.

IV) Китайскіе купцы въ городахъ, селахъ и деревняхъ.

Разберемъ ихъ по порядку.

Первая категорія—китайскіе охотники и звѣроловы. Этихъ поголовно надо выселять изъ тайги, какъ хищниковъ и браконьеровъ, независимо отъ ихъ національности.

Вторая—китайцы арендаторы земель у русскихъ крестьянъ (заимщики). Этотъ вопросъ очень серьезный и очень сложный. Тутъ есть и положительная сторона, и отрицательная. Которая изъ этихъ сторонъ окажется преобладающей, зависитъ отъ того, кто интеллигентнѣе—китаецъ заимщикъ или русскій землевладѣлецъ. Если бы нашъ крестьянинъ былъ такъ же развитъ, какъ англійскій фермеръ, то китаецъ арендаторъ находился бы у него въ положеніи простого работника—и только! Къ сожалѣнію, у русскихъ крестьянъ мы видимъ совсѣмъ другое. Арендаторъ китаецъ сплошь и рядомъ культурнѣе и образованнѣе своего хозяина. Съ этой стороны русскому переселенцу грозитъ опасность. Сплошь и рядомъ хозяиномъ земли, фактическимъ хозяиномъ положенія является китаецъ, а русскій около него, такъ сказать, паразитируетъ. Безсемейные одиночки (большею частью запасные нижніе чины) живутъ въ городахъ на отхожихъ промыслахъ и по нѣскольку лѣтъ не заглядываютъ на землю*). Очень часто безсемейные эти поселяются въ одной фанзѣ съ китайцами. Оказывается, что не работникъ въ долгу у хозяина, а обратно—хозяинъ въ долгу у своего работника. Это иногда доходитъ до того, что китаецъ обращается съ просьбой выселить изъ его фанзы хозяина, какъ тунеядца.

Въ настоящее время у крестьянъ вовсе не такъ много земли, чтобы они не могли ее обрабатывать сами. Въ деревняхъ всѣ доли уже заняты. Прошло то время, когда крестьяне пахали, гдѣ кто вздумаетъ, когда пашни ихъ терялись среди пустырей и зарослей. Нынѣ всѣ номерные стодесятинники превратились въ крестьянъ малоземельныхъ, потому что семьи ихъ увеличились чуть ли не въ трое, а земля осталась все та-же. Сдача земли въ аренду китайцамъ особенно широко

*) Смотр. страницу 69—70.

практикуется у Уссурійскихъ казаковъ. Я считаю, что это большое зло. Оно развращаетъ крестьянъ и пріучаетъ ихъ къ ничего недѣланію. У русскихъ переселенцевъ и Уссурійскихъ казаковъ китайцы должны быть только какъ рабочіе, а не какъ арендаторы. Чтобы не было недоразумѣній, правило это слѣдуетъ распространить на всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ безъ исключенія.

Третья категорія—китайскіе рабочіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и на заводахъ. Не помню, кто то очень удачно выразился, что погоня за дешевымъ трудомъ китайцевъ очень похожа на то, что было въ Америкѣ въ XVIII столѣтіи, когда плантаторы также гнались за дешевыми руками негровъ невольниковъ. Казалось бы, отчего не использовать китайскую рабочую силу и вмѣстѣ съ тѣмъ русской казнѣ не дать возможности обогатиться нѣсколькими сотнями тысячъ рублей, взимаемыхъ съ китайцевъ за виды на жительство!? Съ другой стороны, желательно дать заработки русскимъ переселенцамъ. Съ точки зрѣнія политической экономіи—послѣднее предпочтительнѣе. Извѣстно, что во всякую вновь завоеванную страну прежде всего идетъ элементъ неблагонадежный. Тоже самое и въ Приамурскій Край сперва пошли разные искатели приключеній, бѣглые, ушедшіе отъ рекрутскаго набора или польстившіеся на льготы здѣшняго Края или такіе (большинство), которые не могли ужиться въ Россіи, на родинѣ ими тяготились и односельчане всячески ихъ отъ себя выживали*).

Исключеніе составляли только сектанты—старовѣры, духоборы, молокане и друг. Это былъ народъ трезвый, работоспособный и богатый. Съ 1908 года на Дальній Востокъ начинаютъ прибывать настоящіе переселенцы изъ Европейской Россіи съ твердымъ намѣреніемъ остаться въ Приамурскомъ Краѣ навсегда и сдѣлать его своей второй родиной.

---

*) Описаніе русскихъ поселеній на Амурѣ и Уссури, смотр. въ Сборникѣ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью. Описаніе лѣсовъ Приморской области Будищева, 1898 г. ст. 42 и Алябьева—Уссурійскій Край, 1872 г. стр. 92—100

Попробуемъ сравнить русскаго рабочаго съ рабочимъ китайцемъ. Если имъ задать работу на конкурсъ, то въ теченіе однѣхъ или двухъ сутокъ русскій обгонитъ китайца. Первый работоспособнѣе и энергичнѣе второго. Къ сожалѣнію, такой энергіи у русскаго рабочаго хватаетъ ненадолго: вскорѣ начинаются прогулы. Китаецъ работаетъ ровно отъ начала и до конца. Работа его подвигается впередъ не скоро, но правильно, ритмически. Поэтому сперва китаецъ отстанетъ отъ русскаго, но потомъ онъ его обгонитъ. Прибавьте къ этому скудныя потребности китайцевъ и дешевую плату, которую они берутъ за свой трудъ и сравните это съ большими требованіями русскихъ, съ ихъ претензіями и вѣчными между собою ссорами и тогда станетъ яснымъ, почему всѣ заводчики и промышленники предпочитаютъ китайскихъ рабочихъ.

Изъ всего, что изложено выше, видно, что русскіе рабочіе конкурировать съ китайцами никогда не могутъ, а между тѣмъ прійти на помощь русскому мужику надо. Я полагалъ бы, что во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ въ Краѣ слѣдуетъ ввести процентную норму какъ для русскихъ рабочихъ, такъ и для китайцевъ. Эту процентную норму можно было бы давно ввести и начать ее хоть съ единицы. Ее можно было бы съ каждымъ годомъ или съ каждымъ трехлѣтіемъ, пятилѣтіемъ медленно повышать для русскихъ и понижать для китайцевъ. Эта процентная норма со временемъ совершенно вытѣснила бы китайскій трудъ и въ то же время дала бы хозяевамъ возможноть бороться съ забастовками русскихъ и изъ среды ихъ брать только трезвыхъ и наиболѣе работоспособныхъ.

Послѣдняя категорія—китайскіе торговцы въ городахъ, селахъ и деревняхъ. Посмотрите, во что одѣтъ китаецъ? Онъ весь съ ногъ до головы одѣтъ въ издѣлія китайскихъ фабрикъ (черная ластиковая матерія, синяя даба и бѣлая дрель, черная обувь на бѣлой подошвѣ, китайская шапочка и т. д.). Посмотрите обстановку китайской фанзы—чайники, чашки, сундуки, трубки, котлы, вѣера, счеты, подсвѣчники, оконная

бумага, конское снаряженіе, кольца, бляхи, украшенія, вся домашняя утварь, кузнечные, плотничные, столярные инструменты и постельная принадлежность, веревки, нитки, краски и т. п. все рѣшительно китайское и ничего русскаго. Посмотрите, гдѣ китаецъ дѣлаетъ покупки? Исключительно въ китайскихъ лавкахъ. Онъ готовъ заплатить дороже, внести пошлину, готовъ пройти лишнихъ нѣсколько верстъ, но непремѣнно сдѣлаетъ покупки въ китайской лавкѣ. Эта удивительная солидарность и взаимная поддержка всюду красной нитью проходятъ у китайцевъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и въ особенности у торговцевъ въ отношеніи другъ къ другу. Среди русскихъ крестьянъ наблюдается противное. Мелкій торговецъ, какъ только встанетъ на ноги, начинаетъ немилосердно эксплоатировать своихъ собратьевъ. Вотъ почему русскіе мужики предпочитаютъ у себя въ деревняхъ открывать не русскія лавки, а китайскія. И тутъ мы наталкиваемся на ту-же картину, какъ и въ рабочемъ вопросѣ: Китайскіе купцы въ деревняхъ культурнѣе русскихъ мелочныхъ торговцевъ.

Выше было сказано, какую связь китайскія лавки въ деревняхъ имѣютъ съ китайскими купцами въ городахъ, а эти послѣдніе съ главными торговыми фирмами въ Чифу и Цинъдао. Это всегда надо имѣть въ виду при рѣшеніи всякаго китайскаго вопроса, а вопроса о торговли—въ особенности.

Сейчасъ создалось такое положеніе вещей, что сразу удалить всѣхъ китайскихъ торговцевъ нельзя, потому что и крестьяне, и инородцы останутся безъ кредита и безъ предметовъ первой необходимости. Мнѣ кажется, что и здѣсь можно бы ввести процентную норму, сообразуясь съ числомъ русскихъ лавокъ и съ числомъ дворовъ въ деревнѣ. Слѣдуетъ постепенно сокращать китайскія лавки и за счетъ ихъ выдвигать русскія. Другая мѣра—это увеличеніе пошлины не только на предметы роскоши, но и на всѣ предметы китайскаго обихода, не исключая плотничныхъ и огородныхъ инструментовъ. Это принудитъ китайцевъ поддѣлываться подъ вкусъ русскихъ и пріобрѣтать русскіе товары съ русскихъ фабрикъ. Мѣра эта въ значительной степени сократитъ переливаніе русскаго золота изъ Приамурья за границу.

Въ заключеніе будетъ умѣстнымъ указать еще на одну нашу слабую сторону по управленію Восточной Сибирью.

Для борьбы съ желтыми мы слабы своей неорганизованностью. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать одинъ лѣсничій съ четырьмя лѣсниками, имѣя въ своемъ вѣдѣніи отъ десяти до двадцати милліоновъ десятинъ лѣса? Что можетъ сдѣлать одинъ начальникъ Удскаго уѣзда, раіонъ котораго охватываетъ значительную часть побережья Охотскаго моря, все нижнее теченіе Амура и всю сѣверо-восточную часть Уссурійскаго Края до мыса Олимпіады? Что могутъ сдѣлать два маленькихъ „крейсера надзора“ по охранѣ береговъ Великаго Океана отъ Владивостока до пролива Дежнева? Тоже самое можно сказать и про врача, и про священника—миссіонера, и про крестьянскаго начальника.

Теперь посмотримъ, какое положеніе занимаетъ Приамурскій Край на Дальнемъ Востокѣ по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. Взглянувъ на карту, мы видимъ, что Монголія, объявившая себя самостоятельной, отдѣлена отъ Китая пустынею Гоби (Ханхай). Южная Маньчжурія принадлежитъ китайцамъ номинально, фактически въ ней хозяйничаютъ японцы. Сѣверная Маньчжурія такимъ образомъ становится тоже отрѣзанной отъ Китая. Пекинское правительство поняло это и стало ее быстро колонизировать. Если Россія на Сѣверную Маньчжурію имѣетъ какіе либо виды, то вопросъ этотъ надо рѣшать теперь-же, пока она еще недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, пріобрѣтая страну, пріобрѣтаешь и ея населеніе. По сравненію съ другими областями Восточной Сибири въ особенно невыгодномъ положеніи находится Уссурійскій Край. Спускаясь къ югу по побережью моря, онъ какъ-бы вклиняется между тремя государствами, изобилующими своимъ населеніемъ. Съ запада—многолюдный Китай, съ юга—земледѣльческая Корея, съ востока—культурная Японія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что корейцы эмигрируютъ въ Россію и садятся на землю, японцы ловятъ рыбу у нашихъ береговъ, а китайцы хищничаютъ въ тайгѣ.

Уссурійскій Край своего рода буферъ, выдерживающій натиски „желтой расы“. Всѣ другія области, какъ Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребываютъ въ болѣе благо-

пріятныхъ условіяхъ; онѣ удалены и потому не находятся подъ натискомъ „желтыхъ".

Уссурійскій Край—будущій театръ военныхъ дѣйствій, и потому всѣ мѣропріятія правительства должны быть прежде всего направлены на Амуръ вообще и на Уссурійскій Край —въ особенности.

В. Арсеньевъ.

Les Chinois dans la région de l'Oussouri.

Sommaire du livre.

1. Aperçu physico-géographique. La région de l'Oussouri est une contrée montagneuse converte d'épaisses forets et arrosée par de nombreuses rivières coulant dans toutes les directions. La flore en est très variée. Ce qui frappe surtout le naturaliste c'est un mélange de formes subtropicales et d'espéces provenant du nord. Ce même mélange caractérise encore la faune dont les principaux représentanrts parmi les mammifères sont: le tigre, le léopard, le lynx, l'ours, le loup, le glouton, la fouine, la zibeline, le raton, le sanglier, le chevreuil, le bouquetin, l'élan, le cerf, le daim et le musc. En ce qui concerne le climat on observe de même un très grande amplitude dans les variations de la température, de l'humidité et de la pression barométrique. L'été notre région est soumise á l'influence des moussons; l'hiver, à l' influence du pôle du froid. Les chemins et les sentiers n'existent que dans la partie méridionale de la région. Dans les autres parties ils fout tout à fait défaut. La population est un mélange de Russes, de Coréens, de Goldes, d'Orotchs et de Chinois. C'est de ces derniers que je vais parler dans les pages qui vont suivre.

2. Données historiques. La région de l'Oussouri était habitée plus de 1000 ans avaut notre ere par la tribu thoungouse des Souchènes. Vers le milieu du VII-me sieècle ces derniers disparaissent et le règne de Bakhaï fait sa premiere apparition. Au XII-me et XIII-me siècles sur les ruines de Bokhaï surgit l'empire de Guin, puis jusqu'au XIX-me siècle notre région est presque à fait délaissée et devient deserte. Les chinois ne font leur apparition que peu de temps avant l'arrivée des Russes.

3. La transcription des noms géographiques a été confiée

à des officiers spécialistes. Les chinois en pénétrant dans la région ont altéré les noms donnés aux rivieres et aux montagnes par les indigènes et les Mantchoux ou les ont baptisées à leur maniere. Les Russes à leur tour ont défiguré les noms chinois et les ont définitivement embrouillés.

4. Les Chinois agriculteurs. Il n'est pas difficile de suivre année par année la marche progressive des chinois dans la région. Ils arrivent de chine seuls, sans leurs familles. Les chinois sont trèi laborieux, tres hospitaliers et affectionnent beaucoup leurs champs et leurs jardins.

5. Exploitation des indigènes par les chinois. Dans la partie méridionale de l'Oussouri les chinois ont tout à fait assimilé les indigènes et les ont asservis. Jl y a 10 ans l'esclavage n'était pas chose rare chez les chinois de l'Oussouri.

6. Les chinois comme chasseurs. Toute la partie méridionale de la région est couverte d'un réseau de sentiers frayés par les chasseurs chinois. Presque tous les habitants de la taïga étaient armés de carabines. Les huttes de chasseurs se comptent par milliers et les pièges à zibelines atteignent plusieurs millions.

7. Occupations des chinois. L'agriculture n'a jamais été l'objet d'une occupation intensive parmi les chinois de l'Oussouri mais seulement autant que cela était nécessaire pour leurs propres besoins. Les principales occupations des chinois comme sources de richesses, ont toujours été la capture des cerfs et des musc, la récolte des champignons et des lichens, la pêche de la perle, du chou marin, du crabe, de l'holothurie etc.

Chercheurs de gène-chène. Notre région est le centre de la récolte du gène-chene. Chez les chinois il existe beaucoup de très belles légendes concernant cette plante. Il arrive aux chinois qui s'en vont à la récolte du gène-chène d'endurer de très grandes privations car le panax se fait trés rare et ne se rencontre que dans les endroits tout à fait déserts de la taïga. La racine du gène-chene est employée sous forme de pilules ou d'infusion.

9. Khanchine (eau de-vie). Dans chaque ferme se trauve un alambic servant à distiller l'eau de vie pour le propre beso-

in du propriétaire et pour la vente aux indigènes. Après la défense par l'administration russe, de distiller l'eau de vie la fabrication du khanchine continue en Mantchourie, sur la rive gauche de l'Oussouri et le principal débouché paur son écoulement est toujours notre région.

10. Opium et empirisme. L'apparition de l'opium dans l' Oussouri est de date récente. La culture du pavot n'étant pas prohibée, augmente chaque année. L'emploi de l'opium en trop grande quantité a une influence pernicieuse sur les fumeurs.

Les empiriques chinois établissent le diagnostic d'une maladie en se fondant sur la fréquence du pouls on sur le caractére dans lequel prédomine un des trois éléments; le feu, l'eau ou l'air.

11. Les jeux de hasard auxquels se livrent les chinois sont: les cartes, le jeu du pharaon et la roulette des songes. Les chinois sont des joueurs passionés. Souvent ils perdent au jeu jusqu'à leur liberté et même posent sur une carte leur vie comme enjeu.

12. Khounkhouses. Les chinois sont tres cruels. Ils commettent leurs crimes sans distinction de sexe ou d'àge. Les tourments causés á tout être vivant leur procure un grand plaisir et eux-mémes sont indifférents devant la mort.

13. Lois chinoises. (Gouan et Khouei). La vie des chinois dans l'Oussouri était tout á fait indépendante de leur vie en chine. Chaque vallée représentait une commune administrée par des lois spéciales. La violation de ces lois entrainait des châtiments sévéres. Les délinquants étaient condamnés á l'ostracisme, á la bastonnade ou bieu ils étaient noyés, congelés ou enterrés vivants suivant la gravité du délite.

14. Organisations chinoises dans les villes. Les chasseurs chinois ont des liaisons étroites avec les marchands habitant les villages, ceux-ci, avec les commerçants de la ville et ces derniers avec les grandes maisons de Tchifou et de Tzin-dao.

15. Conclusion. La question jaune, question d'un haut intérêt pour notre contrée, ne repose pas exclusivement sur la concurrence existant ces derniers temps entre les ouvriers rus-

ses et les koulis chinois. Actuellement une lutte économique a lieu entre les Russes et les représentants de la race jaune et la régiou de l'Oussouri doit jouer le rôle de tampon contre les attaques des chinois et des Japonais.

W. Arsenief.

Николаевскъ

Зал. Де-Кастри

Проливъ Невельского

М. Сюркумъ

М. Св. Николая

М. Туманной

М. Бельгина

Б. Терней

Зал. Джигитъ

Зал. Св. Владимира

Зал. Св. Ольги

М. Поворотный

ХАБАРОВСКЪ

Илань

Никольскъ-Уссур.

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокіевское

Оз. Ханка

р. Амуръ

р. Уссури

р. Сунгари

р. Самару

р. Ямы

р. Хоэль

р. Имчимань

р. Ясельмо

р. Тумнинъ

р. Сюркумъ

р. Мули

р. Хунгари

р. Габилинъ

р. Хосэ

р. Мугуръ

р. Тумнинъ

р. Хуту

р. Куй

р. Ма

р. Тутто

р. Хоэли

р. Колли

р. Болынъ

р. Нелома

р. Самаргу

р. Вэнне

р. Наатеску

р. Кайму

р. Кумуну

р. Тахобъ

р. Кусуну

р. Амгу

р. Кимгамбэ

р. Таймо

р. Бильбэ

р. Самагбэ

р. Радынъ

р. Синанцза

р. Пантуну

р. Тадуну

р. Ивановскій

р. Кизуну

р. Ванцзину

р. Хунзу

р. Синда

р. Синти

р. Хорь

р. Чунне

р. Сунгай

р. Катакеева

р. Мутаго

р. Бикинъ

р. Алгань

р. Бикинъ

р. Силанъ 2го

р. Силанъ 1го

р. Силанъ 3го

р. Ильмъ

р. Ярму

р. Сандо В.

р. Ваку

р. Ваку В

р. Тадо В

р. Тадо

р. Уссури

р. Синанцза

р. Суйфунъ

р. Майхэ

р. Сунгача

р. Раздольная

р. Хунзу

р. Ванцзину

р. Кизуну

р. Ивановскій

р. Пантуну

р. Тадуну

р. Разынъ

р. Синанцза

р. Тадо

р. Уссури

р. Тадо В

р. Ваку

р. Ильмъ

р. Ярму

р. Сандо В.

р. Силанъ 3го

р. Силанъ 2го

р. Силанъ 1го

р. Бикинъ

р. Алгань

р. Мутаго

р. Катакеева

р. Сунгай

р. Чунне

р. Хорь

р. Синти

р. Синда

р. Колли

р. Болынъ

р. Хоэли

р. Тутто

р. Ма

р. Куй

р. Хуту

р. Тумнинъ

р. Мугуръ

р. Мули

р. Сюркумъ

р. Тумнинъ

р. Ясельмо

р. Имчимань

р. Хоэль

р. Ямы

р. Самару

Условные знаки:

Земледѣльческіе китайскіе раіоны

Водораздѣль

С

З В

Ю

100 75 50 25 0 100 вер.

Масштабъ въ 1 дюймѣ
100 верстъ.

Условные знаки:

- Пункты, гдѣ въ настоящее время существуютъ Китайскія Общества 1) Торговыя 2) Взаимопомощи и Гуань-и-Хуй
- Мѣста этихъ Обществъ до 1906 г
- Водораздѣлъ

Николаевскъ

Зал. De-Kastri

р. Амуръ

р. Сакасу

р. Хи

р. Хоймо

р. Хими

р. Ясемаль

р. Пушкино

р. Сорокумо

М. Сорокумъ

р. Мули

р. Мудге

р. Пушкино

р. Хумгари

р. Гобимни

р. Хису

р. Хуту

р. Чуй

р. Ма

М. Св. Николая

р. Баньчуб

р. Мыйма

р. Бобимни

р. Янгой

р. Тутто

р. Хаги

р. Коги

р. Синди

Ос. Петропавловское

ХАБАРОВСКЪ

р. Амуръ

р. Супгари

р. Уссури

р. Сити

р. Хорь

р. Чушь

р. Сурпай

р. Катакевичъ

р. Бикинъ

р. Мутале

р. Алгани

р. Бикинъ

р. Бикинъ 2-й

р. Синанъ 1-й

р. Синанъ 2-й

р. Бахинъ

Ильинскій

Императора Николая II

Проливъ

р. Батти

р. Немма

р. Симарги

М. Туманный

р. Вдинъ

р. Нахтоху

р. Свайму

р. Кунжу

р. Тахобъ

р. Кусунъ

р. Амгу

М. Бѣлкина

р. Ильинъ

р. Армуи

р. Самбо В.

р. Кавку

р. Уссури

р. Вадза В.

р. Ильинъ

Тадо В.

р. Такума

р. Кунгасъ

р. Бикинъ

р. Самкобъ

р. Радужный

Б. Терней

Зал. Джигитъ

р. Синанца

р. Пильму

р. Надуши

Зал. Св. Владимира

Зал. Св. Ольги

р. Ахусень

р. Ванцинъ

р. Тадусо

М. Поворотный

о. Ханка

р. Улахъ

р. Кето

р. Подгородная

р. Убинъ

р. Синанца

Никольскъ-Уссур.

р. Суйфунъ

р. Майсе

р. Сунгачъ

р. Тигровая

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокіевское

С

З В

Ю

100 75 50 25 0 100 верс.

Масштабъ въ 1 дюймѣ
100 верстъ.

Николаевскъ

Зал. Де-Кастри

Татарскій проливъ

р. Амуръ

р. Сунгари

р. Уссури

ХАБАРОВСКЪ

Шманъ

Никольскъ-Уссур.

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокіевское

М. Сюрюмъ

М. Туманный

М. Бѣлкина

Б. Мерной

Зал. Джигитъ

Зал. Св. Владиміра

Зал. Св. Ольги

М. Поворотный

М. Св. Николая

С

З В

Ю

100 75 50 25 0 100 вер.

Масштабъ въ 1 дюймѣ
100 верстъ.

Условные знаки:

Торговые зимніе пути китайцевъ.

Водораздѣль

Николаевскъ

Зал. Де-Кастри

Татарский пролив

М. Сюркумъ

М. Св. Николая

М. Туманный

М. Бѣлькина

б. Терпей

Зал. Джигитъ

Зал. Св. Владиміра

Зал. Св. Ольги

М. Поворотный

Р. Амуръ

Р. Уссури

Р. Сунгари

Оз. Петропавловское

ХАБАРОВСКЪ

Ильинъ

Оз. Ханка

Никольскъ-Уссур.

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокіевское

Условные знаки:

Охотничьи и промысловые районы Китайцевъ

Водораздѣль

С

З В

Ю

100 75 50 25 0 100 вер.

Масштабъ въ 1 дюймѣ
100 верстъ.

Николаевскъ

Зал. Де-Кастри

Пролив Невельского

М. Сюркумъ

М. Св. Николая

М. Туманный

М. Большина

Б. Терпей

Зал. Джигитъ

Зал. Св. Владиміра

Зал. Св. Ольги

М. Поворотный

Р. Амуръ

Р. Уссури

Р. Сунгари

Оз. Петропавловское

ХАБАРОВСКЪ

Ильинъ

Оз. Ханка

Никольскъ-Уссур.

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокіевское

Условные знаки:

Мѣста гдѣ китайцы занимались ловлей оленей ямами.

Водораздѣлъ

С

З В

Ю

90 75 50 25 0 100 вер.

Масштабъ въ 1 дюймѣ 100 верстъ.

Николаевскъ

Зал. Де-Кастри

Охотское море

Условные знаки:

Районъ жень-шеневаго промысла

Водораздѣлъ

Оз. Петропавловское

ХАБАРОВСКЪ

Имань

Никольскъ-Уссур.

ВЛАДИВОСТОКЪ

Новокіевское

М. Поворотный

М. Сюркумъ

М. Св. Николая

М. Туманный

М. Болкина

Б. Терней

Зал. Джигитъ

Зал. Св. Владимира

Зал. Св. Ольги

р. Амуръ

р. Уссури

р. Сунгари

С

З В

Ю

100 75 50 25 0 100 вер.

Масштабъ въ 1 дюймѣ
100 верстъ.